

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН

Власть и элиты

Power and elites

2024

Том 11

№ 1

Санкт-Петербург
2024

РЕДАКЦИЯ

А.В. Дука, *главный редактор*, к.пол.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.С. Быстрова, *заместитель главного редактора*, к.э.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Д.Б. Тев, *заместитель главного редактора*, к.с.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.Ю. Швая, *ответственный секретарь*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

В.Д. Дмитриева, *секретарь редакции*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

EDITORIAL TEAM

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Alla S. Bystrova, *Deputy editor in chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Denis B. Tev, *Deputy editor in chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Andrey Yu. Shvaya, *Executive secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Valeriia D. Dmitrieva, *Secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Дука Александр Владимирович**, *главный редактор*, кандидат политических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
- Быстрова Алла Сергеевна**, *зам. главного редактора*, кандидат экономических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
- Тев Денис Борисович**, *зам. главного редактора*, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
- Ачкасов Валерий Алексеевич**, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Гаман-Голутвина Оксана Викторовна**, доктор политических наук, профессор, членкорр. РАН, МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), Москва, Россия
- Гуторов Владимир Александрович**, доктор философских наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Завершинский Константин Федорович**, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Козловский Владимир Вячеславович**, доктор философских наук, профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Кочетков Александр Павлович**, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
- Лапина Наталия Юрьевна**, доктор политических наук, ИНИОН РАН, Москва, Россия
- Ледяев Валерий Георгиевич**, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
- Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, ИНИОН РАН, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия
- Мацузато Кимитака**, доктор юридических наук, профессор, Токийский университет, Токио, Япония
- Мохов Виктор Павлович**, доктор исторических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
- Панов Петр Вячеславович**, кандидат исторических наук, доктор политических наук, Институт гуманитарных исследований ПФИЦ Уральского отделения РАН Пермь, Россия
- Покатов Дмитрий Валерьевич**, доктор социологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
- Сельцер Дмитрий Григорьевич**, доктор политических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
- Соловьев Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
- Тыканова Елена Валерьевна**, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
- Чирикова Алла Евгеньевна**, доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

EDITORIAL BOARD

- Aleksandr V. Duka**, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Alla S. Bystrova**, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Denis B. Tev**, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Valeriy A. Achkasov**, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Oksana V. Gaman-Goluvina**, Doctor of Political Science, Corresponding Member of RAS, Professor, MGIMO-University, NRU “Higher School of Economics”, President of the Russian Political Science Association, Moscow, Russia
- Vladimir A. Gutorov**, Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Konstantin F. Zavershinskiy**, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Vladimir V. Kozlovskiy**, Doctor of Philosophy, Professor, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Alexander P. Kochetkov**, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- Natalia Yu. Lapina**, Doctor of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russia
- Valeriy G. Ledyaev**, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
- Olga Yu. Malinova**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
- Kimitaka Matsuzato**, Doctor of Law, Professor, The University of Tokyo, Tokyo, Japan
- Viktor P. Mohov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
- Petr V. Panov**, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Institute for Humanitarian Research of PFRC of the Ural Branch RAS, Perm, Russia
- Dmitry V. Pokatov**, Doctor of Sociology, associate professor, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia
- Dmitriy G. Seltser**, Doctor of Political Science, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
- Aleksandr I. Solovyev**, Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- Elena V. Tykanova**, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Alla E. Chirikova**, Doctor of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Завершинский К.Ф.

- 7–39 Традиционирование в политическом позиционировании современных элит: темпоральные измерения

ЭЛИТЫ И ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ

Сафронов В.В.

- 40–70 Контекстные модерации электоральных образовательных неравенств в странах Европы

КАРЬЕРЫ И РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ

Лу С.

- 71–104 Система продвижения кадров государственного управления КНР

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Чирикова А.Е.

- 105–154 Главы малых российских городов:
можно ли войти в одну реку дважды ?

CONTENTS

PROBLEMS OF THE ELITE STUDIES

K. Zavershinskiy

- 7–39 Traditionalizing in political positioning contemporary elites:
temporal dimensions

ELITES AND POLITICS IN EUROPE

V. Safronov

- 40–70 Contextual moderations of electoral educational inequalities
in European countries

CAREERS AND RECRUITMENT OF POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ELITES

Xiao Lu

- 71–104 Promotion system personnel of the state administration of the PRC

POWER AND ELITES IN RUSSIAN CITIES AND TOWNS

A. Chirikova

- 105–154 Heads of small Russian towns:
is it possible to step into the same river twice?

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.1>.

EDN: MRIVMA

*К.Ф. ЗАВЕРШИНСКИЙ*¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

ТРАДИЦИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭЛИТ: ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ¹

Аннотация. Рассматривается специфика и роль традицирования как амбивалентного процесса нарративного упорядочивания коллективных представлений во времени и его роль в политическом позиционировании современных политических элит. Цифровизация политических коммуникаций умножает вариативность «представлений о времени» и требует новых способов тематизации конфликта традиционного/новационного в политико-культурной динамике современных элит. Политические элиты в различных национальных сообществах руководствуются вариативными критериями «повторяемости» и «преемственности», связанными с восприятием темпов политических изменений и ожиданиями «настоящего» и «будущего». В связи с чем особую значимость приобретает исследование взаимосвязи «темпоральных режимов» политической памяти и процессов традицирования, амбивалентного поиска и обеспечения режима политической преемственности при бинарном кодировании политических коммуникаций как «консервативных/прогрессивных». Временные режимы политических коммуникаций возникают на основе

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>

тенденций к гомогенизации темпоральных представлений в сообществах, создавая более стабильные условия для устойчивого сочетания представлений о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Традиционирование играет важную роль в институционализации и поддержании образцов политической солидарности, выступая важным культурным ресурсом темпорального структурирования политической сферы и противостояния политической инверсии и произвольности в активности элит. Процессы, происходящие в национальной памяти современных сообществ под воздействием кризиса темпорального режима «нового времени», артикулируемого современными неолиберальными элитами, существенно повышают риски политической асинхронизации. В результате политические элиты и иные политические акторы все чаще утрачивают способность к эффективному контролю над процессом традиционирования, подменяя его радикальной консервативной традиционализацией или ультрапрогрессизмом. Используя теоретические и практические экспликации современной культурсоциологии и антропологии политики как методологическую основу, автор предлагает новые теоретические подходы к изучению роли темпоральных измерений в исследовании специфики воспроизводства политических традиций и позиционирования современных элит в условиях неолиберальных стратегий цифровизации.

Ключевые слова: темпоральные измерения, темпоральные режимы, политическая память, цифровизация, политическое позиционирование, политические элиты, политические традиции, традиционализация, традиционирование, темпоральный кризис

Для цитирования: Завершинский К.Ф. Традиционирование в политическом позиционировании современных элит: темпоральные измерения // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 1. С. 7–39. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.1>. EDN: MRIVMA

Введение

Актуальность обращения к исследованию процесса социального конструирования политических традиций и нарративов «традиционного» в практике политического позиционирования современных элит обусловлена ростом конфликтной дифференциации и поляризации национальных и внешнеполитических пространств в реалиях динамики современных политических коммуникаций. Исследователи все

чаще фиксируют нарастание кризиса современных политико-административных элит, проявляющегося в их неспособности обеспечить устойчивый социетальный порядок [3] и растущей деинституционализации принятия и реализации властных решений [17]. На наш взгляд, подобные явления обусловлены не только процессами авторитарной консолидации или деструктивной активностью «невидимых элит», на чем часто акцентируют внимание элитологи, но и структурным кризисом «темпорального порядка» коллективных представлений. Рост вариативности представлений о прошлом, чувство «непредсказуемости настоящего» и «неопределенности будущего» интенсифицируют в элитном сегменте социумов процессы артикуляции и культивирования ими нарративов «традиционных» ценностей. Традиционализация все чаще используется элитами как способ стабилизации политического порядка и фактора мобилизации политических акторов в реалиях умножения рисков принятия политических решений.

Актуализация нарративов «традиционного» в значительной мере обусловлено тем, что представления о преемственности с прошлым интенсивно фрагментируются и разрушаются потоком умножающихся «различений» в условиях радикальной мобильности цифровизации политических коммуникаций. «Прошлое» утрачивает ретроспективную последовательность и определенность, что деформирует процесс коммуникативного понимания и социальной преемственности. Вместо конструктивного «диалога с прошлым» в коллективных представлениях, его символического пролонгирования в настоящее и будущее часто происходит «цифровой арест и захват» прошлого, ведущий к утрате естественной для человеческих сообществ «ностальгии по ушедшему» и поколенческой преемственности [32].

Социологическая литература позитивистского плана по политико-культурной динамике элит часто оставляет за скобками вопрос о том, как работает социальная память в обеспечении преемственности и разрывов в эволюции и инволюции политических элит, редуцируя эту проблематику к технологиям политики памяти, трактуемой чаще всего как историческая политика по «проработке прошлого». «Множественность временных потоков» актуализирует проблему критериев различения прошлого и настоящего, проработку моделей их синхро-

низации [18]. Темпоральная динамика современных политических коммуникаций, которая умножает вариативность «временных потоков» («гетерогенность» социального времени), связанную с активностью множества политических акторов, требует новые способы тематизации политико-культурной динамики элит. Политические элиты в различных национальных сообществах руководствуются вариативными критериями преимущества, связанными с восприятием темпов политических изменений и ожиданиями «настоящего» и «будущего».

Интенсификация санкционных и прокси-войн, пропагандистского потенциала цифровых коммуникаций привносят дополнительную проблемность в прогнозирование политическими элитами и экспертными сообществами действий по достижению устойчивого политического порядка и успешного позиционирования во внешнеполитическом пространстве. Это стимулирует элиты на риторические артикуляции в публичном пространстве амбивалентных дискурсов: «политико-культурных констант» (политических традиций и обычаев) и «новаций», апелляцию к консервативным или прогрессивным ценностям при легитимации политических решений и мобилизации активности граждан. Цифровая революция интенсифицирует гибридизацию национальных политических культур и амбивалентность дискурсов политического позиционирования, что требует коррекции существующих теоретических моделей функционирования политических традиций, процесса их воссоздания с такими политико-культурными феноменами, как растущая политическая дифференциация идеологий «консерватизма»/«прогрессизма» и конфликтной динамики коллективных представлений о «прошлом», «настоящем» и «будущем».

Подобные процессы актуализируют исследование специфики политического позиционирования элит в связи с особенностями темпорального структурирования национальной памяти, так или иначе определяющих смысловой дизайн нарративов «традиционного» и «новационного», «консервативного» и «прогрессивного». Политическая борьба и стратегии элит всегда связана с политическими концепциями эволюции общества, нарративами прошлого, настоящего и будущего самих элит и общества. В этом теоретическом контексте представляется перспективным изучение специфики дискурсивных

форм, символических презентаций и самопрезентаций политических элит «во времени», влияния темпоральных структур социума и самих элит на практики политического доминирования. Время при этом понимается как специфическое политико-культурное «измерение смысла», способ символического оформления событий политической коммуникации, где темпоральные символические структуры выступают «архивацией» множественности таких событий во времени.

Вместе с тем, по мнению автора, процесс поиска взаимосвязи традиционного и новационного в активности политических элит односторонне редуцировать к процессу *традиционализации* как способу воспроизводства прошлого в настоящем и однозначного позиционирования новационному будущему. Комплексный анализ подобной коммуникативной динамики адекватней понимать в семантике понятия «традиционирования» как амбивалентного процесса поиска и обеспечения темпорального режима политической преемственности в процессе динамики бинарного кодирования политических коммуникаций как консервативных/прогрессивных. В процессе темпоральной совместимости ожиданий «будущего», «настоящего» и «прошлого» элит и граждан в горизонте семантики консервативного/прогрессивного происходит оформление специфических темпоральных нарративов упорядочивания политических коммуникаций. Если не происходит оформление когнитивных схем устойчивого темпорального порядка совместимости ожиданий, то обостряются конфликты как между элитными группами, так и внутри гражданских сообществ. Именно в такие периоды актуализируется рефлексия по поводу политических традиций, цивилизационной идентичности или дискурсы революционных преобразований.

Темпоральные нарративы, в которых символически репрезентируются «режимы времени» и «политика времени элит», нацелены на упорядочивание во времени вариативных групповых ожиданий посредством синхронизации представлений о коллективно значимых политических событиях. Исследование политико-культурной специфики конкурирующих темпоральных нарративов и контрнарративов консервативного/прогрессивного в национальной памяти любого сообщества в контексте анализа эволюции и специфики темпоральных режимов и профилей легитимации политической памяти могут слу-

жить теоретической основой для более комплексного прогнозирования эволюционного потенциала акторов того или иного политического сообщества.

Исследование темпоральных структур процесса политического позиционирования элит нацелено на решение теоретико-методологических вопросов, значимых, по мнению автора, для осмысления специфики процесса обеспечения «символического постоянства» в политической эволюции сообществ и роли элит в этом процессе в реалиях современных цифровых коммуникаций. Статья стремится ответить на следующие базовые исследовательские вопросы: на какие теоретико-методологические послылки ориентируются современные исследования процесса традиционирования и социальной динамики нарративов консервативного/прогрессивного в политическом позиционировании современных элит и какие в связи с этим обозначаются теоретические проблемы и перспективы их преодоления? Какова роль темпоральных режимов национальной памяти в оформлении специфики политического позиционирования элит и их активности при культивировании нарративов консервативного и прогрессивного? Как сказывается цифровизация политических коммуникаций на процессы темпоральной упорядоченности и позиционирования политических элит?

«Традиционализация» и «традиционирование» в практике политического позиционирования элит

Теоретико-методологические проблемы изучения места и роли политических традиций и практик их поддержания политическими элитами достаточно регулярно артикулируются в исследованиях политического позиционирования элит. Политическая *традиционализация* рассматривается современными исследователями как значимый политический феномен, связанный с процессом социального конструирования элитами политической идентичности социума на основе проекций в прошлое. Практически в любом исследовании социокультурной динамики политических элит так или иначе отмечается, что специфика позиционирования политических элит невозможна без действенности коммуникативных структур их самоидентификации и политики национальной идентичности посредством культивирования политических традиций. Вместе с тем очевидно, что процесс

культивирования традиций в современных коммуникациях не редуцируется к «остаткам» прошлой социальной действительности — это всегда некий потенциал и симбиоз смыслов «прошлого», «настоящего» и «будущего».

В публичной риторике и социологической литературе социальные традиции, политические в частности, при всех ремарках о взаимосвязи традиций и новаций часто описываются как относительно устойчивые во времени, укоренившиеся в повседневности «руководящие паттерны»; «онтологические ценности» и обычаи, которые передаются из прошлого в настоящее и свидетельствуют о «приверженности» («позитивной» или «негативной») «политическому прошлому» («прошлым» институтам власти и идеологическим стереотипам) [5]. Политические традиции рассматриваются как идеализированные и идеологизированные образцы организации политического порядка, возникающие в процессе обобщения политического опыта, на которые ориентируются элиты при выработке, принятии и реализации властных решений [19]. Важнейший «оператор» политических традиций наряду с иными, «неполитическими», — политические элиты, индивидуальные и групповые акторы, которые на постоянной основе участвуют не только в процессе подготовки или обсуждения, но и в принятии политических решений [8]. Подобный способ концептуализации феномена политической традиции, не умаляя его академической значимости, нуждается в уточнении и теоретико-методологической комплементарности.

Более адекватной современным коммуникативным процессам трактовкой «традиционного» выглядит понимание традиции как «переработки», переделки или перепрофилирования культурных форм прошлого в настоящем как на институциональном уровне, так и за рамками институциональной культуры. Поэтому возникающие традиции всегда есть некая вариативная «пропорция» «динамичного» и «консервативного» [26]. В трактовке процесса традиционализации в современном обществе представляется более обоснованной концептуализация феномена традиций, обозначенная в свое время Эриком Хобсбаумом. Ослабляя постмодернистские интерпретации его концепции «изобретения традиций», можно в целом согласиться с определением смысла и содержания «традиционного» в работах британ-

ского ученого [31]. Отталкиваясь от его интенций, традицию можно определить как набор практик, регулируемых прямо или косвенно формальными и неформальными правилами, имеющими ритуальный и символический характер, которые стремятся привить определенные ценности и нормы поведения путем повторения, установления преемственности в настоящем с реальным или изобретенным прошлым.

Подобная теоретическая и практическая проблемность процесса воспроизводства современных традиций, обнаруживающая связь с ожиданиями в настоящем, стимулирует не только критическое описание и сравнительное исследование функций политических традиций как дискурсивных структур исторической памяти сообществ, но и нацеливает на поиски ответа на вопрос — что и как превращало (превращает) многообразие политических представлений и знаний о прошлом в устойчивые политические традиции «в будущем». И наоборот, в силу каких политико-культурных факторов, происходит их эрозия и смена на качественно иные «руководящие паттерны». Следует также учитывать, что, когда речь идет о коллективно значимых представлениях в политической памяти о «прошлых» событиях и практиках, мы имеем дело не с самими событиями, а с некоторыми ожиданиями, налагающими или снимающими ограничения на политические действия в настоящем и будущем. То, что номинируют «реальной» традицией, всегда включает ожидания «настоящего» и «будущего». Тем самым определяющее значение для возникновения политических традиций и соответственно их описания играет динамика семантических структур политической памяти как комплекса коллективно значимых представлений о «прошлом», настоящем» и «будущем».

Несмотря на активные дебаты в публичном и академическом пространстве по поводу значимости корреляции «традиционного/новационного» («консервативного/прогрессивного») в политическом позиционировании элит их социально-политическая семантика достаточно часто редуцируется к частным измерениям (ценностно-нормативным, социально-психологическим, историческим) и сопровождается резкой идеологической конфронтацией. Подмена амбивалентной динамики содержания категорий традиционного/инновационного понятиями традиционализма и его антиподами ведет к омонимии («традиции-инерции, традиции-ностальгии», «революци-

онные традиции» и т.д.) и «делокализации», «детемпорализации» традиций (отрыв от фиксированных пространственных и временных рамок) [5, с. 46–54], исследовательскому редукционизму в трактовке «традиционных» и «новационных» «режимов развития» [20]. Проблемным остается и вопрос о том, как и каким образом «нарративы традиционного» и их символические репрезентации участвуют в процессе политической самоидентификации современных элит и сообществ и от чего зависит их конструктивный («новационный») или деструктивный символический потенциал.

В связи с подобными теоретико-методологическими апориями, на которые обращают внимание многие исследователи роли традиций в политике, мы полагаем, что при комплексном исследовании процессуальных аспектов социального конструирования традиций обоснованно говорить не только о *традиционализации*, но и о *процессе традиционирования*. *Традиционирование* выступает важным звеном динамики смысловых комплексов политической памяти сообществ, обеспечивающим культивирование и пролонгирование «паттернов постоянства», «устойчивости» во времени. *Традиционализация* же в этом контексте выступает как аспект этого процесса, связанный с консервативной составляющей процесса традиционирования. Традиционирование играет центральную роль в институционализации и поддержании образцов политической солидарности, выступая важным культурным ресурсом темпорального структурирования политической сферы.

Другими словами, устойчивая политическая идентичность всегда основывается на темпоральной структуре памяти, которая репрезентируется в нарративах «консервативного/прогрессивного» и такой их символической репрезентации, как нарративы традиционирования, основанные на семантике «повторения/ускорения». «Темпоральный порядок» политических коммуникаций всегда тесно связан с особенностями политического позиционирования элит во времени, со способами восприятия ими времени (прошлого, настоящего, будущего), предопределяющих дискурсивную и институциональную динамику сообществ, со спецификой практик солидарности между его членами. Вопрос о темпоральных режимах процесса традиционирования позволяет осуществлять сравнительный анализ потенциала «упорядочивания» у акторов политического пространства в зависимости от доминирую-

щих у них представлений о значимости тех или иных событий прошлого, в горизонте их представлений о настоящем и ожидаемом будущем.

Теоретико-методологические основания исследования темпоральных структур процесса традицирования

Мы полагаем, что приоритетной методологической стратегией изучения политико-культурной специфики практик «упорядочивания во времени» при политическом позиционировании элит в реалиях цифровизации политических коммуникаций может стать комплементарность культурсоциологических и политико-антропологических моделей темпоральной динамики социокультурных феноменов. При подобном подходе современную политическую культуру можно интерпретировать как историческую форму политической памяти, а политику памяти и ее цифровые инволюции — как символическую политику. Под национальной памятью автор понимает долговременную форму политической памяти как взаимосвязанного комплекса символических структур, порождающих своего рода «политико-культурные константы» того или иного политического сообщества, легитимирующих деятельность элит и объединения индивидов в сложных политических сообществах посредством символизации, типизации политических событий не только в пространстве, но и во времени. Политическая память актуализируется во внутренней и внешней политике прежде всего посредством символической политики политических элит, вовлекающих в этот процесс и иные, неэлитные, группы¹.

¹ В статье мы акцентируем внимание на темпоральной динамике символических структур политической памяти в контексте их роли в процессе политического позиционирования элит и обеспечения упорядоченности политических коммуникаций. Более подробно об авторском видении специфики и возможностях культурсоциологической эпистемологии исследования социокультурной динамики политической памяти, ее символических пространственно-временных границ, кодов, профилей легитимации и роли дискурсивных структур для процесса политической идентификации и поколенческой преемственности современных элит см.: [Завершинский 2020; 2021].

Темпоральные измерения в исследованиях коммуникативной динамики политических акторов позволяют, на наш взгляд, расширить возможности анализа политико-культурной динамики элит. Весьма обоснованными при анализе подобной политической активности элит выглядят посылки тех исследователей, которые считают важным учитывать особенности теоретического моделирования процесса социальных коммуникаций в зависимости от «преимущественно» временной или пространственной опции сопряжения фактов политической действительности. Социология пространства, как правило, связана с пространственной «социологией тела», в то время как социология смысла есть, по существу, социология времени. «Прошрое», «настоящее» и будущее — это смысловые измерения коммуникации, поэтому те, кто исследует самостоятельную значимость культуры, смысловых образцов, ориентированы на время. Напротив, те, кто больше значения придает «телесности», материальным носителям смыслов, власти, ориентированы на пространство [21, с. 109]. Именно «темпоральные опции» позволяют уточнить ответы на принципиальные вопросы, «как» и «кем» задается политическое время, в каких временных горизонтах существуют те, кто «запускает действие, делает предложение или самопрезентацию и тем самым ставит других пред необходимостью реагировать» [11, с. 332].

Тем самым исследователи, занимающиеся изучением динамики культуры элит, должны учитывать не только специфику функционирования и позиционирования элит в конкретных политических пространствах, но и на особенности горизонтов времени, в рамках которых эти ориентации возникают. Те же, кто акцентирует внимание на предметном и пространственном аспекте динамики элит, в основном пребывают в опции реконструкции синхронии функционирования элит. Подобные исследования «пространственных измерений», на наш взгляд, составляют ядро исследований в области элитологии, нередко порождая своего рода теоретический эссенциализм «ценностных ориентаций» в трактовке природы политической элитарности, процессов деградациии или позитивной сменяемости политических элит. При этом темпоральные измерения, позволяющие вскрыть смысловую специфику динамику преемственности и разрывов в деятельности элитных групп, нередко остаются на периферии или трактуются в кон-

тексте «универсальности» моделей демократических, авторитарных или тоталитарных режимов.

В рамках этой и близких по эпистемологическим интенциям методологических стратегий акцентируется, что символические структуры политической памяти и ее акторов, репрезентируемые в темпоральных нарративах, следует рассматривать как относительно «независимые» переменные», поскольку они обладают высокой степенью автономии по отношению к социальной реальности. Эта нарративная основа дискурсивного ядра коллективных представлений не однородна и дифференцируется на основе поляризации бинарных различий, составляющих каркас того или иного нарратива. Темпоральные политические нарративы, как полагает автор, возникают в процессе семантического снятия дихотомии базового для властных коммуникаций бинарного кодирования оппозиции консервативного/прогрессивного [9, с. 24–44], привнося упорядоченность в трактовку временного дизайна коллективно значимых событий национальной памяти. Бинарное кодирование обеспечивает символическую классификацию мира, упорядочивая символические рамки временного и пространственного дизайна коллективно значимых политических событий [22]. Отталкиваясь от идей Ф. Смитта, развивающего теорию бинарной семантики гражданской сферы [36, р. 14–24], можно констатировать, что в целом дискурсивное ядро современного темпорального режима политических коммуникаций не однородно и дифференцируется на основе поляризации бинарных различий консервативного/прогрессивного, составляющих каркас нарративов традиционирования. Подобные нарративы также можно классифицировать по степени интенсивности поляризации составляющих их бинарностей (пропорций динамичного и устойчивого) и жанрам со слабым потенциалом повседневной темпорализации этих ожиданий с более сильным — жанром трагизации/романтизации и апокалиптическим как наиболее действенный из всех нарративных жанров. Если массовые коллективные представления на уровне повседневности могут существовать в режиме *презентизма*, интерпретации прошлого и будущего в когнитивной значимости «постоянства» локального настоящего, то элитарный сегмент может руководствоваться «ностальгическими» ожиданиями прошлого, динамичного революционного или ультра-

консервативного будущего, предвещающими апокалиптические трансформации социума. При всей вариативности подобных междисциплинарных методологических стратегий их объединяет онтология интерпретации коммуникативной динамики социальной памяти как смыслопорождающего процесса, репрезентируемого в символических перформативных структурах. Самоидентификация политических элит в том или ином социуме всегда явно или опосредованно связана с символической легитимацией своей значимости в рамках коллективных представлений этого социума о своей эволюции во времени, поскольку «синтез времени и идентичности» всегда осуществляется посредством памяти [24, р. 109].

Важно учитывать, что специфика традиционирования в символических рамках той или иной политической памяти зависит также от темпоральной динамики «фигураций» мнемонических акторов политической памяти. Принципиальными в связи с этим видятся теоретические послышки Дж. Олика, позволяющие конкретизировать стратегию репрезентации символических структур политических нарративов и их специфику в том или ином обществе. Описание смены профилей легитимации современной социальной памяти, на его взгляд, предполагает исследование конфликтной динамики символических контуров национальной памяти, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возникновения и эволюции профилей легитимации [34, р. 36–76]. В контексте этой методологии можно говорить о темпоральной специфике образов времени, синхронизации/асинхронизации иерархий героического и жертвенного, смене стратегий культивирования традиций и новаций, темпов стратегий «гуманизации» или «расчеловечивания врагов». Таким образом, в рамках стратегии исследования политико-культурной динамики нарративов самоидентификации элит особое значение приобретает сравнительный анализ темпорализации профилей легитимации коллективной политической памяти и ожиданий политических элит. Артикуляция на этой основе особенностей сочетания консервативных/прогрессивных фигураций профилей легитимации позволяет конкре-

тизировать процесс темпорализации сообществ и выявить частные способы кодирования политических практик элит, возникающих на основе доминирующих кодов консервативного/прогрессивного. При таком взгляде на процесс традиционирования и его наррации важно учитывать специфику динамики темпоральных режимов политической памяти, которые определяют и переопределяют содержание символических фигур в профилях легитимации. Специфика преодоления конфликтной бинарности консервативного/прогрессивного в динамике политических элит и соответственно возникающих нарративов «постоянства» и «ускорения» зависит от того, какие у них доминируют темпоральные референции: из «настоящего», «прошлого» или «будущего». Весьма перспективным в комплексном исследовании места и роли темпоральных измерений динамики бинарного кодирования политического позиционирования элит является моделирование специфики темпоральных режимов социума.

**Темпоральные режимы политической памяти:
специфика политического позиционирования
в реалиях цифровизации политических коммуникаций**

Развивая теоретические посылки о взаимосвязи коллективных представлений о времени и политической идентичности в процессе оформления социокультурных общностей, современные исследователи все чаще используют концепт «режимы памяти». Однако, несмотря на акценты на исторической, временной специфике «режимов памяти» в политических исследованиях, этот концепт чаще используется для сравнительного функционального анализа «политик памяти» и практик коммеморации исторических событий. При этом «историчность» выступает своего рода производной от особенностей социального конструирования элитами публичного пространства и государственной идентичности. При анализе ценностно-нормативных параметров режимов памяти и ее нарративных структур, темпоральное измерение часто редуцируется к дихотомии борьбы ценностных ориентаций автократических и демократических акторов, практик институционализации политики памяти [12, с. 21; 15]. Обоснованным следует считать критику подобной практики использования концепта «режимы памяти», редуцирующей его темпоральную

динамику к политической хронологии, не учитывающей комплексный характер «политики памяти», включающей отношения контингентности, анахронизма и мультитемпоральности [14].

При акцентах на «социологию пространства памяти», несмотря на присутствие ссылок на работы А. Ассман, часто на периферии исследовательского интереса остаются базовые интенции немецкой исследовательницы по поводу темпоральной специфики концепта «режимы памяти». Вводя в свое время понятие «временной режим культуры» для исследования социокультурной динамики социальной памяти, Ассман ориентировала на выявление темпоральной организации и ориентации» социума — специфики когнитивных схем коллективных взаимодействий и практик идентификации в связи с представлениями о времени [1]. Специфику возникшей в Новое время социальной памяти она усматривает в символических репрезентациях «прошлого» и «будущего» в «референциальных рамках современности». Поэтому режим Нового времени Ассман характеризует как «время разрыва», «фиктивное новое начало», «творческое разрушение», возникновение понятия «исторического ускорения». Это предопределяет пределы и особенности семантического варьирования темпоральных ожиданий и содержание политической активности акторов. На современном этапе, этапе «постмодерна» или «метамодерна», как номинируют его некоторые исследователи, «общества делает современным» то, что оно живет в весьма конфликтном режиме «динамической стабилизации», которая перманентно требует роста, ускорения и инноваций для воспроизводства своей структуры, и поддержания своего институционального статуса [30, р. 520]. Подобная актуализация конфликта «консервативного/прогрессивного» многие исследователи связывают с неизбежными в рамках такой динамики «травматическими запросами» того или иного сообщества на эмоциональное, институциональное «символическое возмещение» в виде качественно новой интерпретации событий прошлого, которые меняют ролевую структуру и систему преемственности и должностования коллективных участников политического процесса в соответствии с этим новым видением [23].

Моделирование темпорализации современной коллективной памяти политических сообществ позволяет обеспечить социологическую

конкретизацию предложенной А. Ассман стратегии исследования темпоральных режимов современности. Удачным, на наш взгляд, развитием этой стратегии следует считать исследование Кэтрин Бахляйтнер динамики влияния темпоральных структур коллективной памяти на позиционирование политических элит во внешнеполитическом пространстве [25]. Современный социум, как полагает исследовательница, чтобы существовать и обрести социально-политическую стабильность, должен быть способен пролонгировать себя во времени. Он должен обрести перформативную публичную память и государственную идентичность, выводящие ожидания политических акторов за рамки доступных политических реалий, возникших на основе интерпретаций прошлой политической реальности. Особый интерес для ответа на наш вопрос «Кто и как запускает время?» представляет выделение исследователем процессуальных фаз становления устойчивой идентичности, влияющей на практики политической легитимации элитами своей политики как внутри страны, так и на международной арене. Кэтрин Бахляйтнер не использует понятие «темпоральный режим», но предлагаемый ею концепт «темпоральной безопасности» (temporal security) на основе концепции «онтологической безопасности» сообществ, как и понятие «временного режима», акцентирует внимание на взаимосвязи коллективной памяти («бытия-во-времени») и процессов идентификации на основе оформления национальных нарративов о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Политико-культурными триггерами подобного процесса, сопровождающегося публичной рефлексией и острыми дебатами по поводу «онтологической безопасности», «экзистенциальных рисков», возникающих в результате осмысления травматических событий реальных или вымышленных, являются коллективное чувство тревоги и «публичного стыда». Действия политических элит, следуя интенции Кэтрин Бахляйтнер, осуществляются вдоль «оси» темпорализации представлений о критических для возникновения и существования той или иной нации политических событий прошлого, в контексте динамики представлений о прошлом и будущем из настоящего. Представления о «темпоральной безопасности» как действенном идеальном измерении специфики политического позиционирования национальных сообществ происходят в процессе конструирования элитами политической

стратегии, публичной идентичности, государственной политики и национальных ценностей. Подобная аналитической модель темпорализации коллективной памяти как процесса обретения «темпоральной безопасности», «временной непрерывности» (temporal continuity) позволяет объединить пространственные социально психологические и социологические интерпретации активности политических элит на внешнеполитической арене с особенностями темпоральных структур национальной идентичности и «политики времени» государств во внешней политике.

Отталкиваясь от базовых посылок этой аналитической модели, ослабляя ее социально-психологические контексты, отсылающие к модели культурной травмы, можно интерпретировать процесс активности элит по оформлению темпорального режима в том или ином социуме следующим образом. Первоначально этот процесс возникает при разработке элитами антикризисной политической стратегии. Он запускает процесс реконструирования публичных, разделяемых многими представлений об эволюции политико-культурной идентичности страны. Это, в свою очередь, стимулирует процесс конструирования государственной идентичности и социального консенсуса по поводу национальных ценностей. Таким образом, темпоральный режим современных обществ возникает или меняется в процессе стратегического политического позиционирования элит по отношению к другим политическим сообществам, обретая и создавая «символические константы» публичной идентичности страны как предпосылки внутривнутриполитических контуров «темпоральной безопасности», что, в свою очередь, придает уверенность в последовательности принимаемых политических решений и долговременности государственных институтов. Завершается же этот процесс артикуляцией и сакрализацией национальных ценностей, возникновением публичной политической аксиологии — идеологически и морально обоснованными нарративами о «правильности» и «справедливости» реализуемого элитами политического курса. Из этого вытекает, что обеспечение устойчивой преемственности в деятельности элит не может быть редуцировано к их способности культивировать и оберегать традиции прошлого. Появление и содержание политических традиций существенно зависит от фазы темпорального режима, в котором «бытийствует» социум,

специфики приоритетных политических стратегий элит в «политики времени» при социальном конструировании публичной и государственной идентичности, состояния коллективных ожиданий и интерпретативных способностей элит конструктивно переосмыслить опыт прошлого.

Пожалуй, наиболее обстоятельной недавней попыткой обобщить вариативные теоретические подходы в исследованиях темпоральных режимов социума является монография Филиппа Торреса «Временные режимы: материальность, политика, технология». Она представляет интерес для нашего исследования и тем, что в ней обозначена взаимосвязь специфики темпорального режима и «политики времени», которую проводят политические акторы. В основе концептуальных представлений Филиппа Торреса лежит посылка, что время — осмысление опыта изменений, а оформление темпорального режима связано с повторяемостью и стабильностью в продуцировании представлений о времени. Темпоральные режимы — результат специфики социокультурной конфигурации, возникающей в обществе, на его основе происходит тематизация представлений о времени. Временной режим возникает на основе тенденций к гомогенизации социальных ожиданий, создавая стабильные условия для устойчивого сочетания представлений о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Тем самым темпоральный режим обеспечивает условия для доминирования тех или иных представлений о направленности изменений — их линейности или цикличности, презентизма или футуризма, ускорений или замедлений. Темпоральный режим создает определенные «привычки» или структуры в жизни, чтобы получить конкретный результат. Следуя интенциям Филиппа Торреса, чтобы описать специфику «привычек», традиций, существующих темпоральных режимов, необходим комплексный анализ темпоральных представлений на основе таких параметров, как *повторяемость, артикуляция и управляемость* (iterability, articulability, governmentality) [37, p. 1–38]. «Повторяемость» — устойчивость представлений о временных перспективах, способов формирования, символизации «удержания прошлого» в настоящем; «артикулированность» — наличие отчетливых представлений о закономерностях темпоральной динамики и направленности временных потоков; «управляемость» — наличие набора перформативных

норм, которые регулируют, «программируют» на коллективном уровне действия по изменению социального порядка.

Достаточно очевидно, что базовые установки этой концепции, не углубляясь в критическую рефлексию по поводу частностей, весьма комплементарны обозначенным выше методологическим стратегиям изучения темпоральных измерений процесса политического традиционирования. Временные режимы могут способствовать созданию устойчивых политических общностей или, наоборот, блокировать подобные возможности, координируя события не только личной, но и коллективной жизнедеятельности. Политическое время, в котором «живет» сообщество, является сложным комплексом синхроний и темпоральной разнородности, сосуществующей в рамках одного временного режима, предопределяющим уровень его конфликтности и специфику традиционирования. Различия «консервативного/прогрессивного» проявляются не только в идеологии ценностных ориентаций или отрицании/признании «новаций» и «традиций», а в понимании динамики *процесса ускорения и повторения*. Прогресс не отменяет традиций, а относится к ним как потенциалу для использования в будущем, а консервативные нарративы не отменяют прогресса, ориентируя на поиски нормативных и институциональных констант в происходящих изменениях. Особую конфликтную динамику современные темпоральные режимы обретают в условиях технологий цифровизации социальной памяти с их специфическими способами маркирования пространства и видения временных перспектив политической активности.

Политико-культурная динамика современных темпоральных режимов и кризис практик традиционирования цифровой эпохи

Описания влияния политико-культурных практик цифровизации на социальное конструирование политического пространства и времени в научной литературе носит весьма вариативный характер. Многие исследователи подчеркивают, что в реалиях эрозии национальных метанарративов и стимулируемого цифровизацией либеральных стратегий глобального «культивирования различий» происходит интенсивное ускорение роста автономии и дифференциации символического кодирования коммуникативных сред. Это ведет

к снижению влияния ранее существовавших «символически генерализованных медиа» [10, с. 46–48] и оформлению «индифферентной культуры» [4]. Подобные процессы разрушают сопряженность коммуникативных систем политики с неполитическими и ведут к эрозии темпоральных структур политической памяти, росту произвольности, непредсказуемости принимаемых политическими элитами политических решений.

В современных междисциплинарных исследованиях «цифровой памяти» (digital memory studies) последнего десятилетия весьма обстоятельно анализируется влияние цифровизации на социальные коммуникации, оформление «транснациональной памяти», специфика сетевых взаимодействий и работы массмедиа на цифровых платформах, цифровизация коммеморативных институтов. Исследования политико-культурных изменений политической памяти в реалиях современной цифровизации коммуникаций, несмотря на вариативность тематики, отчетливо амбивалентны в своих оценках влияния цифровизации на политическое позиционирование политических акторов. Спектр оценок варьируется от позитивных артикуляций по поводу позитивности влияния цифровых технологий на характер элитной динамики до скепсиса и апокалиптических прогнозов на этот счет. В целом фиксируется, что цифровая революция содействует формированию новых элитных сегментов. Отмечается формирование цифровой культура как специфической идеологической, ценностно-нормативной, мировоззренческой структуры и развитие «цифровой политической реальности», проявляющееся в глобальных проектах по развитию коммуникативных «метавселенных», создающих внесударственные и внеправовые «онтологические» цифровые форматы социально-технологической активности с разнообразными технологиями корпоративного кодирования политико-административной деятельности. Описываются авторитарные и тоталитарные риски растущей автономии «цифровых элит», разрушающих традиционные механизмы политического позиционирования и репрезентации [13], деинституционализация элит в условиях расширения сетевой автономии правящих группировок, подменяющих предметно-смысловую реальность конструированием имитационной символической социальной реальности «видимости» политического представительства [16].

В подобном рода исследованиях сохраняется и оптимизм по поводу расширения публичных пространств и уровня вовлеченности участников политического процесса благодаря сетевым интернет-взаимодействиям и электронному администрированию. Электронное администрирование, как полагают исследователи, является позитивным примером отказа от традиционных политических посредников и стимулирует перенос внимания элит на совершенствование повседневных, конкретных практик политической коммуникация. Это своего рода «дезинтермедиация» (disintermediation) политических интракций, устранение посредников в политических коммуникациях. Исследователи подчеркивают, что веб-технологии сокращают затраты на производство контента, а их горизонтальный характер дают гражданам возможность для его распространения в массовом масштабе. Эта «демократическая» трансформация моделей политического общения позволяет эффективно распространять и выражать мнения, эмоции и идеи без посредничества административно-политических элит. Исследователи, отстаивающие эти посылки, считают, что «цифровая общественность» более плюралистична и дает дополнительные возможности общественного обсуждения [35, p. 141].

Вместе с тем следует отметить, что доминирует критический анализ политико-культурных последствий влияния интернета на процессы демократизации и пространство публичного диалога элит с гражданами. Скорее можно наблюдать дальнейшую «фрагментацию и поляризацию» публичного пространства, снижение символической эффективности установок на социальное равенство и справедливость, исчезновение «общности» смысла, снижение уровня политической культуры и многочисленные «информационные пузыри». В коммуникативном цифровом капитализме надзорный капитал и надзорное государство приобретают дополнительные возможности для консолидации. «Большие данные» означают усиление власти «Большого Брата» и крупного капиталистического бизнеса [29, p. 58]. «Надзорный капитализм» стимулирует создание сетей, генерирующих устойчивый иерархический характер распределения возможностей. В процессе коммуникаций выигрывают те, кто наиболее успешно монетизировал свое иерархическое положение в таком пространстве [27, p. 178]. «Коммуникативный капитализм», которому цифровизация придала

дополнительный импульс, обесмысливает понятие демократии, политической солидарности, культивирует манипулятивные дискурсы героизации/виктимизации.

Возникающие под влиянием цифровой активности современных политических элит семантические структуры политической памяти часто приобретают более высокую степень манипулятивной перформативности по отношению к акторам, институтам и организациям, которые их породили и надеялись контролировать. В частности, радикализация на первый взгляд «прогрессистских», «демократических» неолиберальных политических нарративов может привести к тотальному символическому декодированию и делегитимации политического порядка. Культур-антропологически ориентированные авторы ответственность за подобные процессы возлагают на утверждение идентичности «западничества» (occidentalism), основанной на темпоральном режиме непрерывного изменения, когда субъект инвестирует себя во все новые идентификации, понимаемые с точки зрения индивидуалистического саморазвития. Неспособность реализовать такое саморазвитие приводит к кризису идентификации, который стимулирует возврат к консервативным формам традиционализма и интеллектуальному цинизму постмодернизма, «клиническому» аффективному «нарциссизму» [28].

Исследователи, характеризующие специфику режима времени «позднего модерна», нередко фиксируют ускорение умножения вариативности представлений о прошлом и обеднение образов настоящего и будущего. В цифровую эпоху, отмечает А. Ассман, сопровождающейся интенсивным развитием техники гипервизуализации, возникают все новые образы прошлого. Подобная тенденция носит весьма амбивалентный характер, поскольку мы не знаем, будет ли это стимулировать, усилить коллективную враждебность и «националистический нарциссизм» или же сделает процесс переосмысления национального прошлого более всеобъемлющим [2]. Это связано с тем, что цифровые коммуникационные технологии связаны с идеологией «непрерывного прогресса», порождающего все новые формы контроля за коммуникациями, и значимости консьюмеристских ожиданий все новых гаджетов на практике ведет к упадку общественно-политического воображения, «отменяя будущее». Вместо прогнозирования

будущего люди получают потребительские гаджеты и аудиовизуальные эрзацы памяти.

Такая идеология прогресса маскирует отсутствие перспективы позитивного будущего и содействует реактуализации радикальных консервативных дискурсов. Культура прошлого встраивается в социокультурную реальность настоящего «без будущего», воспроизводит, «повторяет» консьюмеристские ожидания настоящего, блокирующие и гасящие потребность участвовать в процессе соединения «прошлого» с идеей будущего. Это отличает нынешний режим памяти от того, который существовал в XIX и особенно в XX в., когда возникали позитивные утопии будущего. Люди испытывают не только давление из-за потери будущего, но и через множество индивидуализированных и аффективных интерпретаций прошлого теряют совместное прошлое [33, р. 40]. Вместо проработки прошлого происходит его «разграбление» и продуцирование легко исчезающих «призраков прошлого».

Неолиберальные деконструкции режимов времени, их цифровые аудиовизуализации горизонтов политической памяти ведут и к эрозии его смысловых структур. Многообразие различий в понимании прошлого приводит к тому, современные элиты утрачивают смысловой каркас принятия политических решений, так как исчезает стабильность значимости восприятия настоящего и будущего, а значит и степень адекватности адаптации к политической действительности и ответственности перед будущим. Это порождает диктат «кратковременной памяти» и своего рода политическую «инфальтильность», проявляющиеся в бегстве как от позитивных, так и от негативных проективных ожиданий. В рамках такой нестабильности временного режима политической памяти символические фигуры героического и жертвенного, подвергаясь экспансии редуцированных популистских нарративов элит, ведут к политической инверсии символических конфигураций в профилях национальной идентичности, размывают символические границы между героической жертвенностью, противостоящей хаосу насилия, и виктимизацией, ведущей к героизации преступного насилия. Процессы, происходящие в политической памяти современного общества под воздействием цифровых коммуникаций, существенно повышают риски принятия политическими элитами

безответственных решений. В результате политическая элита и иные политические акторы утрачивают способность к эффективному контролю над процессом традиционирования, подменяя его радикальной консервативной традиционализацией или безудержным прогрессизмом. Остается надеяться, что травматический опыт выхода из нынешнего темпорального кризиса, переход к более сбалансированным режимам традиционирования политического позиционирования будет осуществляться в соответствии не с апокалиптическими, а с позитивно-утопическими ожиданиями.

Заключение

Современные политические коммуникации умножают вариативность «временных потоков» («гетерогенность» социального времени), связанной с ростом численности и активности мнемонических акторов и институтов, что актуализирует поиск новых способов тематизации конфликта «консервативного/прогрессивного» в политико-культурной динамике современных элит. Политические элиты в различных национальных сообществах руководствуются вариативными критериями восприятия темпов политических изменений, поколенческой преемственности и «разрывов», «повторяемости» и «ускоренности» в освоении политического опыта, обусловленной разнообразием коллективных представлений о взаимосвязи «прошлого», «настоящего» и «будущего».

Представления о преемственности «прошлого», «настоящего» и «будущего» интенсивно фрагментируются и разрушаются потоком умножающихся «различий» в процессе современной «политики времени», реализуемой неолиберальными элитами посредством технологий цифровизации. Рост вариативности представлений о прошлом, чувство «непредсказуемости настоящего» и «неопределенности будущего» интенсифицируют в элитном сегменте многих социумов процессы культивирования нарративов «традиционных ценностей». Нарратив сохранения, обретения и поиска «традиционных ценностей» (темпорального «повторения») все чаще используется элитами как способ стабилизации/дестабилизации политического порядка и в качестве символического триггера политической мобилизации. При этом взаимосвязь «традиционного прошлого» и «новационного будущего»

в активности политических элит нередко редуцируется к семантике традиционализации как способа воспроизводства прошлого в настоящем и позиционирования по отношению инновационному будущему.

Автор полагает, что в реалиях современных коммуникаций более обоснованно понимание феномена политической традиции и преемственности как результата переработки темпоральных политико-культурных форм прошлого в проекции не только настоящего, но и будущего как на институциональном, так и на повседневном уровне. В связи с этим особую значимость приобретает концепт «темпоральный режим политической памяти». Временной режим коллективных представлений возникает на основе тенденций к гомогенизации темпоральных ожиданий, создавая стабильные условия для устойчивого сочетания представлений о взаимосвязи событий прошлого, настоящего и будущего. Тем самым темпоральный режим обеспечивает условия для оформления преференциальности представлений о направленности социальных изменений, в том числе практик воспроизводства преемственности и традиций. Политическое время является сложным комплексом синхроний и темпоральной разнородности, которые могут сосуществовать в рамках одного временного режима, предопределяя уровень его конфликтности и специфику «удержания» прошлого опыта в настоящем и его пролонгирования в будущее.

Устойчивость политической идентичности всегда основывается на темпоральной структуре политической памяти, которая репрезентируется в нарративах «консервативного/прогрессивного» и такой их символической репрезентации, как нарративы традиционирования, основанные на семантике «повторения/ускорения». Традиционирование выступает важным звеном динамики смысловых комплексов политической памяти сообществ, обеспечивающим культивирование и пролонгирование «паттернов повторяемости», «постоянства» и «устойчивости» во времени. Традиционализация же в этом контексте выступает как аспект этого процесса, связанный с консервативной составляющей процесса традиционирования. Традиционирование играет центральную роль в институционализации и поддержании образцов политической солидарности, выступая важным культурным ресурсом темпорального структурирования политической сферы и противостояния политической инверсии и произвольности в активности элит.

Специфика преодоления бинарности консервативного/прогрессивного и возникающих при этом способов воспроизводства процессов «повторяемости»/«ускорения» зависит от того, какие доминируют темпоральные референции: из «настоящего», «прошлого» или «будущего». Исследование специфики традирования в различных темпоральных режимах позволяет осуществлять сравнительный анализ потенциала «упорядочивания» акторов политического пространства в зависимости от доминирующих у них представлений о значимости и связи тех или иных событий прошлого, настоящего и ожидаемого будущего.

Цифровая революция, авангардом которой выступают неолиберальные «наследники Модерна», интенсифицирует гибридизацию национальных политических культур и конфликтную амбивалентность дискурсов политического позиционирования и функционирования национальных политических традиций. Автор разделяет послышки тех исследователей, которые полагают, что «культура прошлого» в современных цифровых коммуникациях сообществ встроена в кризисную когнитивную конструкцию «вне прошлого и будущего» («постмодерна», «метамодерна» и т.п.), когда «повторное» утверждение позитивного настоящего воспринимается все более индифферентно и консюмеристски. Это ведет к размыванию смысловых горизонтов восприятия прошлого, настоящего и будущего, а значит снижает степень адаптации представителей политических элит к политической действительности и ответственности перед будущим. Это порождает диктат «кратковременной памяти», смерть позитивных утопий будущего и своего рода «политическую инфантильность», проявляющиеся в бегстве как от позитивных, так и от негативных проективных ожиданий. В рамках такой нестабильности временного режима политической памяти символические фигуры героического и жертвенного, подвергаясь экспансии радикальных и примитивных идеологических популистских нарративов, ведут к идеологической инверсии сакральных фигур в профилях гражданской идентичности, размывают символические границы между героической жертвенностью, противостоящей хаосу насилия, и виктимизацией, ведущей к героизации преступного насилия. Процессы, происходящие в национальной памяти современных сообществ под воздействием кризиса темпорального режима

«нового времени», артикулируемого неолиберальными элитами, существенно повышают риски политической асинхронизации. В результате политические элиты и иные политические акторы все чаще утрачивают способность к эффективному контролю над процессом традиционирования, подменяя его радикальной консервативной традиционализацией или прогрессизмом.

Применительно к исследованию политического позиционирования элит при разработке элитами современной антикризисной политической стратегии и политики идентичности важно учитывать темпоральную специфику динамики нарративов «консервативного/прогрессивного» в конкретных обществах. Следует учитывать, что она проявляется не только в идеологической конфронтации ценностных ориентаций или в отрицании/признании «новаций» и «традиций», а зависит от качественной специфики темпорального режима социума, восприятия участниками коммуникаций значимости «повторения» или «ускорения». В случае оформления устойчивого, сбалансированного темпорального режима политический прогресс не отменяет традиций, а относится к ним как к потенциалу для использования в будущем, а консервативные нарративы не блокируют прогресс, ориентируя на поиски нормативных и институциональных констант в происходящих изменениях.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Завершинский Константин Федорович — доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии. Санкт-Петербургский государственный университет.

Телефон: +7 (812) 363–64–59. **Электронная почта:** k.zavershinsky@spbu.ru.

Research Article

KONSTANTIN F. ZAVERSHINSKIY¹

¹St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia

TRADITIONALIZING IN POLITICAL POSITIONING CONTEMPORARY ELITES: TEMPORAL DIMENSIONS

Abstract. The article examines the role of traditionalizing as an ambivalent process of narrative ordering of collective ideas over time in the political positioning of

contemporary political elites. The digitalization of political communications increases the variability of “ideas of time”. It requires new ways of thematizing the conflict between the traditional and the innovative in the political and cultural dynamics of contemporary elites. Political elites in different national communities are guided by varying criteria of “repetition” and “continuity” associated with the perception of the pace of political change and expectations of the “present” and “future”. In this regard, the study of the relationship between the “temporal regimes” of political memory and the processes of tradition, the ambivalent process of searching for and ensuring a regime of political continuity, with the binary coding of political communications as “conservative/progressive”, acquires particular significance. Temporal regimes of political communications form according to the homogenization of temporal ideas in communities, creating more stable conditions for a sustainable combination of ideas about the relationship between the past, present, and future. Traditionalizing plays an important role in institutionalizing and maintaining political solidarity, serving as an important cultural resource for the temporal structuring of the political sphere and the opposition to political inversion and arbitrariness in the activity of elites. The processes occurring in the national memory of contemporary communities influenced by the crisis of the temporal regime of the “new time” and articulated by contemporary neoliberal elites, significantly increase the risks of political asynchronization. As a result, political elites and other political actors are increasingly losing the ability to effectively control traditionalizing, replacing it with radical conservative traditionalization or progressivism. Drawing on cultural sociology and anthropology of politics as a methodological basis, I propose new theoretical approaches to the role of temporal dimensions in studying the reproduction of political traditions and the positioning of contemporary elites in the face of neoliberal digitalization strategies.

Keywords: temporal dimensions, temporal regimes, political memory, digitalization, political positioning, political elites, political traditions, traditionalizing, traditionalizing, temporal crisis.

For citation: Zavershinskiy, K.F. Traditionalizing in Political Positioning Contemporary Elites: Temporal Dimensions. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 7–39. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.1>.

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation (grant no. 24-28-01309), <https://rscf.ru/project/24-28-01309>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin F. Zavershinskiy — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science. Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 363–64–59. **E-mail:** k.zavershinsky@spbu.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. Трансформации нового режима времени / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 272 с.
Assmann A. Has the Connection of Times Disintegrated? The Rise and Fall of the Temporal Regime of Modernity. Transformations of the New Regime of Time. [Russ. ed.: *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna. Transformacii novogo rezhima vremeni.* Transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2017. 272p.] (In Russ.)
2. Ассман А. Европейская мечта: четыре урока истории. Переизобретение нации / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 512 с.
Assman A. The European Dream: Four Lessons of History. Reinventing the Nation. [Russ. ed.: *Evropejskaya mechta: chetyre uroka istorii. Pereizobretenie nacii.* Transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2022. 512 p.] (In Russ.)
3. Дука А.В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023. Т. 10. №. 2. С. 24–43. EDN: AIVBFP
Duka A.V. Elites in the structure of political opportunities. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No 2. P. 24–43. (In Russ.)
4. Бодрийяр Ж. Насилие глобализации / пер. с франц. Ю. Бессоновой // Логос. 2003. № 1(36). С. 20–23.
Baudrillard J. The Violence of Globalization. Transl. from French by Julia Bessonova. *Logos*. 2003. No 1(36). P. 20–23. (In Russ.)
5. Гофман А. Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. Москва: Новый Хронограф, 2015. — 496 с.
Gofman A. B. *Tradiciya, solidarnost' i sociologicheskaya teoriya. Izbrannye teksty.* [Tradition, Solidarity and Sociological Theory. Selected Texts.] Moscow: Novyj Hronograf publ., 2015. 496 p. (In Russ.)
6. Завершинский К.Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 2. С. 77–96.
Zavershinskiy K.F. "Patriotism of the Elites" as a Discursive Dimension of the Symbolic Structures of National Memory. *Vlast' i elity*. 2020. Vol. 7. No 2. P. 77–96. (In Russ.)

7. Завершинский К.Ф. «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 123–147.
Zavershinsky K.F. “Generations of elites” vs. “elite of generations”: communicative dimensions of the socialization of political elites. *Vlast' i elity*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 123–147. (In Russ.)
8. Каспэ С. В этом шкафу много скелетов: политическое использование традиции в современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. С. 9–37.
Kaspe S. There are many skeletons in this closet: the political use of tradition in contemporary Russia. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 9–37. (In Russ.)
9. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. — 256 с.
Luhmann N. Power. [Russ. ed.: *Vlast'*. Transl. from German by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Praksis publ., 2001. 256 p.] (In Russ.)
10. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. — 317 с.
Luhmann N. Differentiation. [Russ. ed.: *Differenciaciya*. Transl. from German by B. Skuratov. Moscow: Logos publ., 2006. 317 p.] (In Russ.)
11. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. — 360 с.
Luhmann N. Introduction to systems theory. [Russ. ed.: *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu*. Transl. from German by K. Timofeeva. Moscow: Logos publ., 2007. 360 p.] (In Russ.)
12. Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С.26–39.
Malinova O.Yu. Memory mode as a tool of analysis: problems of conceptualization. *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy*. [Memory politics in contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives] Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 26–39. (In Russ.)
13. Мамычев А. Ю., Кочетков А. П., Понеделков А. В. Трансформация властных отношений и формирование цифровой элиты в политическом процессе современного общества // Власть и элита в эпоху цифровой

трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы IV Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 25 марта 2022 г. / ред.-изд. гр. В.В. Рудой (рук) и др. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 15–22.

Mamychev A. Yu., Kochetkov A. P., Ponedelkov A. V. Transformation of power relations and formation of digital elite in the political process of modern society. *Vlast' i elita v epohu cifrovoj transformacii: novye vyzovy i ugrozy, traektorii social'no-politicheskogo razvitiya sovremennogo obshchestva* [Scientific Research: IV All-Russian Elitology Congress with International Participation. 25 March, 2022 g.] Ed. by. V.V. Rudoy (head) and others. Rostov-on-Don: Publishing house of the Southern Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022. P. 15–22. (In Russ.)

14. Николаи Ф.В., Вилкова Ю.В. Понятие «режимы памяти» в российских и англоязычных memory studies // История и историческая память. 2020. Вып. 21, С. 9–18.

Nikolai F.V., Vilкова Yu.V. The concept of “memory modes” in Russian and English-language memory studies. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. 2120. Vol. 21. С. 9–18. (In Russ.)

15. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. — 632 с.

Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy [Memory politics in contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives / Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko.] St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p. (In Russ.)

16. Соловьев А.И. Деинституализация правящей политической элиты: механизмы и практики // Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 25 марта 2022 г. / ред.-изд. гр.: В.В. Рудой (рук.) и др. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 22–30.

Soloviev A.I. Deinstitutionalization of the ruling political elite: mechanisms and practices. *Vlast' i elita v epohu cifrovoj transformacii: novye vyzovy i ugrozy, traektorii social'no-politicheskogo razvitiya sovremennogo obshchestva* [Scientific Research: IV All-Russian Elitology Congress with International Participation. 25 March, 2022 g.] Ed. by. V.V. Rudoy (head) and others. Rostov-on-Don:

- Publishing house of the Southern Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022. P. 22–30. (In Russ.)
17. Соловьев А.И. Деинституализация правящей политической элиты: в поисках теоретической модели // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 1. С. 37–55.
Soloviev A.I. Deinstitutionalization of the ruling political elite: in search of a theoretical model. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No 1. P. 37–55. (In Russ.)
 18. Сыров В. Н., Агафонова Е. Н. Концепция множественности времен как эпистемологический вектор в отношении трактовок прошлого и настоящего. Социология власти, 2022. Т. 34. № 1. С. 95–123.
Surov V. N., Agafonova E. N. The concept of multiple times as an epistemological vector in relation to interpretations of the past and the present. *Sociologiya vlasti*, 2022. Vol. 34. No. 1. P. 95–123. (In Russ.)
 19. Судаков С.С. Понятие традиции в современном американском либерализме. Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 2005. — 179 с.
Sudakov S.S. *Ponyatie tradicii v sovremennom amerikanskom liberalizme* [The concept of tradition in modern American liberalism.] Kaliningrad: Publishing house of the Kaliningrad State University, 2005. 179 p. (In Russ.)
 20. Семенов И.С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 45–65. EDN: GZGVJK
Semenenko I.S. Tradition and innovation as concepts of political science and guidelines for development policy: dialectic of compatibility. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2023. No. 5. P. 45–65. (In Russ.)
 21. Филиппов А.Ф. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 75–114.
Filippov A.F. On the concept of theoretical sociology. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2008. Vol. 7. No. 3. P. 75–114. (In Russ.)
 22. Alexander J. C. *The Civil Sphere*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. — 816 p. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2007.00359_3.x
 23. Alexander J.C. *Trauma: A Social Theory*. Malden: Polity Press. 2012. 232 p.
 24. Assmann J. Communicative and Cultural Memory. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / eds A. Erll and A. Nunning, in collaboration with S. B. Young*. Berlin; New York: Gmb & Co. KG, 2010. P. 109–118.
 25. Bachleitner K. *Collective Memory in International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 163p.
 26. Buccitelli A. B. Introduction. *Race, Ethnicity, Tradition, and Digital Technology, Race and ethnicity in digital culture: our changing traditions, impressions, and*

- expressions in a mediated world* / Anthony Bak Buccitelli editor. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, LLC, 2018. P. 1–13.
27. Dean J. Critique or Collectivity? Communicative Capitalism and the Subject of Politics. *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data* /Chandler, D. and Fuchs, C. (eds.). London: University of Westminster Press, 2019. P. 171–182.
 28. Friedman J. *PC Worlds: Political Correctness and Rising Elites at the End of Hegemony*. New York: Berghahn Books, 2019. 348 p.
 29. Fuchs C. Karl Marx in the Age of Big Data Capitalism // *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data* /Chandler, D. and Fuchs, C. (eds.). London: University of Westminster Press, 2019. P. 53–71.
 30. Rosa H., Torres F. Acceleration theory, temporal regimes, and politics today. An interview with Hartmut Rosa. *Res publica*. 2021. Vol. 24(3). P. 519–523.
 31. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Tradition // *The Invention of Tradition*. Edited by Hobsbawm Eric, Ranger Terence. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. P. 1–14.
 32. Hoskins A. *The restless past: an introduction to digital memory and media* // *Digital memory studies: media pasts in transition* / edited by Andrew Hoskins. New York: Routledge, 2017. P. 1–24.
 33. Pogačar M. Culture of the Past Digital connectivity and dispotentiated futures // *Digital memory studies: media pasts in transition* / edited by Andrew Hoskins. New York: Routledge, 2018. P. 27–47.
 34. Olick J. K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, L.: The University of Chicago Press. 2016. x+517 p.
 35. Robles-Morales J. M., Córdoba-Hernández A. M. *Digital Political Participation, Social Networks and Big Data: Disintermediation in the Era of Web 2.0*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 152 p.
 36. Smith P. *Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005. x+254.
 37. Torres F. *Temporal regimes: materiality, politics, technology*. New York: Routledge, 2022. 186 p. <https://doi.org/10.4324/9781003180876>

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.2>

EDN: NGJZY

*В.В. САФРОНОВ*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

КОНТЕКСТНЫЕ МОДЕРАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Аннотация. Рассматриваются образовательные неравенства участия избирателей в парламентских выборах в странах Европы и России. Эти неравенства, отражая, как свидетельствуют исследования в Западной и Восточной Европе, одни из наиболее отчетливых структурных различий в голосовании, могут заметно отличаться в разных странах, предположительно вследствие особенностей их социально-экономического развития и демократических институтов. С целью проверки этих предположений рассматриваются опросные данные Европейского социального исследования (ESS, Round 9), проведенного в 28 европейских странах, включая Россию (Round 8), а также статистические и аналитические сведения о распространенности коррупции в этих странах, состоянии безработицы и других характеристиках. Статистический анализ осуществляется при помощи двухуровневого логистического моделирования — со случайными коэффициентами для переменных индивидуального уровня и объяснением их различий контекстуальными факторами. Результаты подтверждают, что участие в парламентских выборах тесно связано с образованием избирателей — с его ростом существенно повышается вероятность голосования. Выраженность такой зависимости обусловлена общественным контекстом — электоральная активность образованных

страт начинает снижаться по мере ухудшения работы демократических институтов, зафиксированного показателем распространенности коррупции. При нарастании в стране экономических проблем, о которых свидетельствуют повышенные уровни безработицы, растет вероятность того, что люди с невысоким образованием примут участие в избрании парламента.

Ключевые слова: парламентские выборы, неравенства участия по образованию, общественный контекст, воспринимаемая коррупция, безработица, страны Европы и Россия, Европейское социальное исследование (ESS).

Для цитирования: Сафронов В.В. Контекстные модерации электоральных образовательных неравенств в странах Европы // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 1. С. 40–70. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.2>. EDN: NGJZJY

Участие в выборах, образование и общественный контекст: состояние исследований

В научной литературе признается, что политическое поведение индивида зависит от полученного им образования — с его повышением растет активность. С. Верба и его коллеги связывают политическое участие с социально-экономическим статусом, полагая, в частности, что образование не только наделяет индивида необходимыми ресурсами — гражданскими навыками и политическими знаниями, но и усиливает его мотивацию участия, формируя интерес к политике и уверенность в возможности на нее повлиять, а также создает условия мобилизации, включая его в сети политически активных граждан [26; 31]. В эту теоретическую модель укладываются и результаты многочисленных исследований электорального участия. Одной из составляющих объяснительной модели индивидуальных детерминант участия в парламентских и президентских выборах, согласно метаанализу релевантных статей (90 работ с 2000 по 2010 г.), действительно является образование (наряду с возрастом, мобильностью, потреблением информации СМИ, мобилизацией, партийной идентификацией, интересом к политике, голосованием на предшествующих выборах и др.) [28].

Согласно авторитетным исследованиям в США, образование и возраст — важнейшие переменные, определяющие вероятность голосования на выборах [34]. В последующем также отмечалось, что основ-

ные различия между американскими избирателями состоят в том, что лучше образованные голосуют чаще, чем менее образованные, обеспеченные — чаще, чем бедные, люди старших возрастов — чаще, чем молодые (активнее также англо-американцы, женщины, неодинокие) [21]. Проверка в Соединенных Штатах соображений о причинах влияния образования на электоральную явку показывает, что это может происходить вследствие усиления у образованных избирателей чувства гражданского долга, уверенности в возможности оказания влияния на политику и особенно благодаря развитию когнитивных способностей и политической осведомленности, приобретению навыков, облегчающих регистрацию [16].

Эти факты подкрепляются анализом данных из других западных демократических стран, свидетельствующем о существовании зависимостей между электоральным участием и образованием (наряду с возрастом и некоторыми другими переменными), которые в определенной мере могут объясняться характерными для более образованных граждан повышенным интересом к политике и чувством гражданского долга [5; 6]. По данным Европейского социального исследования (ESS, 2006 г., 24 страны), вероятность участия в парламентских выборах была ниже среди избирателей с невысоким образованием и в младших возрастных когортах при слабом интересе опрошенных к политике, неверии в открытость политической системы, неудовлетворенности ею и политиками [15]. Изучение неравенств политической активности с использованием материалов Международной программы социальных исследований (опросы ISSP 2004 и 2014 гг. и другие сведения) показывает, что участие в выборах растет вместе с социально-экономическим статусом и возрастом (снижается у самых пожилых), ему способствуют связи индивида с общественными ассоциациями, приверженность гражданскому долгу, уверенность в способности влиять на политику, доверие другим людям [12]. В западных демократиях с различными избирательными системами при разной значимости выборов (регионального, национального или европейского уровней) наблюдаются отчетливые закономерности избирательной активности, которая, нарастая с возрастом и образованием, обусловлена общими мотивационными диспозициями индивида — интересом к политике и чувством гражданского долга, а также его ситуативной обеспокоенностью

результатами выборов и уверенностью, что проголосовать нетрудно [7]. Как отмечается в недавнем обзоре работ, посвященных политическим неравенствам в этих странах, более низкая вероятность участия в голосовании менее образованных, бедных, молодых избирателей (отчетливо проявляющаяся при невысокой общей явке) может вести к недоучету их интересов при принятии политических решений [8].

Зависимости, выявленные при изучении избирателей в западных странах, можно обнаружить и в новых демократиях Центральной, Восточной Европы и России. Электоральное участие в них при заметно более низких показателях явки связано с теми же демографическими, социальными переменными и политическими аттитюдами, что и в странах с укорененными демократическими режимами, хотя и менее отчетливо [2; 4; 10; 18; 22]. Его вероятность заметно увеличивается с образованием, возрастом избирателей (снижается в самых старших категориях), ростом у них интереса к политике, уверенности в открытости политической системы влиянию граждан, доверия политическим институтам и особенно, как мы обнаружили, при наличии партийной идентификации.

Обсуждавшиеся работы опираются на теоретические представления, в которых образование понимается как прямая причина политического поведения, поскольку способствует развитию у индивида необходимых навыков, знаний, интереса к политике и способности на нее воздействовать. Это положение оспаривалось в теориях «социализации» и «относительного образования» [23]. Согласно первой, ключевую роль играют условия социализации: социально-экономический статус семьи (и окружающих), когнитивное развитие в ней и формируемые взгляды на политику, которые определяют получаемое индивидом образование и сами побуждают в последующем к политическому участию. Во втором альтернативном объяснении используется понятие относительного образования — получение хорошего образования способствует повышению социального статуса, предполагающего вхождение в политизированные социальные сети (способствующие политической мобилизации и нормативному давлению) и выступающего непосредственной причиной политической активности, причем такое повышение будет менее выраженным при росте общего образовательного уровня в обществе. Согласно недавней

характеристике социальной демографии избирателей, сохраняются, несмотря на значительные общественные изменения, значительные различия участия в выборах, связанные с образованием, возрастом и этнической принадлежностью (другие ее особенности менее отчетливы), однако их трудно интерпретировать в терминах причины и следствия [24]. В сегодняшней оценке состояния дел также отмечается, что интерпретации зависимости между образованием и политическим участием, о которой свидетельствуют многочисленные исследования, вызывают вопросы [33]. Объяснение причин роста политической активности при повышении образования, пишут эти авторы, представляют три основные теоретические модели: В «стандартной теории» образование считается непосредственной причиной политического участия, поскольку способствует развитию необходимых для этого навыков и знаний. «Теория социализации» представляет образование сложной, долгосрочной, не прямой причиной участия в политике, действующей вследствие трансляции общих представлений об отношениях индивида с обществом, его политических обязательствах и работе правительства. Согласно третьему теоретическому взгляду, образование является «прокси» социально-экономического статуса, который выступает подлинной причиной политической активности, способствуя контактам с политизированным окружением. Как и в предшествующих обзорах, отмечается, что использование в последнее время стратегий причинного вывода приводит к неоднозначным результатам и не дает убедительных подтверждений ни одной из теорий.

Таким образом, в настоящее время признается, что участие в выборах связано с образованием, и это объясняется общепринятой теорией, связывающей его с ресурсами, мотивацией и мобилизацией, хотя выдвигаются и другие интерпретации, увязывающие причины такой зависимости с социализацией и социальным статусом.

В исследованиях также установлено, что кроме индивидуальных различий электорального участия, в том числе по образованию, явка на выборы зависит от общественного контекста. Согласно результатам метаанализа, повышению участия в национальных выборах способствуют социально-экономические переменные, включая явку на предыдущих выборах (привычное поведение), стабильность населения

и меньшее представительство меньшинств (большая социальная связанность и контроль); институциональные переменные — упрощенные регистрационные требования и обязательное голосование (пропорциональная электоральная система — в половине работ); политические особенности избирательной кампании — значительные расходы на ее проведение и высокая конкуренция (но не партийная фрагментация) [9]. В другом метаанализе электорального участия на национальном, региональном и местном уровнях отмечается, что в литературе есть согласие о его росте при обязательном голосовании, большей важности выборов, в маленьких странах, однако сведения о влиянии других факторов, включая тип избирательной системы, число партий, социально-экономическое развитие, выраженность доходных неравенств и остроту партийной конкуренции, остаются неоднозначными [30]. Согласно недавнему исследованию участия в парламентских выборах в странах ОЭСР (*fuzzy-set qualitative comparative analysis*), прежде всего коррупция, а также низкое доверие парламенту, невысокая образованность населения и выраженные доходные неравенства наносят вред демократии, снижая электоральную явку [11].

Индивидуальные переменные, влияющие на избирательную активность, могут с большей силой проявляться в определенных контекстах. В одних работах, не подтверждающих этого предположения, указывается, что индивидуальные зависимости мало отличаются в пропорциональных и других избирательных системах [4]. Сопоставление сложившихся демократий (ISSP 2004, 2014) также обнаружило, что участие в выборах растет с повышением социально-экономического статуса, однако такая закономерность не связана с общественным контекстом — проявляется в унитарных и федеральных государствах, консенсусных и мажоритарных демократиях при разном числе действующих партий и неодинаковых доходных неравенствах [12, с. 158].

В то же время признается, что контекстуальные особенности, такие как близость результатов конкурентов, действительное число партий, мобилизация, способны оказывать влияние на зависимости между электоральным участием и характеристиками избирателей, хотя такие межуровневые интеракции остаются недостаточно изученными [32]. Так, избирательные системы с пропорциональным представительством повышают уверенность сторонников небольших партий, что голосо-

вание способно привести к политическим изменениям, а это в свою очередь побуждает их принять в нем участие [3]. Участие в выборах граждан, уверенных, что их голос имеет значение, повышается в странах с более поляризованными политическими профилями [17]. Сильные экономические неравенства в стране вызывают снижение интереса людей к политике и частоты политических обсуждений, а также сокращение участия в выборах, причем такие изменения наблюдаются почти во всех доходных странах, исключая разве только верхние, чьими интересами направляются политические решения в искаженной демократии [29]. При высокой коррупции классовые неравенства участия в парламентских выборах в странах Европы сокращаются вследствие демобилизации избирателей с более высоким общественным положением, разочаровавшихся в демократической политике [1].

Образовательным неравенствам участия в голосовании во многих странах мира было посвящено специальное всестороннее исследование. Эти неравенства (по опросам Comparative Study of Electoral Systems, CSES, 1996–2009, 36 демократических стран, 85 выборов, 141 408 респондентов, а также по экспериментальным данным), — пишет А. Галлего, автор книги об этом исследовании, — зависят от контекста, с большей отчетливостью проявляясь в одних странах и ситуациях и с меньшей — в других [14]. Согласно результатам двухуровневого моделирования (включающего образование и контрольные переменные на индивидуальном уровне и его интеракции с контекстуальными факторами, характеризующими страны), усиление этих неравенств происходит в контекстах, требующих от избирателей усилий для понимания, как голосовать, что снижает явку менее образованных граждан. Это происходит при сложных правилах регистрации и избирательной процедуры, необходимости учитывать партийные коалиции и недостаточном информировании при преобладании коммерческих массмедиа над общественными. Не подтверждается распространенная точка зрения о мобилизации профсоюзами низко статусных избирателей: хотя с увеличением в стране доли работников, состоящих в профсоюзах, повышается электоральная явка, образовательные неравенства меняются мало — сегодня эти организации охватывают не только рабочие профессии, но и квалифицированных работников в общественных секторах, равно мобилизуя тех

и других на участие в выборах. Неоднозначными оказались результаты проверки предположения об усилении образовательных различий электорального участия с ростом в стране доходных неравенств. Исследование свидетельствует также, что неравенства участия в выборах могут влиять на то, кто окажется избранным, какую политику будет проводить правительство и как оно будет распределять общественные ресурсы, искажая все это по сравнению с ситуацией, когда в голосовании участвуют все и правительство восприимчиво к интересам каждого гражданина.

Таким образом, согласно достигнутому состоянию исследований, образование считается важной характеристикой, определяющей неравенства участия избирателей в выборах, хотя объяснение этой зависимости может строиться на различных теоретических основаниях. Преобладающее понимание связывает получение образования с накоплением ресурсов, формированием мотивации участия и социальных мобилизационных связей. Анализ на экологическом уровне позволил вычлнить ряд факторов общественного контекста, способствующих повышению явки на выборы в одних странах по сравнению с другими. Некоторые из них рассматривались при многоуровневом моделировании, в котором предполагалось обнаружить общественные условия, способствующие усилению или, напротив, ослаблению неравенств электорального участия по образованию. Однако исследования контекстуальной обусловленности таких неравенств остаются единичными, и их выводы нуждаются в дополнительной проверке. Настоящая работа продолжает изыскания в этом направлении.

Проблема, задачи и методология исследования

Предпринятое исследование посвящено проблеме выраженности электоральных неравенств, обусловленных образованием, в странах Западной, Центральной, Восточной Европы и России. Согласно надежно установленной закономерности, образование является одной из ключевых переменных, объясняющих участие избирателей в выборах — его вероятность заметно увеличивается при повышении образовательного уровня. Хотя это — общая для многих стран зависимость, она проявляется в одних из них с большей отчетливостью, чем

в других. При рассмотрении ряда свободных демократий в мире отмечалось, что меньшая склонность к электоральному участию людей с невысоким образованием может усугубляться вследствие контекстуальных особенностей политических институтов, затрудняющих понимание избирателями, как и за кого голосовать. Среди этих особенностей — сложные правила регистрации и избирательной процедуры, необходимость учитывать партийные коалиции, недостаточное информирование избирателей при доминировании коммерческих массмедиа. Однако в Европе структурирование образовательных неравенств может оказаться связанным и с иными факторами общественного контекста. Различия явки здесь отражает разделение на стабильные западные демократии и новые, складывающиеся в посткоммунистических странах, причем в последних эти неравенства, как показывают некоторые исследования, могут оказаться менее выраженными, чем на Западе.

В связи с этим в настоящей работе ставились следующие задачи. Во-первых, убедиться, что в Западных и Восточных европейских демократиях и в нашей стране образование действительно позволяет объяснить, почему одни люди ходят на выборы, а другие в них не участвуют. Во-вторых, выяснить, насколько отчетливо во всех этих странах различаются электоральные неравенства по образованию. В-третьих, и это главное, попытаться объяснить межстрановые отличия во влиянии образования на участие в выборах, учитывая контекстуальные факторы состояния экономики и доходных неравенств, развития социального государства, а также устройства и работы демократических институтов.

Можно предположить, что в экономически менее развитых странах, где избиратели с невысоким социально-экономическим статусом, в частности низким образованием, с особой остротой испытывают недостаток ресурсов, необходимых для включения в электоральный процесс, образовательные неравенства участия в выборах будут проявляться с большей отчетливостью, чем богатых странах, вследствие особенно низкой электоральной активности малообразованных людей. Как отмечалось в обзоре, высокие доходные неравенства в стране также способны влиять на социальное структурирование участников выборов — многие граждане, не считая разве только самых обеспе-

ченных и образованных, не видят смысла в избрании политиков, не занимающихся отстаиванием их интересов, вследствие чего увеличивается разрыв между пассивными и голосующими гражданами. Кроме того, демобилизации низко статусного электората будет, возможно, способствовать заметное ухудшение в некоторых странах Европы экономической ситуации, отражающееся на повышении показателей уровня безработицы. Однако высокая безработица может способствовать и мобилизации избирателей, в том числе и тех, кто, имея невысокое образование, в иных условиях на выборы бы не пошел. Именно на них в значительной степени сказываются проблемы, связанные с сокращением рабочих мест, и для них приобретают особую значимость принимаемые властями решения. В этом случае ожидаемое последствие — сокращение электоральных образовательных неравенств.

Другое соображение о контекстуальной обусловленности электоральных образовательных неравенств связывает их с развитием социального государства. Социально-демократические режимы обеспечения социальных гарантий, представленные в Скандинавских странах, способны мотивировать к участию в парламентских выборах граждан с невысоким общественным положением и образованием в силу их заинтересованности в продолжении политики, нацеленной на защиту уязвимых общественных слоев. Поэтому при сильном социальном государстве образовательные неравенства, скорее всего, будут меньшими, чем в странах, располагающих ограниченными бюджетными ресурсами для социальных программ.

Еще ряд предположений относится к устройству и работе демократических институтов. Электоральные неравенства могут усиливаться там, где наблюдается демобилизация избирателей с невысоким образованием из-за сложностей многопартийной и коалиционной политики, которую им трудно понять. Напротив, эти неравенства окажутся, по-видимому, менее выраженными при предопределенности результатов выборов, когда одна из партий имеет поддержку преобладающего большинства. В этом случае от участия будут устраняться более образованные слои, которые вовлекаются в политическую борьбу при увеличении важности каждого голоса в условиях острой партийной конкуренции. Неудовлетворительная в глазах общественности

работа демократических институтов также способна привести к распространению электорального абсентеизма среди наиболее активного электората, обладающего образовательными ресурсами. Такой эффект может возникать при утрате парламентом общественного доверия, неудовлетворенности граждан тем, как работает в стране демократия, или их уверенности в широком распространении коррупции.

При решении поставленных задач и проверке выдвинутых предположений анализировались репрезентативные опросные данные Европейского социального исследования (European Social Survey, см.: <https://www.europeansocialsurvey.org/>, дата обращения: 04.04.2024) для 28 стран (ESS, Round 9, 2018, а для России — ESS, Round 8, 2017), а также статистические и аналитические сведения о состоянии экономики, социального государства и политических институтов этих стран.

В ходе интервью респондентам предлагалось ответить на следующий вопрос анкеты: «Некоторые люди по разным причинам не принимают участие в выборах. Скажите, пожалуйста, вы голосовали на последних выборах в [парламент страны, нижнюю палату, дата проведения]? 1). Да, 2). Нет, 3) Не имел(а) права голосовать» (не имевших этого права насчитывалось в общем массиве около 8 %, поскольку в выборки включались респонденты начиная с 15-летнего возраста, хотя в отдельных странах это значение было несколько выше, например, в Латвии и Франции — по 11 %, Бельгии — 13 %, Эстонии — 14 %, а в Швейцарии оно достигало даже 25 %). Зависимая переменная в настоящей работе представлена дихотомией, разделяющей опрошенных на тех, кто голосовал на выборах (значение «1»), и людей, имевших право голоса, но в них не участвовавших (значение «0»). Поскольку опросные данные, как правило, преувеличивают явку на выборы и могут недооценивать социально-экономические различия, связанные с участием в них (см., например: [13; 20; 27]), они взвешивались так, чтобы в каждой стране показатель электорального участия соответствовал официальной статистике. Значения этого показателя представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 подтверждает известные факты, свидетельствуя, что во многих посткоммунистических странах явка была существенно ниже, чем в Западных демократиях [18], лишь немногим превышая пятидесятипроцентную отметку, а в некоторых странах, включая Рос-

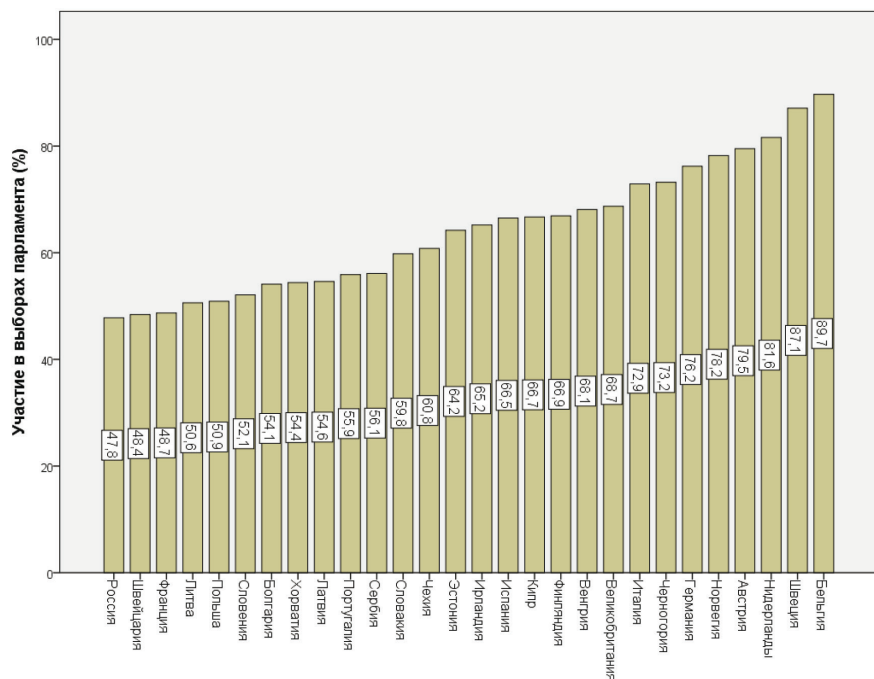

Рис. 1. (Fig. 1). Участие в выборах парламента в странах Европы (официальная статистика)

Примечание. Явка на последние парламентские выборы перед ESS опросом (Round 9, Россия — Round 8).

Participation in parliamentary elections in European countries (official statistics)

Note. Turnout for the last parliamentary elections before the ESS poll (Round 9, Russia — Round 8).

сию, не достигая ее. Снижение электоральной активности в Восточной и Центральной Европе отражало рост неудовлетворенности в обществе демократической политикой — новым режимам было трудно справиться с обострившимися в ходе транзита общественными проблемами (в нашей стране распространению абсентеизма способствовали также институциональные изменения электоральной системы, проведенные властями в годы перед выборами 2016 г.). Низкий уровень участия встречается и в некоторых сложившихся демократиях, Франции и Швейцарии вследствие особенностей их электоральных систем

(мажоритарной в первой, которая сужает возможности влияния избирателя на результаты, способствуя демобилизации, и во второй — в силу значительного воздействия на политику референдумов, снижающих значимость парламента).

Неравенства участия в выборах измерялись с помощью переменной, фиксирующей уровень образования опрошенных. В Европейском социальном исследовании используется разработанный в опоре на Международную стандартную классификацию образования (ISCED) и сопоставимый для разных стран показатель образовательных уровней, учитывающий семь градаций (ES-ISCED, см.: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS_guidelines_for_the_measurement_of_educational_a.pdf, дата обращения: 04.04.2024): 1. ES-ISCED I, less than lower secondary; 2. ES-ISCED II, lower secondary; 3. ES-ISCED IIIb, lower tier upper secondary; 4. ES-ISCED IIIa, upper tier upper secondary; 5. ES-ISCED IV, advanced vocational, sub-degree; 6. ES-ISCED V1, lower tertiary education, BA level; 7. ES-ISCED V2, higher tertiary education, \geq MA level). В представленном анализе рассматривалась укрупненная переменная образования, разделенная на четыре уровня, которые обозначаются нами следующим образом: 1) не выше неполного среднего (категории 1 и 2 ES-ISCED); 2) среднее (категории 3 и 4); 3) среднее профессиональное (категория 5) и 4) высшее (категории 6 и 7). Кроме того, респондентов спрашивали о суммарном числе лет, посвященных ими получению образования в формальных учреждениях (школе, колледже, институте или университете, аспирантуре и т.п.). Такие оценки составляют другую, континуальную шкалу образования, которая также использовалась нами при проверке предположений.

Влияние образования на участие в выборах анализировалось при контроле основных индивидуальных переменных, определяющих, кто на них голосует и кто нет, — пола, возраста, измеренного в годах, и квадрата возраста (для улавливания криволинейной зависимости — роста вероятности участия с возрастом и последующего спада среди самых пожилых), а также места жительства (село, небольшой город, крупный город).

Электоральные неравенства по образованию сравнивались при значениях ряда контекстуальных факторов, характеризующих экономику,

социальное государство и демократические институты изучавшихся стран в годы проведения в них парламентских выборов, об участии в которых сообщали в опросах респонденты. Экономические показатели (по данным World Bank, World Development Indicators, см.: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, дата обращения: 04.04.2024) включают Валовой внутренний продукт на душу населения (GDP per capita, constant \$, PPP), свидетельствующий об экономическом развитии страны, а также Джини коэффициент доходных неравенств (GINI) и долю безработных (Unemployment, % of total labor force). Различия в социальной политике оценивались по показателю государственных расходов на социальную защиту — в долларовом исчислении на душу населения (рассчитаны по значениям душевого ВВП и государственных расходов на социальную защиту, которые, по сведениям International Labor Organization, даются в процентах от ВВП (Public social protection expenditure, % GDP, см. [35, table B.16]).

Для характеристики политических институтов использовались несколько индикаторов. Среди них — агрегированные оценки удовлетворенности опрошенных демократией в стране (среднее значение оценок по 11-балльной шкале, полученных в ответах на вопрос: «Если говорить в целом, насколько вы удовлетворены тем, как работает демократия в [страна]? <...> «0» — совершенно не удовлетворен, «10» — полностью удовлетворен) и доверия парламенту страны (среднее значение, 11-балльная шкала, «Скажите, пожалуйста, насколько Вы лично доверяете разным группам людей или организациям, которые я буду Вам называть? Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, представленную на этой карточке. «0» означает, что Вы совершенно не доверяете этой группе людей или организации, а «10» — что Вы им полностью доверяете <...> [Парламент страны]»). Кроме того, рассматривались различия политических систем по числу реально действующих партий (effective number of parties, о его расчете см. [19]) и отрыву партии, имеющей наибольшую поддержку, от следующей (разница долей избирателей за ту и другую).

Схема анализа влияния на участие в выборах переменных индивидуального уровня и контекстуальных факторов представлена на рисунке 2. Предполагается, что при контроле социальной демографии, связанной с электоральным поведением (пола, возраста, с учетом

и криволинейной зависимости, места жительства), повышение образования опрошенных способствует росту вероятности их участия в голосовании. Такое влияние может различаться в изучавшихся европейских странах, отражая особенности общественного контекста — состояние экономики, развитие социального государства или работу демократических институтов. Контекстуальные факторы выступают модераторами зависимости между образованием и участием в голосовании.

Статистический анализ зависимостей между представленными на схеме переменными проводился с помощью двухуровневого логистического моделирования (программный пакет HLM, см. [25, Ch. 10]) — строились модели со случайными коэффициентами для переменных индивидуального уровня и объяснением различий между ними контекстуальными факторами.

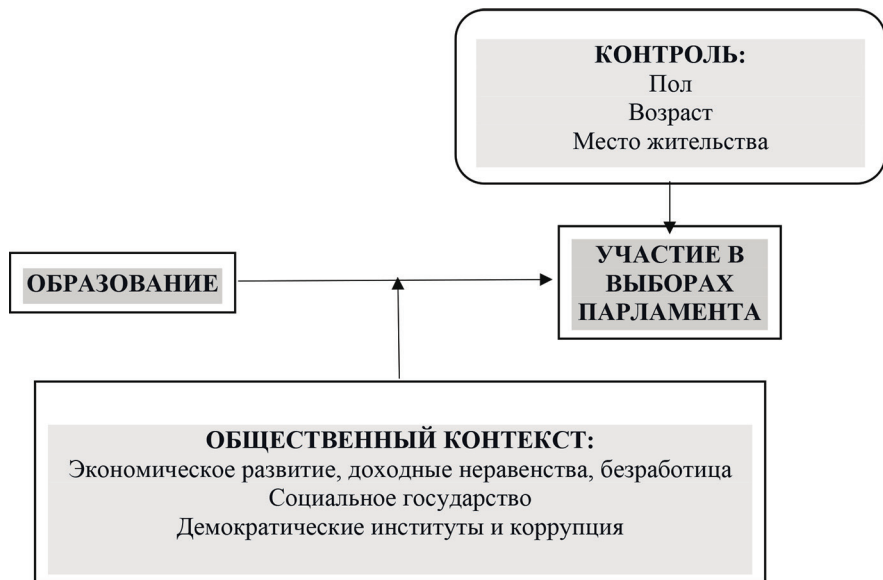

Рис. 2. (Fig. 2). Схема анализа образовательных неравенств
электорального участия в странах Европы
*Scheme for the analysis of educational inequalities
of electoral participation in European countries*

Шкалы независимых индивидуальных переменных были преобразованы — их значения стали располагаться в диапазоне между 0 и 1, вследствие чего приводимые коэффициенты свидетельствуют об изменении эффекта при переходе от наименьшего к самому большому шкальному значению. Факторы контекста представлены центрированными относительно средних значений переменными, измеренными в стандартных отклонениях. Для устранения ошибок в национальных выборках опросные данные взвешивались переменной «post-stratification weight (pspwght)» (о взвешивании данных в ESS см.: <https://www.europeansocialsurvey.org/methodology/ess-methodology/data-processing-and-archiving/weighting>, дата обращения: 04.04.2024).

Электоральные образовательные неравенства в странах Европы

Двухуровневое логистическое моделирование, в котором участие граждан в избрании парламентов европейских стран анализировалось в зависимости от переменных социальной демографии с учетом межстрановых различий их влияния, приводит к результатам, представленным в таблице 1.

Как показывают фиксированные коэффициенты, электоральная активность значительно повышается с возрастом, снижаясь затем среди самых пожилых, слабо связана с половой дифференциацией, выше среди сельских жителей по сравнению с избирателями из городов, особенно крупных. Образование — очень важная переменная, объясняющая, почему одни граждане ходят на выборы, а другие нет. Вероятность участия избирателя в выборах парламента линейно возрастает с увеличением показателя, фиксирующего число лет, в течение которых опрошенные посещали формальные учебные заведения.

В нижней части таблицы 1, характеризующей случайные коэффициенты, для интересующего нас показателя образовательных различий приводится значение дисперсии, позволяющее оценить, насколько влияние образования на участие в голосовании было сходным в разных странах или, наоборот, отличалось. Эта дисперсия оказалась статистически значимой на высоком уровне, свидетельствуя, что образовательные неравенства в европейских демократиях заметно варьируют от страны к стране.

Таблица 1 (Table 1)

**Участие в парламентских выборах:
образовательные неравенства и их различия в странах Европы**

*Participation in parliamentary elections:
educational inequalities and their differences in European countries*

Независимые переменные индивидуального уровня	Модель 0
	Без фактора контекста
Константа	0.86***
ОБРАЗОВАНИЕ (лет)	2.70***
Пол (М)	0.03
Возраст (лет)	5.12***
Возраст в квадрате	-3.00***
Место жительства:	
Крупный город	-0.18**
Небольшой город	-0.12**
Село (референтная)	
Случайные коэффициенты	Дисперсия
Образование	1.44***

Примечание. European Social Survey, Round 9 (Россия — Round 8), 28 стран, N=44160. Двухуровневое моделирование со случайными коэффициентами (для контрольных переменных не приводятся). Уровни значимости: ***0.001, **0.01.

Note: European Social Survey, Round 9 (Russia — Round 8), 28 countries, N=44160. Two-level random coefficients modeling (not shown for control variables). Significance levels: ***0.001, **0.01.

Как же объяснить эти отличия между странами? Нам предстоит теперь проанализировать их контекстуальную обусловленность, учитывая в статистических моделях факторы, характеризующие социально-экономические и политические особенности изучавшихся стран.

**Модерация электоральных образовательных неравенств
социально-экономическими контекстуальными факторами**

При дальнейшем двухуровневом моделировании, объясняющем участие избирателей в парламентских выборах, к индивидуальным переменным социальной демографии добавлялись один из контекстуальных экономических факторов или показатель различия между

странами по расходам на социальную защиту, а также интеракция между переменной образования и контекстуальным фактором. В таблице 2 можно познакомиться с результатами этого анализа — в ней представлены только логистические коэффициенты, относящиеся к влиянию контекста и зависимости от контекста образовательных эффектов (коэффициенты для всех переменных социальной демографии фактически не меняются, оставаясь теми же, что в таблице 1, и поэтому не приводятся).

Как показывают модели 1, 2 и 4, с повышением уровня экономического развития (душевого ВВП), при снижении доходных неравенств в обществе (Джини) и больших государственных расходах на социальную защиту, а все это отличает Западную Европу от Восточной и Центральной, наблюдается увеличение явки избирателей на парламентские выборы. Однако ни один из этих контекстуальных факторов не проясняет, почему в одних странах электоральная образовательная стратификация выражена с большей отчетливостью, чем в других, — интеракции образования и соответствующего контекстуального фактора оказались статистически незначимыми.

Таблица 2 (Table 2)

Контекстное воздействие экономики и государственной социальной защиты на связь образования с участием в выборах парламента

Contextual impact of the economy and state social protection on the relationship between education and participation in parliamentary elections

Воздействие контекста	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
	ВВП на душу	Джини	Безработица	Расходы на соц. защиту
Фактор контекста	0.37**	-0.25*	-0.08	0.47***
Образование x Фактор контекста	0.20	-0.13	-0.51**	0.29
Случайные коэффициенты			% Exp.	
Образование			31	

Примечание. European Social Survey, Round 9 (Россия — Round 8), 28 стран, N=44160. % Exp. — доля объясненной дисперсии случайного коэффициента при учете фактора контекста. Уровни значимости: ***0.001, **0.01, *0.05.

Note. European Social Survey, Round 9 (Russia — Round 8), 28 countries, N=44160. % Exp. — share of explained variance of random coefficient taking into account the context factor. Significance levels: ***0.001, **0.01, *0.05.

Только модель 3, в которой страны различаются по остроте текущих экономических проблем, зафиксированных показателем доли безработных, позволяет получить статистически обоснованное подтверждение интерактивного эффекта. С ростом безработицы в стране образовательные неравенства электоральной активности становятся менее выраженными (этот контекстуальный фактор объясняет заметную долю дисперсии, говорящей о различиях в изучавшихся странах влияния образования на участие в выборах, — 31 %).

Политический контекст образовательных неравенств участия в парламентских выборах

Продолжение поиска контекстуальных различий между странами, способных прояснить неодинаковую выраженность образовательной дифференциации избирательной активности, было связано с прояснением роли политического контекста. Он учитывался в пяти моделях, охарактеризованных в таблице 3.

Три из этих моделей (5, 6 и 8) не подтверждают наших предположений о зависимости электорального структурирования по образованию от партийного многообразия (реального числа партий), остроты конкуренции между партиями (отрыв в голосах первой партии от второй) и отношения к действующей демократической системе (удовлетворенности общественности работой демократии в стране). Интеракции этих факторов с переменной образования были весьма скромными по величине и не достигали общепринятых критериев статистической значимости.

В модели 7 принимались во внимание отличия между странами по показателю распространенности в обществе доверия парламенту. Как показывают фиксированные коэффициенты, с ростом доверия повышается явка и усиливаются образовательные неравенства. Сходные зависимости обнаруживаются и при включении в уравнение фактора контроля коррупции, как это сделано в модели 9. По мере снижения показателя воспринимаемой коррупции происходит повышение явки и увеличение образовательных различий участия в голосовании. Причем, как будет показано ниже, именно этот фактор распространенности коррупции оказывается более важным, чем доверие парламенту, если учитывать при моделировании их совместные эффекты.

Таблица 3 (Table 3)

**Политический контекст и выраженность
электоральных образовательных неравенств**

Political context and the severity of electoral educational inequalities

Воздействие контекста	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9
	Реальное число партий	Отрыв 1-ой от 2-ой партии	Доверяют парла- менту	Довольны работой демократии	Контроль корруп- ции
Фактор контекста	0.07	-0.15	0.47***	0.40**	0.50***
Образование x Фактор контекста	-0.17	-0.26	0.43*	0.30	0.44**
Случайные коэффициенты			% Exp.		% Exp.
Образование			22		19

Примечание. European Social Survey, Round 9 (Россия — Round 8), 28 стран, N=44160. % Exp. — доля объясненной дисперсии случайных коэффициентов в модели 1 при учете фактора контекста. Уровни значимости: ***0.001, **0.01, *0.05.

Note. European Social Survey, Round 9 (Russia — Round 8), 28 countries, N=44160. % Exp. — share of explained variance of random coefficients in model 1 taking into account the context factor. Significance levels: ***0.001, **0.01, *0.05.

Таким образом, контекстными модераторами образовательных электоральных неравенств с достаточной определенностью выступают различия по безработице и распространенности коррупции. Позиции рассматривавшихся стран по этим характеристикам иллюстрирует рисунок 3.

Индекс воспринимаемой коррупции, измеренный по стобалльной шкале от высокого значения до низкого и приведенный на оси ординат, свидетельствует о заметных отличиях посткоммунистических стран, многие из которых получили оценки ниже середины шкалы или немногим выше нее, от Западных демократий, успешнее контролирующих коррупционные практики. Самое низкое значение этого индекса, свидетельствующее о широком распространении коррупции, относится к нашей стране, заметно отделяя ее даже от других стран Восточной

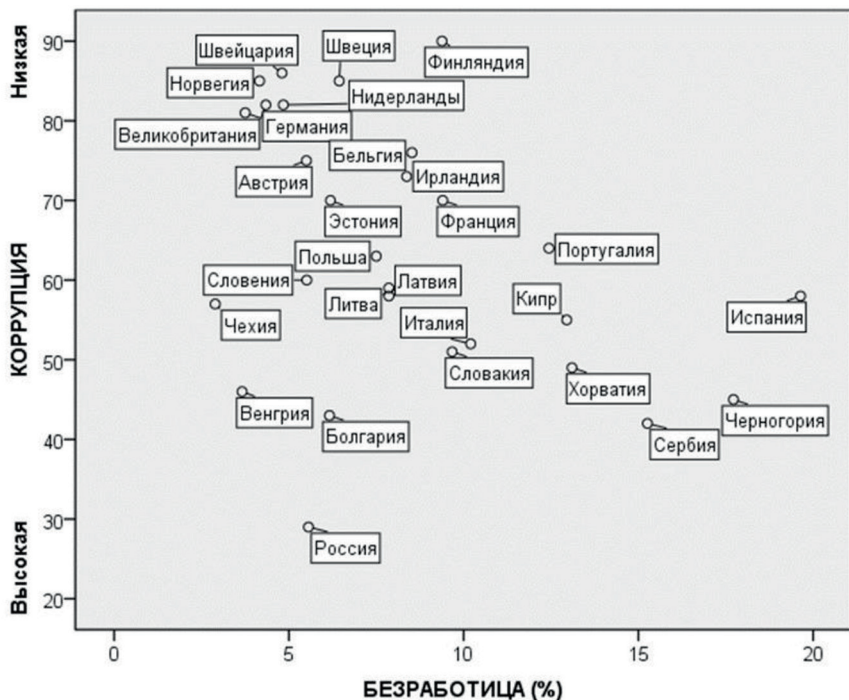

Рис. 3. (Fig. 3). Распространенность коррупции и безработицы в странах Европы

The prevalence of corruption and unemployment in European countries

и Центральной Европы, не говоря уже о сложившихся западных демократиях — Скандинавских странах, Швейцарии, Германии, Нидерландах или Великобритании. По оси абсцисс на рисунке 3 отложены значения показателя безработицы. Россия схожа со многими европейскими экономиками, в которых этот показатель был не очень высоким и колебался около пятипроцентной отметки. Высокой безработица была в ряде стран, испытывающих экономические трудности, среди которых и посткоммунистические государства — Сербия, Черногория, Хорватия и Словакия, и страны европейского юга и средиземноморья — Испания, Португалия, Кипр и Франция, Италия, но и Финляндия с Ирландией.

**Основные контекстные модераторы
 электоральных неравенств по образованию**

Результаты двухуровневого моделирования, при котором анализировались все три описанные контекстуальные факторы, объясняющие неодинаковую выраженность в европейских странах образовательных различий участия в голосовании, приводятся в таблице 4.

Таблица 4 (Table 4)

**Воздействие контекста на электоральные
 образовательные неравенства**

The impact of context on electoral educational inequalities

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ		Модель 10	Модель 11
Уровень 1 (индивиды)			
Константа		1.52***	1.52***
ОБРАЗОВАНИЕ:			
Не выше неполного среднего		-1.35***	-1.35***
Среднее		-0.76***	-0.76***
Среднее профессиональное		-0.43***	-0.43***
Высшее (референтная категория)			
Пол (М)		0.04	0.04
Возраст (лет)		4.97***	4.98***
Возраст в квадрате		-2.99***	-2.99***
Место жительства:			
Крупный город		-0.19**	-0.19**
Небольшой город		-0.12**	-0.12**
Село (референтная категория)			
Уровень 2 (страны)			
Безработица			0.04
Доверие парламенту			0.19
Контроль коррупции			0.60***
Интеракции уровней 1 и 2			
Безработица	X	Не выше неполного среднего	0.19***
		Среднее	0.11*
		Среднее профессиональное	0.11*
Доверие парламенту	X	Не выше неполного среднего	0.10
		Среднее	0.09
		Среднее профессиональное	0.07

Окончание табл. 4

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ		Модель 10	Модель 11
Контроль коррупции	X		-0.40***
	Не выше неполного среднего		-0.24**
	Среднее		-0.20***
Среднее профессиональное			
СЛУЧАЙНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ		Дисперсия	% Exp.
Не выше неполного среднего		0.311***	56
Среднее		0.144***	48
Среднее профессиональное		0.107***	64

Примечание. European Social Survey, Round 9 (Россия — Round 8), 28 стран, N=44739. % Exp. — доля объясненной дисперсии случайных коэффициентов (для контрольных переменных не приводятся) при учете факторов контекста. Уровни значимости: ***0.001, **0.01, *0.05.

Note. European Social Survey, Round 9 (Russia — Round 8), 28 countries, N=44739. % Exp. — share of explained variance of random coefficients (not given for control variables) taking into account context factors. Significance levels: ***0.001, **0.01, *0.05.

Образование теперь было измерено в четырех категориях, что позволяет на графиках проследить, какие избиратели подвержены электоральной мобилизации или демобилизации при изменении общественного контекста.

Модель 10 подкрепляет описанные выше зависимости о повышении вероятности участия в выборах с возрастом (и снижении среди самых пожилых), на селе по сравнению с городами, а также о существенных отличиях между более и менее образованными избирателями — чаще других ходят голосовать люди с высшим образованием, и с понижением образовательного уровня происходит последовательный спад электорального участия. Дисперсии случайных коэффициентов для дихотомических признаков образования (dummy variables), оказавшиеся статистически значимыми на высоком уровне ($p < 0.001$), еще раз подтверждают, что электоральные образовательные неравенства в разных европейских странах проявляются с неодинаковой отчетливостью.

Различия этих коэффициентов объясняются в модели 11, дополняющей десятую модель тремя факторами контекста и их интеракция-ми с образовательными дихотомиями. Оказалось, что существенные

контексты электоральных образовательных неравенств связаны с различиями стран по уровню безработицы и распространенности коррупции, а роль доверия парламенту становится несущественной вследствие тесных корреляций с индексом коррупции (эти два фактора позволяют объяснить немалые доли дисперсий образовательных воздействий на участие в голосовании: 56, 48 и 64 % для различий респондентов с высшим образованием и соответственно образованием не выше неполного среднего, средним и средним профессиональным). Полученные в этой модели зависимости отражены на рисунках 4 и 5.

В западных демократиях с невысокой коррупцией, как видно на рисунке 4, явка на парламентские выборы была существенно выше, чем в странах посткоммунистической Европы, отличающихся большей распространенностью коррупционных практик. В этих демократиях

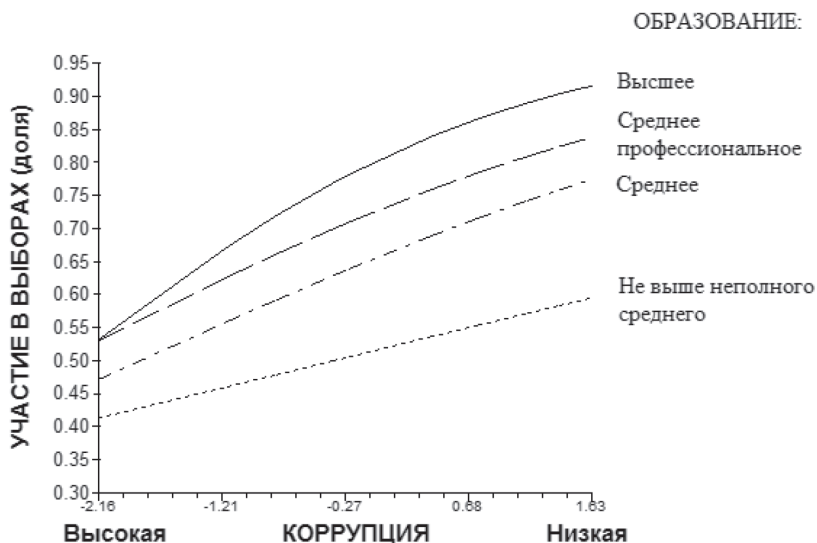

Рис. 4. (Fig. 4). Влияние коррупции на электоральные образовательные неравенства

Примечание. Рисунок построен по модели 11 (таблица 4).

The Impact of Corruption on Electoral Educational Inequalities

Note: The figure is based on Model 11 (Table 4).

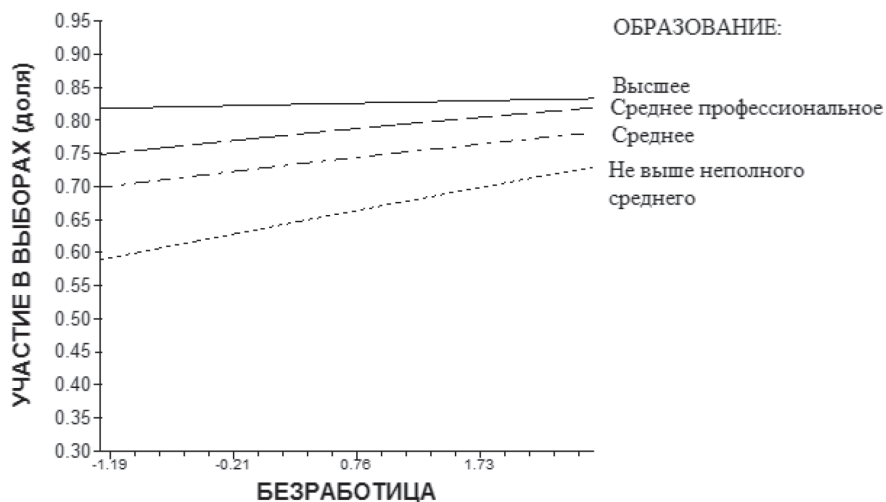

Рис. 5. (Fig. 5). Безработица и электоральные неравенства по образованию
Примечание. Рисунок построен по модели 11 (таблица 4).

Unemployment and Electoral Inequalities by Education
Note: The figure is based on Model 11 (Table 4).

особенно высоким был уровень участия самых образованных избирателей, и с понижением образования участие становится все более низким. Вследствие этого образовательные неравенства на Западе оказываются выраженными с полной определенностью. По мере все большей распространенности коррупции наблюдаются общее снижение явки и сокращение образовательных неравенств, которое происходит в посткоммунистических странах за счет демобилизации более образованных общественных сегментов.

Рисунок 5 представляет зависимость изучавшихся неравенств от контекстуального фактора безработицы. С повышением доли безработных электоральная активность образованных избирателей меняется мало, однако менее образованные люди все сильнее вовлекаются в электоральный процесс. Вследствие этого при высокой безработице образовательные различия становятся меньшими, чем в странах с низким ее уровнем, где неравенства оказываются наиболее отчетливыми.

Заключение

Многочисленные исследования электорального участия продемонстрировали, что в Западных демократиях оно достаточно тесно связано с социальной структурой, особенно — выделяемой по признаку образования. С повышением уровня образования избирателя существенно увеличивается вероятность его участия в выборах властных институтов. Эта зависимость является общей для многих демократических систем, однако, если в одних странах она проступает с полной определенностью, то в других оказывается менее отчетливо выраженной. Несклонность к участию в выборах людей с невысоким образованием может усугубляться при определенной конфигурации политических и электоральных институтов, затрудняющей понимание избирателями электорального процесса.

В Европе явка на парламентские выборы была заметно большей в сложившихся демократиях по сравнению с новыми, появившимися в посткоммунистических странах, как более заметным в первых было и структурирование электорального участия по образованию. Такие различия электоральных неравенств остаются недостаточно изученными, и проблема их объяснения заслуживает дальнейших исследований.

В настоящей работе, посвященной прояснению этой проблемы, рассматриваются образовательные различия участия в парламентских выборах, зафиксированные в опросах Европейского социального исследования (ESS, Round 9, Россия — Round 8) в двадцати восьми странах. Предпринимается попытка объяснить эти различия с помощью двухуровневого логистического моделирования, учитывающего воздействие на них экономического, социального и политического контекстов, характеризующих участвующие в опросах страны.

Результаты подтверждают надежно установленный факт о зависимости электоральной активности от образования и свидетельствуют, что образовательные неравенства участия в парламентских выборах существенно отличаются в одних европейских странах по сравнению с другими. Проверка предположений о связи этих неравенств с общественным контекстом ставит под сомнение соображения об их обусловленности макроэкономическими и социальными факторами (душевым ВВП, Джини, расходами государства на социальную защиту).

В то же время установлено, что проблемы в экономике, сопровождающиеся ростом числа безработных, мобилизуют на голосование избирателей с невысоким образованием, вследствие чего при высокой безработице образовательные электоральные неравенства оказываются менее выраженными, чем при низкой. Моделирование, направленное на изучение роли политического контекста, продемонстрировало, что на формирование образовательных неравенств участия в выборах не влияют сколько-нибудь заметно такие контекстуальные особенности, как многопартийность, острота межпартийной конкуренции или отношение общественного мнения к работе демократии в стране. В то же время важную роль в объяснении таких неравенств играет индекс воспринимаемой коррупции. В стабильных европейских демократиях, которым удается в определенной мере контролировать коррупцию, избиратели с высоким образованием заметно чаще принимают участие в выборах парламентов, чем те, у кого оно было низким. В посткоммунистических странах, особенно в России, широкое распространение коррупции вызывает демобилизацию людей с высоким образованием, которые теряют веру в то, что имеет смысл голосовать и демократия сработает.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронов Вячеслав Владимирович — Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник.
Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** vsafronov@list.ru.

Research Article

VIACHESLAV V. SAFRONOV¹

¹ The Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia.

CONTEXTUAL MODERATIONS OF ELECTORAL EDUCATIONAL INEQUALITIES IN EUROPEAN COUNTRIES

Abstract. This paper examines educational inequalities of voter participation in parliamentary elections in Europe and Russia. These inequalities, reflecting, as research in Western and Eastern Europe suggests, some of the most pronounced structural differences in voting, may differ markedly across countries, presumably due to their socio-economic development and the state of democratic institutions. In order to test

these assumptions, we consider survey data from the European Social Survey (ESS, Round 9) conducted in 28 European countries, including Russia (Round 8), as well as statistical and analytical data on the prevalence of corruption in these countries, the state of unemployment and other characteristics. Statistical analysis is performed using two-level logistic modeling with random coefficients for individual-level variables and explanation of their differences by contextual factors. The results confirm that participation in parliamentary elections is closely related to the education of voters — with its growth the probability of voting increases significantly. This correlation is conditioned by the social context — the electoral activity of educated strata begins to decline as the quality of democratic institutions indicated by corruption perception deteriorates. As the country faces growing economic problems, evidenced by higher unemployment rates, people with low education are more likely to participate in the election of the parliament.

Keywords: parliamentary elections, inequalities of participation by education, social context, perceived corruption, unemployment, European countries and Russia, European Social Survey (ESS).

For citation: Safronov V.V. Contextual moderations of electoral educational inequalities in European countries. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 40–70. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.2>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viacheslav V. Safronov — The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Senior researcher. **Phone:** +7 (812) 316–3436. **E-mail:** vsafonov@list.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сафронов В.В. Коррупция и электоральные классовые неравенства в европейских странах // *Власть и элиты*. 2023. Т. 10. № 1. С. 5–42. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.1>. EDN: VFIYXP
Safronov V.V. Corruption and class inequalities in electoral participation in European countries. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 5–42. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.1>. EDN: VFIYXP (In Russ.)
2. Сафронов В.В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // *Власть и элиты*. 2023b. Т. 10. № 2. С. 121–169. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>. EDN: ANXPUL
Safronov V. Participation in the State Duma elections: Social inequalities, motivations and mobilization. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 121–169. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>. EDN: ANXPUL (In Russ.)

3. Banducci S.A., Karp J.A. Electoral systems, efficacy, and voter turnout. *The Comparative Study of Electoral Systems*. Ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009. P. 109–134.
4. Birch S. Elections and voters. *Developments in Central and East European Politics* 5. Ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013. P. 156–170.
5. Blais A. *To Vote or not to vote? The merits and limits of rational choice*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. 208 p.
6. Blais A. Turnout in elections. *The Oxford handbook of political behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.D. Klingemann. New York: Oxford University Press. 2007. P. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>
7. Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to vote: Explaining electoral participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p. <https://doi.org/10.1080/00344893.2020.1837213>
8. Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political equality and turnout. *The Oxford handbook of political representation in liberal democracies*. Ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press. 2020. P. 396–412. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198825081.013.20>
9. Cancela J., Geys B. Explaining voter turnout: A meta-analysis of national and subnational elections. *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 264–275. DOI: 10.1016/j.electstud.2016.03.005.
10. Colton T.J. *Transitional citizens: Voters and what influences them in the new Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.
11. Cruz J.N. A Fuzzy-set qualitative comparative analysis of how corruption, education, inequality and trust in parliament affect voter-turnout. *Crime, Law and Social Change*. 2023. Vol. 80. No. 5. P. 1–21. <https://doi.org/10.1007/s10611-023-10102-0>
12. Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>
13. DeBell M., Krosnick J.A., Gera K., Yeager D.S., McDonald M.P. The turnout gap in surveys: explanations and solutions. *Sociological Methods & Research*. 2020. Vol. 49. No. 4. P. 1133–1162. <https://doi.org/10.1177/0049124118769085>
14. Gallego A. *Unequal political participation worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>
15. Hadjar A., Beck M. Who does not participate in elections in Europe and why is this? A multilevel analysis of social mechanisms behind non-voting. *European Societies*. 2010. Vol. 12. No. 4. P. 521–542. <https://doi.org/10.1080/14616696.2010.483007>

16. Jackson R.A. Clarifying the relationship between education and turnout. *American Politics Research*. 1995. Vol. 23. No. 3. P. 279–299. <https://doi.org/10.1177/1532673X9502300302>
17. Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral supply and voter turnout. *Citizens, context, and choice: How context shapes citizens' electoral choices*. Ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press. 2011. P. 33–54.
18. Kostelka F. The state of political participation in post-communist democracies: Low but surprisingly little biased citizen engagement. *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. No. 6. P. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>
19. Laakso M., Taagepera R. “Effective” number of parties: A measure with application to West Europe. *Comparative Political Studies*. 1979. Vol. 12. No. 1. P. 3–27. <https://doi.org/10.1177/001041407901200101>
20. Lahtinen H., Martikainen P., Mattila M., Wass H., Rapeli L. Do surveys overestimate or underestimate socioeconomic differences in voter turnout? Evidence from administrative registers. *Public Opinion Quarterly*. 2019. Vol. 83. No. 2. P. 363–385. <https://doi.org/10.1093/poq/nfz022>
21. Leighley J.E., Nagler J. *Who votes now? Demographics, issues, inequality, and turnout in the United States*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013. 232 p.
22. McAllister I., White S. Demobilizing voters: Election turnout in the 2016 Russian election. *Russian Politics*. 2017. Vol. 2. No. 4. P. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>
23. Persson M. Review Article: Education and Political Participation. *British Journal of Political Science*. 2013. Vol. 45. No. 3. P. 689–703. <https://doi.org/10.1017/S0007123413000409>
24. Plutzer E. Demographics and the social bases of voter turnout. *The Routledge handbook of elections, voting behavior and public opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London and New York: Routledge, 2018. P. 69–82.
25. Raudenbush S.W., Bryk A.S. *Hierarchical linear models: Applications and data analysis methods*. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage. 2002. 512 p.
26. Schlozman K.L., Brady H.E., Verba S. *Unequal and unrepresented: Political inequality and the people's voice in the new gilded age*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2018. 352 p.
27. Selb P., Munzert S. Voter overrepresentation, vote misreporting, and turnout bias in postelection surveys. *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32. No. 1. P. 186–196. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.11.004>

28. Smets K., van Ham C. The embarrassment of riches? A meta-analysis of individual-level research on voter turnout. *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32. No. 2. P. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>
29. Solt F. Economic inequality and democratic political engagement. *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52. No. 1. P. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.
30. Stockemer D. What affects voter turnout? A review article/meta-analysis of aggregate research. *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52. No. 4. P. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.
31. Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. *Voice and equality: Civic voluntarism in American democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 664 p.
32. Wass H., Blais A. Turnout. *The SAGE handbook of electoral behaviour*. Vol. 1. Ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage. 2017. P. 459–487.
33. Willeck C., Mendelberg T. Education and political participation. *Annual Review of Political Science*. 2022. Vol. 25. P. 89–110. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-014235>
34. Wolfinger R., Rosenstone S. *Who votes?* New Haven: Yale University Press, 1980. 160 p.
35. *World Social Protection Report 2017–19: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals*. Geneva: ILO, International Labour Office, 2017. 432 p.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.3>.

EDN: NLULKA

СЯО ЛУ¹

¹ Шэньянский архитектурный университет
110168, Китай, провинция Ляонин, Шэньян, район Хуньнань,
средняя дорога Хуньнань, д. 25

СИСТЕМА ПРОДВИЖЕНИЯ КАДРОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КНР

Аннотация. Представлен взгляд на основные принципы продвижения кадров государственного управления КНР. Под продвижением кадров автор понимает их перемещения по вертикали и горизонтали административной иерархии. В Китае такие перемещения носят упорядоченный характер и представляют собой систему контролируемых государством действий. В статье говорится о квалификации чиновников как императивном требовании партии-государства, типах должностей, их распределении, квалификационных требованиях к государственным должностям и их содержании, реформе системы продвижения кадров, механизмах их продвижения, оценках их деятельности. Кроме того, автор дает специальный политологический анализ некоторых причин кадрового застоя, параллельных каналов продвижения кадров, условий, квалификации и процедур продвижения кадров, горизонтальной системы обмена кадрами и ее текущих результатов.

Ключевые слова: кадры, кадровая политика, кадровые процессы, Китай, Коммунистическая партия Китая.

Для цитирования: Лу С. Система продвижения кадров государственного управления КНР // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 1. С. 71–104. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.3>. EDN: NLULKA

Введение

Классификация политических систем на хорошие демократии и плохие автократии, а представление сути политики как борьба демократии и автократии автор считает политическим предрассудком. Демонизация социализма, например, не ведет к пониманию всего разнообразия политического процесса, его форм и содержания. Ровно так же методологически непродуктивно изучать систему продвижения кадров в КПК в логике банального *black box testing*, делая в результате вывод о ее закрытости, непрозрачности, кумовстве и фракционной зашоренности. И уж совсем странно представлять кадровую систему КПК моделью элитного рекрутинга, неизбежно ведущей к низким управленческим результатам. Это политическое предубеждение против кадровой системы Китая никогда не объяснит подъем современной КНР. Подъем же настолько очевиден, что давно превысил интерпретационные возможности западных теорий и дискурсов. За последние 30 лет все прогнозы Запада о китайской политике оказались ошибочными. Если мы по-прежнему будем осмысливать Китай только в контексте западного дискурса, мы не сможем по-настоящему его понять. Одно из предубеждений западной оценки китайской модели — представление ее как системы без свободного и современного продвижения кадров государственного управления. Задача статьи заключается в том, чтобы посмотреть, как на самом деле продвигаются руководящие кадры современного Китая.

Так как же продвигаются китайские госслужащие? Какова причина, побудившая КПК выбрать именно такую систему? Автор в предшествующих публикациях отчасти уже высказывал собственную позицию [1–3]. На этот раз я предполагаю концентрированно говорить о продвижении кадров государственного управления. На мой взгляд, комплекс мер, регулирующих вакансии в управленческих иерархиях, давно приобрел вид системы.

Отсутствие мотивации как источник кадрового застоя

В ноябре 1953 г. ЦК КПК официально установил принципы управления кадрами разных степеней и ступеней, следуя системе списков должностей — некому содержательному аналогу номенклатурной системы СССР. В том или ином виде такая модель существовала до «Решения ЦК КПК о нескольких основных вопросах всестороннего углуб-

ления реформ (中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定)», принятого на третьем пленуме ЦК КПК восемнадцатого созыва в 2013 г.

В течение 60 лет в системе государственной службы Китая внедрялась и закрепились единая национальная система заработной платы, сочетающая в себе должности и иерархии. Оплата труда государственных служащих в Китае складывается из четырех составляющих — должностного оклада (около 20 % заработной платы), оклада за положение в иерархии (около 25 %), региональных дополнительных (около 45 %) и других (около 10 %) надбавок¹.

Коэффициент продвижения китайских государственных служащих с уровня референта ниже уездного уровня до уровня уезда составляет всего 4,4 %, а коэффициент продвижения с уровня уезда до уровня муниципалитета еще ниже — 1 %². Государственные служащие ниже уездного уровня составляют 60 % от общего числа государственных чиновников [20]. Их заработная плата невелика. К примеру, государственный служащий районного уровня в Нанкине принят на работу в 2015 г. Он бакалавр в возрасте 22 лет, референт (иерархия — 25). В 2016 г. его ежемесячная зарплата за иерархию составляла 947 юаней, должностной оклад — 600 юаней, надбавка за работу — 1110 юаней, а пособие на жизнь — 2970 юаней, что в общей сложности составляет 5627 юаней. Если выход на пенсию произойдет в возрасте 60 лет, его рабочий стаж составит 38 лет. Если он может быть повышен до волостного уровня, когда он выходит на пенсию, его иерархия будет 16-й. Основываясь на нынешнем размере заработной платы, при выходе на пенсию его зарплата за позицию в иерархии составит 2962 юаней,

¹ 基层公务员晋升建“双梯制”，诸多改革难题待破解 // 中国共产党新闻网. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2014/1205/c49150-26153208.html>.
上网时间: 2022.03.27 [Продвижение государственных служащих на низовом уровне привело к созданию «системы двойной лестницы», и многие проблемы реформ необходимо решить // Сеть новостей Коммунистической партии Китая (дата обращения: 27.03.2022)]. (На кит. яз.)

² 公务员职级晋升条件出炉:正科满15年享副处待遇 // 新华网. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-02/02/c_127448261.htm.
上网时间: 2022.03.26 [Государственные служащие, отработавшие 15 лет на волостном уровне, могут пользоваться льготами и работать на уровне уезда (заместители) // Синьхуанет (дата обращения: 26.03.2022)]. (На кит. яз.)

должностной оклад — 820, надбавка за работу — 2000, а пособие на жизнь — 3080, что в общей сложности будет 8862 юаней. Это означает, что за 38 лет работы зарплата этого кадрового сотрудника увеличилась в общей сумме на 3235 юаней, т.е. в среднем на 85 юаней в год. Если принять во внимание такой фактор, как рост цен, темп роста заработной платы фактически снизит уровень жизни государственного служащего, не говоря уже о том, чтобы действовать как стимул [5, с. 19–20]. Это приводит к тому, что из государственного управления уходят чиновники. В 2013–2018 гг. более 500 человек ушли в отставку из судебной системы Пекина. Причем темпы продолжали расти, что привело к необходимости выяснения причин случившегося. Опрос судейского корпуса дал ответ — низкий доход, высокая нагрузка и медленное продвижение по службе [17].

Содержательная проблема: на низовом уровне число государственных служащих большое, а количество высокооплачиваемых руководящих должностей ничтожно мало. Единая система продвижения по службе, связанная только с должностями, препятствует построению эффективной модели государственной службы. Таким образом, задача преодоления «эффекта потолка» и введения стимулов стала наиболее актуальной в реформе продвижения по службе. Постепенно пришло осознание необходимости создавать параллельные каналы продвижения на руководящие должности и должностные ранги.

Параллельные каналы продвижения

Еще в ноябре 2002 г. на XVI съезде КПК предложила улучшить систему совмещения кадровых должностей и рангов, положив начало реформе системы продвижения на государственной службе.

15–18 сентября 2009 г. на четвертом пленуме ЦК КПК семнадцатого созыва было предложено создать и усовершенствовать систему параллельных иерархий руководящих должностей и должностных рангов. На том этапе Министерство людских ресурсов и социального обеспечения и другие ведомства провели исследования и пришли к пониманию, в каком направлении двигаться.

В 2013 г. в «Решении ЦК КПК по ряду важнейших вопросов, касающихся всестороннего углубления реформ», принятом третьим пленумом ЦК КПК 18-го созыва (проходил 9–12 ноября 2013 г.), говори-

лось о необходимости создания новой системы. Ее смысл заключался в том, чтобы руководящие должности и должностные ранги государственных служащих были параллельны, а должностные ранги и материальное положение (заработная плата, льготы, бытовое обеспечение /待遇) унифицированы, связаны и публичны.

15 января 2015 г. Главное управление ЦК КПК и Главное управление Государственного совета опубликовали совместные «Мнения о создании системы параллельных иерархий руководящих должностей и должностных рангов государственных служащих в органах ниже уезда (关于县以下机关建立公务员职务与职级并行制度的意见)», устанавливающие контуры искомой системы.

14 июля 2016 г. Главное управление ЦК КПК и Главное управление Госсовета издали совместные «Положение об управлении профессионально-техническими гражданскими служащими (для пробного применения)» (专业技术类公务员管理规定《试行》) и «Положение об управлении административными и правоохранительными гражданскими служащими (для пробного применения)» (行政执法类公务员管理规定《试行》). Были усовершенствованы классификации и иерархии должностей государственных служащих. То есть каналов продвижения стало больше и по горизонтали, и по вертикали.

29 декабря 2018 г. в новой редакции Закона КНР о государственных служащих впервые на законодательном уровне была предусмотрена параллельная система должностей и званий государственной службы: «Государство внедряет систему параллельных иерархий руководящих должностей и должностных рангов государственной службы и устанавливает последовательность руководящих должностей и должностных рангов государственной службы в соответствии с классами должностей и обязанностей государственной службы»¹.

27 марта 2019 г. Главное управление ЦК КПК издало «Положение о системе параллельных иерархий руководящих должностей и долж-

¹ 中华人民共和国公务员法 // 中华人民共和国中央人民政府网站. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-12/30/content_5353490.htm. 上网时间: 2022.03.27 [Закон о государственных служащих Китайской Народной Республики // Сайт Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики (дата обращения: 27.03.2022)]. (На кит. яз.)

ностных рангов государственных служащих (公务员职务与职级并行规定)». Оно усовершенствовало последовательность прохождения руководящих должностей и должностных рангов государственных служащих, порядок их повышения и понижения, ранги, режим, вознаграждение, контроль, соподчиненность.

Таким образом, реформа системы параллельных иерархий руководящих должностей и должностных рангов государственных служащих Китая была в основном завершена именно в 2019 г. Она подразумевала существование двух различных каналов повышения государственных служащих — «руководящая должность» и «не руководящая должность». На руководящих должностях — 10 уровней, не руководящие должности обычно устанавливаются ниже уровня муниципального и имеют 8 уровней.

Так было до реформы.

Таблица 1 (Table 1)

Канал продвижения госслужащих в КНР до реформы
The promotion channel of civil servants in China before the reform

руководящая должность	неруководящая должность
государственный уровень	X
государственный уровень (заместители)	X
провинциальный уровень	X
провинциальный уровень (заместители)	X
муниципальный уровень	инспекторы (巡视员)
муниципальный уровень (заместители)	заместители инспекторов (副巡视员)
уездный уровень	консультанты (调研员)
уездный уровень (заместители)	заместители консультантов (副调研员)
волостной уровень	заведующие отделами (主任科员)
волостной уровень (заместители)	заместители заведующих отделами (副主任科员)
X	референты (科员)
X	клерки (办事员)

Так стало в результате проведенных реформ.

Реформированный канал повышения «должностных рангов» — это новая система повышения, основанная на прежнем канале повышения «не руководящих должностей».

Таблица 2 (Table 2)

Последовательность продвижения госслужащих в КНР¹

The Sequence of Promotion of Civil Servants in China

Иерархия	Должности общего руководства		Должности профессионально-технические	Должности административные и правоохранительные
	Руководящая должность	Должностной ранг		
1	Государственный уровень	X	X	X
2-4	Государственный уровень (заместители)	X	X	X
4-8	Провинциальный уровень	X	X	X

¹ 中共中央办公厅印发《公务员职务与职级并行规定》// 中华人民共和国中央人民政府网站. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-03/27/content_5377422.htm. 上网时间: 2022.03.26 [Главное управление ЦК КПК издало «Положение о системе параллельных иерархий руководящих должностей и должностных рангов государственных служащих» // Сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики (дата обращения: 26.03.2022)]. (На кит. яз.); 中共中央办公厅 国务院办公厅印发《专业技术类公务员管理规定(试行)》和《行政执法类公务员管理规定(试行)》// 国家公务员局网站. URL: http://www.scs.gov.cn/zcfg/201607/t20160715_5293.html. 上网时间: 2022.03.26 [Главное управление Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Главное управление Госсовета совместно издали «Положение об управлении профессионально-техническими гражданскими служащими (для пробного применения)» и «Положение об управлении административными и правоохранительными гражданскими служащими (для пробного применения)» // Сайт Национального бюро государственной службы (дата обращения: 26.03.2022)]. (На кит. яз.).

Продолжение табл. 2

6-10	Провинциальный уровень (заместители)	X	X	X
13-8	Муниципальный уровень	1-й инспектор (一级巡视员)	1-й генеральный менеджер (一级总监)	X
15-10	Муниципальный уровень (заместители)	2-й инспектор (二级巡视员)	2-й генеральный менеджер (二级总监)	главноуправляющий (督办)
17-11	X	1-й консультант (一级调研员)	1-й старший менеджер (一级高级主管)	1-й старший распорядитель (一级高级主办)
18-12	Уездный уровень	2-й консультант (二级调研员)	2-й старший менеджер (二级高级主管)	2-й старший распорядитель (二级高级主办)
19-13	X	3-й консультант (三级调研员)	3-й старший менеджер (三级高级主管)	3-й старший распорядитель (三级高级主办)
20-14	Уездный уровень (заместители)	4-й консультанты (四级调研员)	4-й старший менеджер (四级高级主管)	4-й старший распорядитель (四级高级主办)
21-15	X	1-й заведующие отделами (一级主任科员)	1-й менеджер (一级主管)	1-й распорядитель (一级主办)
22-16	Волостной уровень	2-й заведующие отделами (二级主任科员)	2-й менеджер (二级主管)	2-й распорядитель (二级主办)
23-17	X	3-й заведующие отделами (三级主任科员)	3-й менеджер (三级主管)	3-й распорядитель (三级主办)
24-17	Волостной уровень (заместители)	X	X	X
24-18	X	4-й заведующие отделами (四级主任科员)	4-й менеджер (四级主管)	4-й распорядитель (四级主办)

Окончание табл. 2

26-18	Уровень референта	1-й референт (一级科员)	Профессиональный техник (专业技术人员)	1-й сотрудник по исполнению административного законодательства (一级行政执法员)
27-19	Уровень клерка	2-й референт (二级科员)	X	2-й сотрудник по исполнению административного законодательства (二级行政执法员)

С функциональной точки зрения существуют определенные различия между руководящими должностями и должностными рангами государственных служащих. Руководящие должности дают государственным служащим власть и ответственность. А должностные ранги являются комплексным показателем должности, способностей, результатов работы и старшинства государственного служащего и приносит материальную выгоду и удовлетворение его профессиональных амбиций.

Условия, квалификация и процедуры продвижения

В настоящее время продвижение государственных служащих в Китае регулируют «Закон КНР о государственных служащих (中华人民共和国公务员法)», «Положение об отборе и назначении руководящих кадров партии и правительства (党政领导干部选拔任用工作条例)» и «Положение о системе параллельных иерархий руководящих должностей и должностных рангов государственных служащих (公务员职务与职级并行规定)». В совокупности эти законы регулируют условия и квалификацию для продвижения на государственной службе.

Таблица 3 (Table 3)

**Условия и квалификация для продвижения
китайских государственных служащих**

Conditions and qualifications for promotion of Chinese civil servants

Категории	Продвижение руководящих должностей	Продвижение должностных рангов
Условия	<p>1. Обладание политическими качествами, трудоспособностью, образованием и опытом, необходимыми для занимаемой должности.</p> <p>2. Последовательность и постепенность.</p> <p>3. Экстренное повышение — только в соответствии с правилами, за особо выдающиеся успехи или выполнение эксклюзивных задач.</p>	<p>1. Обладание уровнем политических качеств, поддержка руководства КПК и социалистической системы, решительная защита позиции Генерального секретаря Си Цзиньпина и решительная защита авторитета централизованного и единого руководства ЦК КПК.</p> <p>2. Обладание трудоспособностью и профессиональными знаниями, соответствующими занимаемой должности, верность долгу, прилежность и добросовестность, инициативность, ответственность прилежность в работе.</p> <p>3. Обладание высокой степенью общественного признания.</p> <p>4. Обладание стажем работы и квалификацией, требуемой для повышения в должности.</p> <p>5. Обладание нужным моральным обликом, честностью, законопослушностью, сознательным приверженцем социалистических ценностей.</p>
Квалификация	<p>1. Для занятия руководящих должностей на уровне уезда — более пяти лет стажа и более двух лет — на низовом уровне.</p> <p>2. Для занятия руководящих должностей выше уровня уезда — опыт работы на двух и более должностях на предыдущих уровнях.</p>	<p>1. Ранг 1-го инспекторы — опыт работы заместителем муниципального уровня или 2-м инспектором не менее четырех лет.</p> <p>2. Ранг 2-го инспектора — опыт работы 1-м консультантом не менее четырех лет.</p>

<p>3. Для занятия руководящих должностей выше уровня уезда, если заместитель становится руководителем, — стаж заместителя более двух лет.</p> <p>4. Продвижение с основной должности на более высокий уровень заместителя — после трех лет работы на предыдущей основной должности.</p> <p>5. Образование руководителя низового уровня — диплом колледжа минимум, а руководителя уровня муниципального или выше — диплом бакалавра минимум.</p> <p>6. Обязательное обучение кандидатов в партийных школах — административных колледжах, кадровых колледжах, административных институтах; продолжительность обучения должна отвечать требованиям соответствующих положений о кадровом образовании и подготовке.</p> <p>7. Нужная физическая форма для надлежащего выполнения своих обязанностей.</p> <p>8. Соответствие квалификационным требованиям, установленным в соответствующих законах. Должности партийного руководства, помимо того, должны соответствовать требованиям к партийному стажу, предусмотренным Уставом КПК.</p>	<p>3. Ранг 1-го консультанта — опыт работы в должности основного уездного уровня или 2-м консультантом не менее трех лет.</p> <p>4. Звание 2-го консультанта опыт работы 3-м консультантом не менее двух лет.</p> <p>5. Ранг 3-го консультанта — опыт работы заместителем уездного уровня или 4-м консультантом не менее двух лет.</p> <p>6. Ранг 4-го консультанта — опыт работы 1-м заведующим отделом не менее двух лет.</p> <p>7. Ранг 1-го заведующего отделом — опыт работы в должности основного волостного уровня или 2-м заведующим отдела не менее двух лет.</p> <p>8. Ранг 2-го заведующего отделом — опыт работы 2-м заведующим отделом не менее двух лет.</p> <p>9. Ранг 3-го заведующего отделом — опыт работы 4-м заведующим отделом не менее двух лет.</p> <p>10. Ранг 4-го заведующего отделом — опыт работы 1-м референтом не менее двух лет.</p> <p>11. Ранг 1-го референта — опыт работы 2-м референтом не менее двух лет.</p>
--	--

Статья 46 Закона КНР о государственных служащих и ст. 20 «Положения о системе параллельных иерархий руководящих должностей и должностных рангов государственных служащих» определяют процедуру их продвижения на руководящие должности и звания.

Таблица 4 (Table 4)

**Процедуры продвижения по службе
для китайских государственных служащих**
Promotion procedures for Chinese civil servants

Выдвижение на руководящие должности	Выдвижение на должностные ранги
1. Внесение кадрового предложения. Начинается процесс, в ходе которого организационный отдел комитета КПК выдвигает свои соображения по поводу начала подбора и назначения кадров и формирует программу работы	1. Партийные комитеты или организационные отделы изучают и предлагают планы работы по подбору кадров на определенный ранг — должности, условия, объемы, способы, процедуры и т.д. для подбора
Демократические рекомендации: 1) определения кандидатов организационным отделом партии; 2) собеседования с кандидатами в организационном отделе комитета КПК; 3) голосование коллег кандидата (при достижении определенного процента кандидат проходит первичный отбор); 4) партийная организация определяет первоначальных участников отбора	2. Демократические рекомендации и предложение предварительных кандидатур
3. Проверка кандидатов	3. Проверка и анализ кандидатов
4. Обсуждение и принятие решения в организационном отделе комитета КПК более высокого уровня	4. Публичное объявление кандидатов на повышение в ранге
5. Трудоустройство	5. Просмотр и утверждение кандидатов (срок оглашения от 5 рабочих дней)

С точки зрения процедур продвижение на руководящие должности происходит более осторожно и уделяет больше внимания демократическим процедурам. Продвижение на руководящие должности и по должностным рангам строго определяется стажем. Избегают продвигать кадры с малым политическим опытом. Это очевидная особенность ступенчатого продвижения. Статья 7 «Положения о подборе и назначении руководящих кадров партии и пра-

вительства» подробно определяет условия занятия руководящих должностей. Акцент делается на «политических качествах» и «моральном уровне», воплощает в себе концепцию «совмещение нравственности и квалификации с предпочтением нравственности (德才兼备, 以德为先)».

Горизонтальная система обмена кадрами

При изучении кадровой политики КПК японо-российский научный тандем К. Мацузато — Д. Сельцер обнаружил, что кадровая политика КПК всегда включала меры по «компенсации отсутствия горизонтальной мобильности» [4]. Эта мера постепенно превратилась в «систему обмена кадрами» после 1980-х гг. как важный способ обучения кадрового резерва КПК. От себя замечу, что в Китае со времен древних феодальных династий императоры использовали «систему иных краев назначений (异地任职制度)» чиновников для предотвращения коррупции и подавления фронды местных сил. Система обмена кадрами КПК является наследием древней китайской мудрости. Используя западные теоретические объяснения, канадский ученый Лоуренс Питер написал в «Принципе Питера»: «В иерархической системе каждый член организации имеет тенденцию продвигаться на уровень, на котором он некомпетентен» [12, с. 7]. Питер считает, что в иерархической организации с продвижением по службе люди постоянно продвигаются с компетентных должностей на более высокие должности и продолжают продвигаться на более высокие должности до тех пор, пока люди не станут некомпетентными из-за выполнения работы. Тогда восхождение будет прекращено. Таким образом, последнее продвижение каждого человека — это переход с компетентной должности на непригодную. Этот принцип хорошо показывает, что традиционный механизм продвижения обращает внимание только на то, компетентен ли человек для исходной должности, но не обращает внимания на сочетаемость продвигаемого лица с новой должностью. Учитывая это, в кадровой политике КПК продвижение кадров основывается на прошлых фактических достижениях, а не на первом рассмотрении соответствия продвигаемого новой должности. Система кадрового обмена заключается именно в горизонтальном обмене, подготовке и проверке кадров перед их

продвижением на руководящие должности, чтобы решить «теорему Питера».

Система обмена кадрами впервые возникла во времена династии Хань в Китае около 2100 лет назад. Император династии Хань Ву, Лю Че, впервые осознал: для сохранения централизованной власти, предотвращения кумовства, сдерживания местных сил чиновников надо перемещать¹. Самая ранняя система обмена кадрами основывается на системе «уклонения» — от родного места чиновника, ямена, где служат его родственники. Во время правления Лю Чжи, императора Хань Хуана, был официально принят первый закон о системе обмена — «Санху Фа (三五法)». Когда люди Сун подытожили причины гибели династии Тан, они пришли к выводу, что длительное пребывание чиновников на одном месте не только порождало коррупцию, но и вело к бунтам. Поэтому они придумали уклонение от должности (职务回避) и уклонение от кэцзюй (科举回避) [18]. С тех пор система обмена древних китайских чиновников постоянно обогащалась, и некоторые из этих практик сохранились до наших дней.

Система обмена кадрами в КПК началась в 1927 г. После провала Великой революции КПК глубоко осознала важность кадровой работы. Чтобы постепенно наращивать собственную армию и базу, ЦК КПК исследовал обмен кадрами внутри советского района и между советским районом и белым районом [9, с. 11–12]. В 1962 г. на десятом пленуме ЦК КПК восьмого созыва был издан первый после образования КНР нормативный документ по кадровым обменам — «Решение ЦК КПК о планомерный и поэтапный обмен руководящими партийными и государственными кадрами на всех уровнях (中共中央关于有计划有步骤地交流各级党政主要领导干部决定)». Предусматривалась необходимость регулярных межуровневых, региональных и ведомственных обменов между кадрами, которые в основном яв-

¹中国古代任官回避制度 // 中共中央纪律检查委员会网站. URL: https://www.ccdi.gov.cn/lswhn/shijian/201401/t20140114_28649.html. 上网时间: 2022.03.29 [Древняя китайская официальная система уклонения // Сайт Центральной комиссии по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая (дата обращения: 29.03.2022)]. (На кит. яз.)

ляются партийными и правительственными руководителями государственных органов на уровне уезда или выше. Был закреплён «регулярный обмен кадрами как основная система управления кадрами нашей партии»¹.

После реформы и открытости в повестку дня кадровой политики вошли сменяемость, избыточность полномочий, кадровый обмен как важные меры восстановления традиции партийного управления кадрами и подготовки кадров [7, с. 159–162]. В 1986 г. шестой пленум ЦК КПК двенадцатого созыва предложил, чтобы «кадровые обмены были важным способом отбора и подготовки кадров»². В 1993 г. «Временное положение о национальных гражданских служащих (国家公务员暂行条例)» разъяснило четыре типа кадровых обменов — «перевод», «переназначение», «ротация» и «временное исполнение должности». И предусмотрено, что «для продвижения на более высокий уровень руководства необходимо иметь опыт работы на двух или более должностях на предыдущем уровне»³. В 1999 г. «Временное положение об обмене руководящими партийными и государственными кадрами (党政领导干部交流工作暂行规定)» стало первым специальным регламентирующим документом кадровых обменов. Закон о государственных служащих, который был введён в действие в 2006 г.,

¹ 建国以来重要文献选编: 第15册. 中共中央文献研究室编. 中央文献出版社, 1997. С. 575–577 [Избранные важные документы со времени основания Китайской Народной Республики: Т. 15. Составлено Отделом исследования документов ЦК Коммунистической партии Китая. Пекин: Центральные литературы, 1997. С. 575–577]. (На кит. яз.)

² 中共中央关于严格按照党的原则选拔任用干部的通知 // 复旦大学党委党校. URL: <https://dangxiao.fudan.edu.cn/21/ff/c8738a74239/page.htm>. 上网时间: 2022.04.01 [Уведомление ЦК Коммунистической партии Китая о подборе и назначении кадров в строгом соответствии с принципами партии // Партийная школа Фуданьского университета (дата обращения: 01.04.2022)]. (На кит. яз.)

³ 国家公务员暂行条例// 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E5%85%AC%E5%8A%A1%E5%91%98%E6%9A%82%E8%A1%8C%E6%9D%A1%E4%BE%8B/4307358> 上网时间: 2022.04.01 [Временные положения о государственных гражданских служащих // Энциклопедия Baidu (дата обращения: 01.04.2022)]. (На кит. яз.)

стал первым случаем, когда обмен кадрами был официально установлен на национальном правовом уровне. В том же году «Положение об обмене руководящими кадрами партии и правительства (党政领导干部交流工作规定)», «Временные положения о сроках полномочий руководящих кадров партии и правительства (党政领导干部职务任期暂行规定)» и «Временное положение об уклонении от должности руководящих кадров партии и правительства (党政领导干部任职回避暂行规定)» уточняли положение о порядке кадровых обменов. «Положение об отборе и назначении руководящих партийных и государственных кадров (党政领导干部选拔任用工作条例)», изданное в 2014 г., было пересмотрено в 2019 г., что еще раз подчеркивает важность обмена опытом работы для отбора и подготовки кадров. Реформа системы обмена кадрами, как средства отбора и подготовки резервных кадров для КПК, была в основном завершена.

В настоящее время в Китае существует три вида кадровых обменов: перевод (调任), переназначение (转任) и временное исполнение должности (挂职锻炼). Перевод означает перевод персонала, занятого на государственной службе в государственных предприятиях, бюджетных учреждениях и массовых организациях, на службу в партийные и государственные органы, а также перевод соответствующих кадров из партийных и государственных органов на службу. Под переводами понимается перевод лиц, занимающихся государственной службой на государственных предприятиях, бюджетных учреждениях и в массовых организациях, на должности в партийных и государственных органах, а также перевод соответствующих кадров из партийных и государственных органов на должности. Переназначение, в отличие от перехода в другую систему, это передвижение кадров внутри «системы партии и правительства» между различными регионами или ведомствами. Временное исполнение должности — это временный обмен персоналом, отобранным партийными и государственными органами, массовыми организациями, государственными предприятиями и бюджетными учреждениями для работы в других подразделениях, как правило, на срок от шести месяцев до двух лет, временный персонал не меняет отношения персонала с первоначальным подразделением, как показано на рисунке 1.

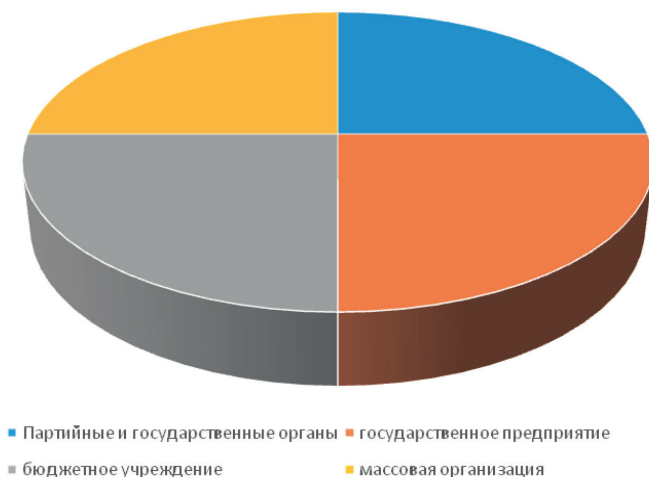

Рис. 1. (Fig. 1). Система обмена кадрами
Personnel exchange system

Текущие результаты практики обмена

На национальном уровне важнейшими результатами системы кадрового обмена являются улучшение отношений между центральными и местными органами власти, развитие отсталых территорий и борьба с коррупцией. В Китае властные отношения между центральным правительством и местными администрациями в основном отражают законодательные, финансовые, административные и кадровые полномочия, именно через систему обмена кадрами центр осуществляет эти функции вокруг этих четырех полномочий.

В декабре 2019 г. в городе Ухане, провинция Хубэй, вспыхнула новая коронавирусная пневмония. Из-за того, что руководители не приняли эффективных мер по борьбе с эпидемией, 10 февраля 2020 г. секретарь комитета партии и директор Комиссии по здравоохранению провинции Хубэй были сняты со своих постов. Заместитель директора Национальной комиссии здравоохранения Ван Хешен теперь одновременно занимает две должности. 13 февраля Цзян Чаолян, секретарь провинциального комитета партии Хубэй, и Ма Гоцян, секретарь Уханьского городского комитета партии, были сняты со своих постов и заменены на Ин Юна, бывшего заместителем секретаря Шанхайско-

го городского комитета партии, и Ван Чжунлиня, бывшего секретаря городского партийного комитета Цзинаня. Перед лицом серьезного кризиса в области общественного здравоохранения центральное правительство скорректировало кадровые и административные полномочия в провинции Хубэй с помощью системы кадрового обмена, тем самым усилив способность управлять провинцией и контролировать ее.

В условиях нынешней высокой кадровой конкуренции в Китае чиновники в экономически развитых регионах с большей вероятностью добьются политических достижений и получают больше шансов на продвижение по службе, чем кадры в экономически слаборазвитых регионах. В долгосрочной перспективе, чем больше способных кадров не хотят занимать должности в бедных районах, тем сложнее бедным районам развиваться. Эта проблема была эффективно решена моделью «взаимной поддержки (对口支援)», официально предложенной в конце 1970 г. Эта модель горизонтального потока ресурсов означает не только сотрудничество провинций в области фондов, политики, техники и коммерческих проектов, но также включает обмен и назначение партийных и государственных кадров, профессиональных технических кадров и управленческого персонала предприятий. С 1997 г. с планом ЦК КПК, Организационным отделом ЦК и Министерства людских ресурсов и социального обеспечения, последовательно направлено более 20 000 чиновников и способных к администрированию людей для работы в Синьцзяне¹. Эта мера повысила общий уровень управления в этом экономически слаборазвитом регионе.

Антикоррупционная функция системы обмена кадрами в основном отражается в восстановлении центральным правительством прав дисциплинарных комитетов и собственно административной власти. До XII Всекитайского съезда КПК Дисциплинарный комитет находил-

¹ 中央和国家机关、中央企业第十批援疆干部人才抵达乌鲁木齐 // 新华网. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-09/22/c_1126525859.htm. 上网时间: 2022.04.02 [В Урумчи прибыла десятая партия кадров и талантов из центрального правительства, государственных органов и центральных предприятий // Синьхуанет (дата обращения: 02.04.2022)]. (На кит. яз.)

ся под руководством парткома того же уровня. После съезда конфигурация властных отношений поменялась. Дисциплинарные комитеты всех уровней приняли руководство парткомами. Однако, поскольку партийный комитет того же уровня имеет право назначать секретаря комиссии по проверке дисциплины, секретарь комиссии по проверке дисциплины обычно избирается из числа членов партийного комитета, создавая тем самым ситуацию, когда местная комиссия по проверке дисциплины признает руководство партийного комитета того же уровня. Точно так же было и в СССР, где Комитеты партийного контроля играли исключительно важную, но скорее вторую роль в иерархии властных отношений.

Нынешняя КПК обменом должностями разрушила возможность сговора между секретарями партийных и дисциплинарных комитетов. В то же время, межпровинциальный обмен секретарями дисциплинарных комитетов ликвидирует полномочия партийного комитета по назначению секретарей дисциплинарных комитетов, что привело к восстановлению центральным правительством кадровой власти системы комиссий по проверке дисциплины и административной власти по борьбе с коррупцией.

Согласно исследованию Чжун Минчуана, по состоянию на декабрь 2019 г. все секретари комиссий по проверке дисциплины 31 провинции добились обмена должностями в разных местах. Это, с его точки зрения, показывает, что центральное правительство полностью лишило местные партийные комитеты права назначать секретарей дисциплинарных комитетов через систему обмена в разных местах, сформировав «новую модель двойного руководства» с дисциплинарным комитетом в качестве главного руководителя [19, с. 17–18].

На персональном уровне система обмена кадрами в основном играет функцию подготовки и мотивации. На протяжении всей китайской истории внимание к опыту чиновников, работающих на низовом уровне или в разных местах, было основной традицией в функционировании политики. В современном Китае эта традиция стала своеобразным механизмом подготовки кадров в виде системы обмена кадрами. Ли Чжэнь и Лю Чжи проанализировали опыт работы 1101 руководителя провинциального и министерского уровня и обнаружили, что все руководящие кадры там имели опыт обмена. Обмен кадрами,

следовательно, стал неизбежным способом роста высших руководителей. В этом процессе кадры получают более полный политический опыт и восполняют недостаток опыта и компетентности, чтобы с большей вероятностью быть компетентными в своей новой работе, когда их повысят до более высоких уровней [8].

Например, Цай Ци, секретарь Пекинского муниципального комитета партии, получил опыт работы в исполнительной власти, партийных комитетах и правительственных структурах, прежде чем стал мэром города Санмина, провинция Фуцзянь. В это время он развивал свои качества руководителя как заместитель секретаря муниципального комитета Санмина (временно исполняющий должность), а через три года официально стал полноправным руководителем. Будучи выдвинутым на руководящие должности, Цай Ци продолжает обмениваться должностями на более высоких уровнях исполнительной власти, партийных комитетов и правительственных функционеров. После успешной организации зимних Олимпийских игр он, наконец, стал секретарем Пекинского муниципального комитета партии.

Таблица 5 (Table 5)

Биография секретаря пекинского ГК КПК Цай Ци

*Biography of Cai Qi, Secretary of the Beijing Civil Committee
of the Chinese Communis*

Годы	Биография
1973–1975	Учеба в коммуне Сиянг, уезд Юнгань, провинция Фуцзянь
1975–1978	Учеба на факультете политического образования Фуцзяньского педагогического университета
1978–1983	Кадровый работник парткома КПК, Фуцзяньский педагогический университет
1983–1987	Кадровый работник и заместитель начальника отдела Генерального офиса парткома КПК провинции Фуцзянь
1987–1991	Секретарь Генерального офиса комитета КПК провинции Фуцзянь
1991–1996	Заместитель директора отдела политической реформы провинциального комитета КПК Фуцзянь (по совместительству 1994–1996 — заместитель секретаря ГК КПК г. Саньмина, провинция Фуцзянь; параллельно 1996.03–1996.07 — обучение в ЦППШ для кадров муниципального уровня)

Окончание табл. 5

Годы	Биография
1996–1997	Заместитель секретаря ГК КПК г. Саньмина, провинция Фуцзянь (параллельно 1994–1997 — магистратура в Фуцзяньском педагогическом университете, институте экономики и права)
1997–1999	Заместитель секретаря ГК КПК, заместитель мэра, мэр г. Саньмина, провинция Фуцзянь
1999–2002	Заместитель секретаря ГК КПК и мэр Цюйчжоу, провинция Чжэцзян (параллельно 1998–2001 — учеба в институте экономики и права Фуцзяньского педагогического университета по специальности «Политическая экономия», доктор экономических наук)
2002–2004	Секретарь ГК КПК г. Цюйчжоу, провинция Чжэцзян, председатель постоянного комитета городского собрания народных представителей
2004–2007	Секретарь Тайчжоуского ГК КПК, провинция Чжэцзян.
2007–2010	Заместитель секретаря ГК КПК и мэр г. Ханчжоу, провинция Чжэцзян
2010–2013	Член Постоянного комитета провинциального комитета КПК Чжэцзян, руководитель организационного отдела
2013–2014	Член Постоянного комитета провинциального комитета КПК Чжэцзян, вице-губернатор
2014–2016	Заместитель директора Центрального офиса Комиссии государственной безопасности
2016–2017	Заместитель секретаря Пекинского ГК КПК, и.о. мэра, мэр Пекина
2017 — наст. вр.	Член Центрального Политбюро, секретарь Пекинского ГК КПК

В дополнение к этому замечу, что до реформы параллельной системы продвижения по службе для руководящих должностей и должностных рангов государственной службы в системе управления кадрами КПК в основном полагались на систему обмена кадрами, чтобы играть мотивирующую роль на низовом уровне. Лю Юань в 2020 г. провел опрос 56 кадровиков с опытом организации обмена кадрами в секторе водных ресурсов в бассейне реки Н в Китае. Отзывы о фактическом эффекте кадровых обменов следующие: «Подготовка перспективных кадров» (31%), «Оптимизация организационной струк-

туры кадров» (29 %), «Реализация положений политики обмена кадрами» (20 %), «Забота о кадрах типа «добросовестный работник» (老黄牛型的干部)» (6 %), «Решение вопросов, связанных с уровнем должностей» (4 %), «Выявление неэффективных кадров» (3 %), «Нет ясной цели» (3 %), другие (4 %) [10, с. 29–30].

Концепт «масштаб» и продвижение кадров

Есть разные теории возникновения государств. Фан Пэн с помощью генетического тестирования обнаружил, что 4700 лет назад доминирующими племенами в бассейне реки Хуанхэ в Китае были в основном кланы Юй (虞氏), Гунгун (共工), Саньмяо (三苗), Гун (鯀), Сиюэ (四岳), Хуандоу (驩兜) и некоторые другие. Из-за таких факторов, как изменение климата и землетрясения в то время, разразилось невиданное в истории наводнение. В этом противостоянии людей и потопа Юй из племени Гун показал свою способность управлять борьбой со стихией. Под его руководством все племена построили цитадели, изменили русло реки Хуанхэ и, в конце концов, подавили наводнение. После того как Юй успешно справился с наводнением, он провел собрание князей в Тушане и был избран вождем всех племен [13, с. 129–132]. В этот момент «государство возникло потому, что размер группы стал настолько большим, что патриархальный закон больше не мог поддерживаться» [16]. Можно видеть, что в эволюции Китая от родового общества к государству главной причиной объединения была не война, а необходимость масштабного общественного сотрудничества, возникающая в связи с борьбой со стихийными бедствиями. Существенная разница между китайским и европейскими случаями образования государства состоит в том, что китайский пример намного превосходит войну городов-государств с точки зрения масштаба политического порядка. Это определяет, что китайцы придают большее значение крупномасштабному политическому заказу, чем Запад. Фан Пэн делает вывод: «Концепция равенства, сформированная доциньскими философами; создание системы префектур и уездов в периоды чуньцю и чжаньго; единая структура и форма, создана династией Цинь; концепция великого единства, построенная в династии Хань. Благодаря им Китай безвозвратно вышел из эпохи аристократической

политики» [14]. Солидарен с этим выводом и Фрэнсис Фукуяма: Китай во времена династии Цинь создал первое в мире современное государство в смысле Макса Вебера, т.е. единое и рациональное центральное бюрократическое правительство, это «более систематично, чем государственное управление Рима, и доля китайского населения, живущая по единым правилам, также намного больше, чем в Риме»¹.

Фань Юнпэн считает, что западная политическая наука увлечена конструкцией прав, режимов, процедур и других вопросов, но вопрос о политическом порядке как первой ценности политической науки игнорируется. Он разбирал политические системы древнегреческой эпохи, эпохи империй и эпохи национальных государств в Европе и считал, что, будь то США или ЕС, такое федеративное государство, основанное на принципе выбора интересов и договора между отдельными людьми и небольшими сообществами, в сущности, остается на уровне политики города-государства и не может по-настоящему ответить на вызовы крупномасштабного политического порядка. Под вызовом масштаба у представительной системы правления есть только два способа сохранить свой так называемый демократический характер: 1) увеличить размер представительства; 2) сокращение масштабов, возвращение к «маленьким государствам и малым людям» [15]. Он же писал, что первое поднимает вопросы операционной эффективности и стоимости и в значительной степени может привести к дисфункциональной системе. Если представительство не будет расширено, это приведет к появлению чрезмерно больших избирательных округов и ослабит связь между избирателями и представителями. Какой смысл в выборах, если избиратели имеют право принимать решение на выборах только один из миллиона? Именно для того, чтобы решить проблему масштабного политического порядка при подборе руководящих кадров в Китае, западная модель «разделения двух

¹ 弗朗西斯·福山. 《政治秩序的起源》探寻历史的开端 // 纽约时报中文网. URL: <https://cn.nytimes.com/culture/20130130/cc30fukuyama/> / 上网时间: 2022.04.29 [Фрэнсис Фукуяма. «Истоки политического порядка» исследует истоки истории // Китайский веб-сайт Нью-Йорк Таймс (дата обращения: 29.04.2022)]. (На кит. языке).

категорий чиновников» не была принята. Решено было иное — обеспечить выполнение трех основных требований «большого масштаба» к кадровому коллективу: профессионализм, эффективность и ответственность.

Профессионализм означает, насколько хорошо руководители управляют страной, подчеркивая важность опыта работы. Основным методом формирования лидеров на Западе являются конкурентные выборы, которые, как правило, не делают акцент на постепенном продвижении кандидатов по карьерной лестнице. Трамп и Зеленский, например, никогда не работали в правительстве до того, как стали президентами. Продвижение кадров в Китае — это процесс конкурсного отбора «внутри системы». Путь продвижения по службе для всех государственных служащих, включая руководящие кадры, практически одинаков и представляет собой поэтапное продвижение. Например, средний стаж работы членов Постоянного комитета Политбюро партии 18-го созыва на провинциальном уровне составил 13,7 лет, а средний стаж работы на полном провинциальном уровне (руководящая должность) — 9,5 лет. Средний стаж работы членов Постоянного комитета Политбюро 19-го созыва на провинциальном уровне составил 14,5 лет, а средний стаж работы на полном провинциальном уровне (руководящая должность) — 8,5 лет. После ознакомления с местным положением они должны ознакомиться с положением в стране на опыте членов Политбюро, прежде чем войти в состав Постоянного комитета Политбюро. Например, Си Цзиньпин сначала руководил деревней (6 лет), уездом (3 года), городом (11 лет, 3 провинции) и провинцией (11 лет, 3 провинции), и пройдя обучение в партийной системе, системе исполнительной власти, системе НКП и военной системе, прежде чем перейти в центральное правительство, чтобы управлять страной, после пяти лет работы в центральном правительстве стал высшим руководителем страны [21]. В дополнение к опыту, независимо от любой отрасли, чем полнее конкуренция, тем выше средний уровень достойных людей в своей отрасли. В Китае вероятность сдачи экзамена на государственную службу составляет примерно 1,45 %. Процент повышения с уровня референта до уровня уездного составляет около 4,4 %, с уровня уездного до уровня муниципального — около 0,01 %, а с уровня муниципального до уровня

провинциального — около 0,025 %¹. Это показывает, насколько жесткой является конкуренция. Однако в предвыборной агитации по логике капитала величина капитала относительна, а окончательное число кандидатов абсолютно, что позволяет капиталу всегда сохранять монополию на кампанию, повышая порог ее финансирования. Например, в 2016 г. стоимость кампании в США составила 7 млрд долл., а основных кандидатов на выборах от Демократической партии было 7. Расходы на предвыборную кампанию 2020 г. удвоились до 14 млрд долл., но кандидатов от Демократической партии на первичных выборах осталось 7, и окончательное число кандидатов в президенты всегда было двое. Это означает, что повышение конкурентоспособности выборов приводит к увеличению вложений капитала, не приводя к увеличению числа кандидатов. Феномен политической поляризации в США также подтверждает, что, когда интенсивность конкуренции за капитал возрастает, капитал сразу же отказывается от промежуточных кандидатов с неясным отношением, а не увеличивает число кандидатов, которых он поддерживает. Капитал заботит только то, лояльны ли кандидаты и смогут ли они победить на выборах. Поэтому у капитала нет мотивации повышать способность кандидатов управлять страной. Можно видеть, что китайская система продвижения кадров опирается на высокую конкуренцию при отборе и подготовке достойных кадров, обеспечить наличие у кадров существенного политического опыта путем поэтапного продвижения по службе, тем самым повышая профессионализм кадровой команды.

Эффективность связана с логикой продвижения чиновников. Западная избирательная система должна попытаться найти «наибольший общий делитель» для всего народа, этот человек может представлять интересы большинства, воплощая тем самым дух демократии. Для объединения большинства кандидатам очень важны предвыборные обещания, но его недостатки именно в этом — кан-

¹ 从科员到省部级领导：大数据中的公务员晋升之路 // 腾讯网. URL: <https://new.qq.com/omn/20200901/20200901A0NK1R00.html>. 上网时间: 2022.04.22 [От сотрудников отделов до руководителей провинций и министерств: путь к продвижению государственных служащих в сфере больших данных // Tencent.com (дата обращения: 22.04.2022)]. (На кит. яз.)

дидаты часто дают обещания, которые не могут выполнить, чтобы выиграть свою кампанию. Только 24 из 102 предвыборных обещаний Трампа были выполнены, и только одно из пяти самых важных предвыборных обещаний¹. В этой модели «выборы + сдержки и противовесы» больше внимания уделяется сдержкам и противовесам в процессе работы власти, а китайская модель «воспитание + проверка (培养+考核)» уделяет больше внимания результатам использования власти. На том же уровне конкуренции только те кадры, которые могут добиться наиболее «реальных достижений» и имеют потенциал, могут получить возможность дуаньянь (锻炼) перед продвижением по службе. Дуаньянь включает в себя как воспитание, так и проверку. Содержание проверки зависит от резюме кандидата. Например, кандидаты, не имеющие опыта работы на низовом уровне, будут работать на низовом уровне. Только те кандидаты, которые продолжают показывать хорошие результаты на этапе дуаньянь, будут переведены на руководящую должность, а затем перейдут на следующий уровень соревнований. В отличие от ориентированной на процесс избирательной системы, китайская система продвижения по службе, ориентированная на результат, в значительной степени укоренена в традиции оценки чиновников в рамках системы префектур и уездов на протяжении более 2000 лет.

Интересно, что столкновение институциональной культуры между «ориентацией на результат» и «ориентацией на процесс» привело к непредвиденным последствиям в Южной Корее. В Южной Корее, на которую также повлияла конфуцианская культура, после принятия избирательной системы сменилось в общей сложности 12 официальных президентов за 19 сессий. Среди 11 бывших президентов один был вынужден отправиться в изгнание, двое были свергнуты в результате переворота, один убит, один покончил жизнь самоубийством, двое смещены из-за коррупции, четверо приговорены к тюремному заключению. Некоторые в шутку назвали должность президента Южной Кореи «одной из самых опасных профессий в мире». Это противоречие, основанное на институциональной традиции, также является

¹ Trump-O-Meter // Politifack. URL: <https://www.politifack.com/truth-o-meter/promises/trumpometer/?ruling=true> (дата обращения: 22.04.2022).

одной из причин, по которым его необходимо принимать во внимание.

Ответственность означает, что правительство должно не только использовать полномочия, возложенные на него гражданами, но и нести обязанности. Отражаясь в кадровой системе, это вопрос о том, кто обладает высшей кадровой властью в стране. А.Б. Палконски считает, что «эпоха медиа» с их доминированием над народным голосованием, началась в США в 1940 г., когда впервые применили на выборах радио. С тех пор на политическую рекламу обычно приходилось 50–75 % бюджета кампании, а результаты выборов в США 2016 г. свидетельствовали об общей победе новых медиа [11]. Если назначение высшего лидера на всеобщих выборах связано с количеством голосов избирателей, то СМИ как продолжение власти капитала доминируют в избирательной кампании. Капитал в таких случаях, назначив высшее лицо страны, завершает захват власти. КПК придерживается принципа «партия контролирует кадры». В процессе продвижения кадров КПК запрещает вмешательство сил капитала и в то же время принимает общественный контроль.

Две разные поведенческие логики власти ведут к двум очень разным последствиям. В 2020 г. от нового коронавируса в провинции Хубэй умерло 4512 человек. С начала эпидемии до середины апреля 2020 г. здесь были наказаны более 3000 членов партии и руководящих работников, проявивших небрежность и безответственность, в том числе более десяти на муниципальном уровне и более ста на уездном уровне [6]. В мае 2022 г. число умерших от нового коронавируса в США превысило 1 млн человек, но никто не был привлечен к ответственности за невыполнение своих обязанностей по профилактике и борьбе с эпидемиями. Такое «положительное правительство», требующее соответствующей власти и ответственности, давно превзошло объяснительную силу «большого правительства» и «малого правительства» в западной политической науке. В настоящее время китайская политическая наука отказалась от этой парадигмы и начала исследовать понятия «сильное правительство» и «слабое правительство» с точки зрения возможностей правительства. Эта концепция была впервые предложена профессором Чжу Гуанлеем из Нанкайского университета. Термин «сильное правительство» здесь относится в основном к сильному исполнению и авторитету, чистоте и эффективности.

Конечная цель состоит в том, чтобы установить «двойную силу» модели правительства и общества¹.

Заключение

Коммунистическая партия Китая пытается создать ориентированное на людей, эффективное и чистое правительство. В то же время в Китае однопартийная система. КПК в течение длительного времени поддерживает высококонкурентную систему продвижения кадров, что повышает качество кадров высшего звена и тем самым обеспечивает стабильность режима. Хотя эта система снабжает Китай высококачественными кадрами, ее самый большой недостаток заключается в отсутствии стимулов для тех из них, кто терпит неудачу в оборочных конкурсах. Это может легко привести к отсутствию энтузиазма в работе кадров среднего и низшего звена, особенно у низовых кадров, всю жизнь проработавших в слаборазвитых районах. Поэтому в последние 10 лет реформа кадровой политики КПК была сосредоточена на расширении каналов продвижения кадров.

«После того как политическая линия определена, кадры становятся решающим фактором», — говорил Мао Цзэдун². Забота государства о кадрах должна отражаться в освоении их потенциала. Не следует терять возможность продвижения только потому, что кто-то не подходит на определенную должность. Следует использовать систему горизонтального обмена, чтобы обеспечить кадры возможностью перекрестного продвижения и избежать расточительности талантами. Через горизонтальную систему кадрового обмена КПК повысила общий уровень управления в отдаленных районах, развила местную экономику и укрепила способность центрального правительства контролировать эти районы. Кадры, которые хорошо показывают себя

¹ 朱光磊. 共筑政府与社会的“双强”模式 // 中国共产党新闻网. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0105/c49150-26324331.html>. 上网时间: 2022.05.01 [Чжу Гуанлэй. Построение модели «двойной силы» для правительства и общества // Сеть новостей Коммунистической партии Китая. (дата обращения: 01.05.2022)]. (На кит. яз.)

² 毛泽东选集: 第二卷. 人民出版社, 1991: 526 [Избранные произведения Мао Цзэдуна. Т. 2. Пекин: Народ, 1991. С. 526]. (На кит. яз.)

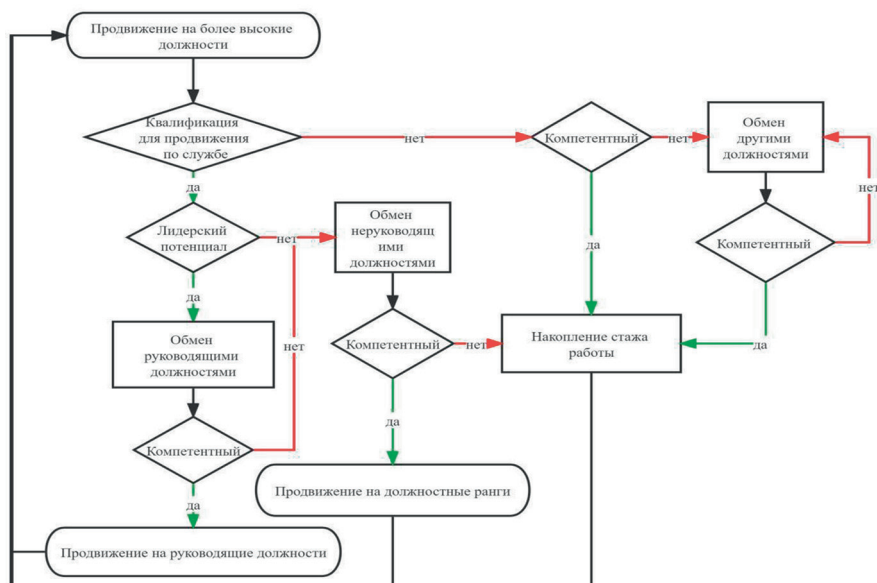

Рис. 2. (Fig. 2). Китайский механизм продвижения кадров
China's Personnel Promotion Mechanism

в обмене, накапливают опыт работы и готовятся к конкурсу на руководящие должности более высокого уровня. Объединив вертикальную систему продвижения с горизонтальной системой обмена, КПК получила следующую схему системы продвижения кадров.

Видно, что перед каждым повышением кадры проходят воспитание и проверку в горизонтальном обмене, и только те, кто прошел проверку и при этом обладает руководящим потенциалом, продвигаются на руководящие должности. Эта система очень похожа на практику врачей и учителей. Чтобы оказывать профессиональную медицинскую помощь, врачи должны проходить практику. Чтобы обеспечить профессиональное образование, учителя должны проходить практику. Вот и для обеспечения профессионального управления кадры тоже должны проходить практику.

Китайская модель продвижения кадров — «воспитание + проверка». Концепция ее системного дизайна заключается в создании «хорошего правительства» путем «воспитания квалифицированных руко-

водителей для совершения добрых дел». Западная модель «выборы + сдержки и противовесы» — это способ создания «ограниченного правительства» путем «ограничения неквалифицированных лидеров от совершения плохих поступков». В этом есть существенная разница.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сяо Лу — ассистент преподавателя в Институте марксизма, Шэньянский архитектурный университет. **Телефон:** +7 (915) 678-38-21.

Электронная почта: xiao.lu.edu@yandex.ru.

Research Article

XIAO LU¹

¹ Shenyang Jianzhu University

25, Hunnan Middle Road, Hunnan District, 110168, Shenyang, Liaoning, China

PROMOTION SYSTEM PERSONNEL OF THE STATE ADMINISTRATION OF THE PRC

Abstract. The author's view on some basic principles of promotion of public administration personnel of the People's Republic of China is presented. By the promotion of personnel, the author understands their movement vertically and horizontally in the administrative hierarchy. In China, such movements are orderly and constitute a system of State-controlled actions. The article talks about the qualifications of officials as an imperative requirement of the party-state, types of positions, their distribution, qualification requirements for public positions and their content, reform of the personnel promotion system, mechanisms for their promotion, and assessments of their activities. In addition, the author provides a special political analysis of some of the causes of personnel stagnation, parallel channels for personnel promotion, conditions, qualifications and procedures for personnel promotion, the horizontal personnel exchange system and its current results.

Keywords: personnel, personnel policy, personnel processes, China, the Communist Party of China.

For citation: Lu X. Promotion system personnel of the state administration of the PRC. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 1. X. P. 71–104. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.3>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Xiao Lu — teaching assistant in the School of Marxism, Shenyang Jianzhu University. **Phone:** +7 (915) 678-38-21. **E-mail:** xiao.lu.edu@yandex.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Лу С. Отбор vs выборы, или как найти надежных политических лидеров по-китайски // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96). С. 1005–1011. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.96.3.022> EDN: YCXGOK
Lu X. Selection vs election or how to find reliable political leaders in Chinese? *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. 2023. Vol. 13. No. 3 (96). P. 1005–1011. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.96.3.022> (In Russ.)
2. Лу С., Сельцер Д.Г. Меритократия как принцип формирования управленческой элиты современного Китая // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8 (84). С. 2618–2626. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.84.8.007> EDN: JСMIYV
Lu X., Seltzer D. Meritocracy as a principle of formation of the managerial elite of modern China. *Voprosy politologii*. 2022. Vol. 12. No. 8 (84). P. 2618–2626. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.84.8.007> (In Russ.)
3. Лу С., Сельцер Д.Г. Система аттестации руководящих кадров современного Китая // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 27–55. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.2> EDN: CUVPDA
Lu X., Seltzer D. The attestation system of leading cadres in contemporary China. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 27–55. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.2> (In Russ.)
4. Мацузато К., Сельцер Д.Г. Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао) // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 113–133. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.5> EDN: YCRNMC
Matsuzato K., Seltzer D. State personnel policy in China (the time of Hu Jintao). *Vlast' i elity*. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 113–133. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.5> (In Russ.)
5. 郭依凡. 我国基层公务员职务与职级并行制度初探. 南京大学. 2016. 49 p. [Го Ифань. Предварительное исследование параллельной системы руководящих должностей и должностных рангов государственных служащих Китая. Нанкин: Нанкинский университет, 2016. 49 с.]. (На кит. яз.)
Guo Yifan. *Woguo jiceng gongwuyuan zhiwu yu zhiji bingxing zhidu chutan* [A preliminary study on the parallel system of leadership positions and official ranks of Chinese civil servants]. Nanjing: Nanjing University, 2016. 49 p. (In Chinese)
6. 叶志强. 疫情问责坚持实事求是彰显人性温度 // 中国纪检监察. 2020 (09): 62–63 [Е Чжицян. Ответственность за эпидемию настаивает на том, что-

бы искать истину в фактах, чтобы выявить теплоту человеческой натуры // Китайская дисциплинарная инспекция и надзор. 2020. № 9. С. 62–63]. (На кит. яз.)

Ye Zhiqiang. Responsibility for the epidemic insists on seeking truth in facts to reveal the warmth of human nature. *Zhongguo jijian jiancha*. 2020. No 9. P. 62–63. (In Chinese)

7. 李侃如. 治理中国:从革命到改革. 中国社会科学出版社. 2010. 428 p. [Лу Канру. Управление Китаем: от революции к реформе. Пекин: Китайские социальные науки, 2010, 428 с.]. (На кит. яз.)

Li Kanru. *Zhili zhongguo: cong geming dao gaige* [Governance of China: From Revolution to Reform]. Beijing: Chinese Social Science Press, 2010. 428 p. (In Chinese)

8. 李振,刘治. 中国干部交流机制的历史演进与运行逻辑—以1101位省部级领导干部任职经历为案例 // 中国政治学. 2018 (02): 168–184 [Ли Чжэнь, Лю Чжи. Историческая эволюция и операционная логика китайского механизма кадрового обмена — на примере 1101 провинциального и министерского руководящего состава // Китайская политика. 2018. № 2. С. 168–184]. (На кит. яз.)

Li Zhen, Liu Zhi. The historical evolution and operational logic of China's personnel exchange mechanism — using 1,101 provincial and ministerial leadership as an example. *Zhongguo zhengzhixue*. 2018. No 2. P. 168–184. (In Chinese)

9. 刘治. 当代中国干部交流机制研究. 重庆大学. 2017: 11–12 [Лю Чжи. Исследование системы обмена кадрами в современном Китае. Чунцин: Чунцинский университет, 2017. 44 с.]. (На кит. яз.)

Liu Zhi. *Dangdai zhongguo ganbu jiaoliu jizhi yanjiu* [A study of the personnel exchange system in modern China]. Chongqing: Chongqing University, 2017. 44 p. (In Chinese)

10. 刘园. 基于流程再造理论的H流域机构干部交流机制研究 // 天津大学. 2020: 95 [Лю Юань. Исследование механизма обмена институциональными кадрами в бассейне H на основе теории реинжиниринга процессов. Тяньцзинь: Тяньцзиньский университет, 2020. 95 с.]. (На кит. яз.)

Liu Yuan. *Jiyu liucheng zaizao lilun de H liuyu jigou ganbu jiaoliu jizhi yanjiu* [Study of the mechanism of institutional personnel exchange in the H basin based on the theory of process reengineering]. Tianjin: Tianjin University, 2020. 95 p. (In Chinese)

11. 帕尔康斯基. 张广翔,张文华译. 娱乐化与政治化:美国政治进程中的电视刍议 // 社会科学战线. 2018 (09): 2, 85–94 [Парконски А.Б. Развлечение и политизация: мнения о телевидении в американском политическом про-

- цессе / пер.: Чжан Гуансян и Чжан Вэньхуа // Фронт социальных наук. 2018. № 9. С. 2, 85–94]. (На кит. яз.)
- Paerkangsiji A.B. Entertainment and Politicization: Opinions about Television in the American Political Process. *Shehui kexue zhanxian*. 2018. No 9. P. 2, 85–94. (In Chinese)
12. 劳伦斯·J·彼得, 雷蒙德·赫尔. 彼得原理. 机械工业出版社, 2013: 171 [Лоуренс Дж.П., Халл Р Принцип Питера. Пекин: Машиностроение, 2013. 171 с.]. (На кит. яз.)
- Laolunsi J bide, leimengde heer. Bide yuanli. Jixie gongye chubanshe. [The Peter Principle]. Beijing: Mechanical Engineering, 2013. 171 p. (In Chinese)
13. 方鹏. 中国人的起源 — 基因解读三皇五帝. 江西人民出版社. 2010: 160 [Фан Пэн. Происхождение китайцев: генетическая интерпретация трех правителей и пяти императоров. Наньчань: Люди Цзянси, 2010. 160 с.]. (На кит. яз.)
- Fang Peng. *Zhongguoren de qi yuan — jiyin jiedu sanhuangwudi* [The Origin of the Chinese: A Genetic Interpretation of Three Rulers and Five Emperors]. Beijing: Jiangxi People's Press, 2010. 160 p. (In Chinese)
14. 范勇鹏. 西方危机的根源: 制度、国家建构和世界体系. //当代世界. 2018 (01): 24–28 [Фань Юнпэн. Корни западного кризиса: институты, государственное строительство и миросистема // Современный мир. 2018. № 1. С. 24–28]. (На кит. яз.)
- Fan Yongpeng. The Roots of the Western Crisis: Institutions, State Building, and the World System. *Dangdai shijie*. 2018. No 1. P. 24–28. (In Chinese)
15. 范勇鹏. 中国政治学知识体系的核心概念——统一性 // 复旦政治学评论. 2020 (01): 67–86 [Фань Юнпэн. Основное понятие китайской системы политических знаний — единство // Обзор политических наук Фудань. 2020. № 1. С. 67–86]. (На кит. яз.)
- Fan Yongpeng. The basic concept of the Chinese system of political knowledge is unity. *Fudan zhengzhixue pinglun*. 2020, No 1. P. 67–86. (In Chinese)
16. 范勇鹏. 重思规模: 探寻有关“可大可久”之道的政治学 // 东方学刊. 2019 (01): 16–27 [Фань Юнпэн. Переосмысление масштаба: изучение политологии «большого и длинного» пути // Журнал востоковедения. 2019. № 1. С. 16–27]. (На кит. яз.)
- Fan Yongpeng. Rethinking scale: exploring political science along the “big and long” road. *Dongfang xuekan*. 2019. No 1. P. 16–27. (In Chinese)
17. 胡威, 蓝志勇. 《中华人民共和国公务员法》十年回顾、思考与展望 // 南京社会科学, 2018 (01): 77–83 [Ху Вэй, Лань Чжиюн. Обзор за десять лет: размышления и перспективы закона о государственных служащих КНР // Нанкинские социальные науки. 2018. № 1. С. 77–83]. (На кит. яз.)

- Hu Wei, Lan Zhiyong. Ten Years in Review: Reflections and Prospects on China's Civil Servants Law. *Nanjing shehui kexue*. 2018. No 1. P. 77–83. (In Chinese)
18. 邱小玲. 中国古代任官回避制度 // 人才资源开发, 2014 (11): 98–99 [Цю Ся-олин. Древнекитайская официальная система уклонения // Развитие человеческих ресурсов. 2014. № 11. С. 98–99]. (На кит. яз.)
Qiu Xiaoling. Ancient Chinese official system of evasion. *Rencai ziyuan kaifa*. 2014. No 11. P. 98–99. (In Chinese)
19. 钟名闯. 新时期我国干部异地交流制度研究. 延安大学. 2020: 52 [Чжун Минчуан. Исследование системы обмена китайскими кадрами в новую эпоху. Яньань: Университет Яньань, 2020. 52 p.]. (На кит. яз.)
Zhong Mingchuang. *Xinshiqi woguo ganbu yidi jiaoliu zhidu yanjiu* [Research on Chinese Personnel Exchange System in the New Era]. Yan'an: Yan'an University, 2020. 52 p. (In Chinese)
20. 杨梅. 我国公务员职级制度的演进逻辑 // 中国人事科学. 2021 (05): 1–10 [Ян Мэй. Логика развития системы рангов государственных служащих Китая // Китайская кадровая наука. 2021. № 1. С. 1–10]. (На кит. яз.)
Yang Mei. The logic of the development of the ranking system of civil servants in China. *Zhongguo renshi kexue*. 2021. No 1. P. 1–10. (In Chinese)
21. 鄢一龙. 中美政治体制比较: “七权分工”vs.“三权分立” // 东方学刊. 2020 (03): 73–83, 127 [Янь Илун. Сравнение политических систем Китая и США: «семь властей разделения труда» против «трех властей разделения» // Журнал востоковедения. 2020. № 3. С. 73–83, 127]. (На кит. яз.)
Yan Yilong. Comparison of the political systems of China and the United States: “seven powers of division of labor” versus “three powers of division”. *Dongfang xuekan*. 2020. No 3. P. 73–83, 127. (In Chinese)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.4>.

EDN: NWFJDK

*А.Е. ЧИРИКОВА*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

ГЛАВЫ МАЛЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: МОЖНО ЛИ ВОЙТИ В ОДНУ РЕКУ ДВАЖДЫ?

Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп — стал умен, был зол — стал добр, и наоборот.

Лев Толстой

Аннотация. Статья строится на материалах эмпирического исследования, проведенного в городах Шуе и Кинешме в Ивановском регионе и одном районе в этой же области. Исследование проводилось в 2011, 2018 и 2023 гг. в городе Шуя, в Кинешме — в 2018 г., в районе Родники — в 2023 г. Цель исследования — описать изменения в управленческих стратегиях, личностных характеристиках и в командообразовании глав при втором приходе во власть в один и тот же город в разные периоды. Исследование проводилось с помощью метода интервью. Всего в городе Шуя проведено 17 интервью в 2011 г., 12 — в 2018 г. и 17 — в 2023 г. Кейс Родники включал в себя 16 интервью в 2018 г., проведенных в период пребывания бывшего главы Родников на должности главы в городе Кинешме, и 15 интервью в 2023 г., когда прежний глава вернулся на свое место в 2021 г. в Родниковский район. Таким образом, анализ строится на материалах 77 интервью, взятых как у самих глав, членов их команд, так и у представителей локальной элиты. Полученные результаты дают основание предположить, что контроль над ситуацией со стороны региональной

власти не всегда тотальное зло. Если этот контроль осуществляется с целью не наказать, а помочь, он дает позитивные результаты. Главы и сегодня нуждаются во взаимодействии с сильными игроками во власти, так как ситуация управления в малых городах требует от них совершенствования управленческих технологий, которые наращиваются именно в процессе взаимодействия с такими субъектами. Анализ также позволил сделать важный вывод: можно войти во власть дважды и добиться успеха. Более того, второй период работы во власти, как правило, более эффективен, чем первый. Во второй период можно уйти от ошибок, которые были сделаны ранее. При этом руководитель города может меняться при возникновении новых задач. Однако масштаб личностных и профессиональных изменений может быть различен. Чем выше мотивация, тем большая вероятность позитивных изменений. Однако здесь не было открыто однозначных закономерностей. Многое зависит от социально-экономической ситуации, отношения губернатора и желания самих глав меняться, чтобы быть максимально эффективными. Важно, что позиция элит относительно деятельности глав в сильной степени зависит от того, кто возглавлял город (район) ранее. В том случае, если предшествующий глава был слабый, получаемые оценки действующего главы, вернувшегося во власть, будут наиболее позитивными.

Ключевые слова: глава города, глава района, команда, личностные изменения, восприятие локальными элитами изменений, губернатор, куратор.

Для цитирования: Чирикова А.Е. Главы малых российских городов: можно ли войти в одну реку дважды? // Власть и элиты. 2024. Т. 11. №. 1. С. 105–154. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.4>. EDN: NWFJDK

Введение: проблема, цели, задачи и эмпирическая база исследования

Почти 15-летний опыт эмпирического изучения муниципальной и региональной власти в России неизменно приводил меня к важному выводу — властные институты муниципального и регионального уровней и их функционирование в сильной степени зависят от персонального фактора. Наши предыдущие эмпирические исследования, проведенные совместно с Валерием Ледяевым, в том числе вскрывающие динамику властных отношений, позволяли констатировать: «Централизация управления имеет безусловные плюсы, но не менее важную роль может играть и персональный фактор, лидер, способный

разрешить проблему даже вопреки неблагоприятным обстоятельствам» [22, с 169; 17; 21].

Муниципальная власть в России, ее структура и ключевые акторы уже на протяжении как минимум двух десятилетий являются предметом анализа и академических дискуссий, в которых участвуют экономисты, социологи, политологи, географы. Предпринятый анализ опирается на результаты теоретических и эмпирических исследований по широкому кругу проблем социальных наук.

Впервые вопросы исследования власти в локальных сообществах были поставлены в работах западных исследователей более 30 лет назад. Наиболее известными исследователями в этой области являются Р. Даль, Ф. Хантер, К. Стоун [23; 25–28] и др.

В России исследования власти в муниципальных образованиях начались значительно позднее. В центре внимания российских исследователей находились теоретические подходы к изучению власти, представленные в работах таких известных исследователей, как А.В. Дахин, В.Г. Ледяев, Р.Ф. Туровский [5; 8; 12; 13] и др. Отдельно в работах российских исследователей рассматривались проблемы городских сообществ, в том числе малых городов. Достаточно вспомнить широко известные работы по изучению властных практик в малых российских городах таких исследователей, как Т.Б. Витковская и О.В. Рябова, А.Е. Чирикова и В.Г. Ледяев [1; 20] и др. Часть работ российских авторов посвящена формированию городских режимов в локальных сообществах и представлена работами В.Я. Гельмана и С.И. Рыженкова, Р.Ф. Туровского, Е.В. Тыкановой и А.М. Хохловой [2; 13–15] и др. Особое внимание исследователями уделено реформам местного самоуправления. Достаточно вспомнить широко известные работы санкт-петербургских и пермских исследователей В.С. Гельмана, С.И. Рыженкова, Е.В. Белокуровой и Н.В. Борисовой [3; 4], а также в работах Р.Ф. Туровского и О.С. Васеленко [14], О.А. Моляренко [11], М.Ф. Черныша, В. В. Маркина [10].

Однако уровень изученности темы остается явно недостаточным: исследования редко опираются на интервью с наиболее влиятельными акторами (которые резонно считаются наиболее важным каналом получения информации о властных практиках) и обычно не охватывают пространство малых городов.

При описании, анализе и объяснении властных практик мы используем традиционную концепцию власти как способности и возможности субъекта навязать волю объекту («власть над», которая подробно рассматривается в работах В.Г. Ледяева [7]). В качестве субъектов власти в нашем исследовании рассматриваются главы малых городов, в которых реализуется местная политика, или политика на уровне мест.

Несмотря на то что «вертикаль власти» окончательно выстроена и муниципальные структуры стали ее частью, вариативность конфигураций наиболее влиятельных акторов городских сообществ и характер их взаимоотношений сохраняется, а смена влиятельных лиц, как показало исследование, может существенно скорректировать не только стиль управления и характер внутриэлитных отношений, но и властную иерархию. Именно наличие/отсутствие сильных лидеров и их личные ресурсы «имеют значение». Наше исследование подтвердило идею Стоуна [26] о том, что личные факторы часто могут быть важнее институциональных особенностей местного самоуправления.

Наиболее заметно роль персонального фактора проявлялась в деятельности руководителей муниципалитетов. Исследование показало, что далеко не во всех локальных сообществах главы администраций были наиболее влиятельными акторами. Главная причина: они не обладали достаточными личностными и профессиональными качествами, чтобы удерживать власть в своих руках.

Относительная слабость руководителей городских администраций проявлялась и в том, что наиболее влиятельными фигурами в городском политическом пространстве оказывались иные акторы, не обладавшие сопоставимыми формальными ресурсами, но явно превосходившими своих потенциальных оппонентов в профессиональной подготовке и человеческих качествах. Именно наличие/отсутствие сильных лидеров, их персональный ресурс «делает разницу».

Это, казалось бы, очевидное утверждение, не раз проверенное на практике, было решено проанализировать подробно на примере двух кейсов: малого города Шуя и муниципального района Родники, расположенных в Ивановской области¹. В этих территориях их главы

¹ Выбор данных территорий для исследования обусловлен как целями исследовательского проекта, так и относительной доступностью субъектов политики и бизнеса, которую удалось достичь с помощью губернатора.

повторно возвращались к власти, спустя несколько лет. Важно, что в перерыве пребывания в должности один из них был главой другого, более крупного города, а глава Шуи работала в церковной епархии и была далека от управленческих проблем города.

Анализ кейсов давал возможность поставить вопрос, если лидер меняется, то будут ли меняться его управленческие стратегии, характер взаимодействия с элитами, отношения внутри команды и даже принципы ее формирования. Чем вызваны происходящие изменения и что при этом остается неизменным?

Таким образом, основная **цель** проведенного анализа — вскрыть изменения в управленческих стратегиях и в командообразовании глав при втором приходе во власть по сравнению с первым периодом.

Задачи исследования:

- описать основные направления изменений управленческих стратегий вернувшихся лидеров;
- оценить изменения критериев в подборе команды в первый и второй приходы во власть;
- вскрыть отличия первого и второго прихода во власть в оценках элитного корпуса.

В качестве метода исследования, как и ранее, мы использовали метод интервью как наиболее адекватный для поисковых исследований и хорошо зарекомендовавший себя в современных научных исследованиях как в России, так и за рубежом.

Получение информации через глубинные интервью — доминирующий тренд в изучении социальных процессов, а изучение кейсов — наиболее популярный метод исследования. Кейсы не могут рассматриваться как «репрезентативные», но они дают материал, позволяющий делать более широкие обобщения и анализировать тонкие связи, лежащие в основании тех или иных ключевых процессов, протекающих в органах власти.

Материалы интервью подвергались тщательному анализу с использованием принципа «рефлексивной дистанции». Это позволяло «очистить» информацию от непреднамеренных субъективных искажений. Тексты интервью разбивались на тематические блоки в зависимости от полученной от респондентов информации и целей иссле-

дования. Далее полученные оценки становились предметом концептуальной интерпретации и системного анализа, при котором особое внимание уделялось их противоречивости или непротиворечивости. В ходе интервью мы стремились уходить от социально одобряемых ответов респондентов за счет уточняющих вопросов. Полученная информация проверялась перекрестными вопросами, что позволяло снизить эффект социальных эспектаций.

Всего в городе Шуе проведено 17 интервью в 2011 г., 12 — в 2018 г. и 17 — в 2023 г. Кейс Родники включал в себя 16 интервью в 2018 г., проведенных в период пребывания бывшего главы Родников на должности главы в городе Кинешме, и 15 интервью в 2023 г., когда прежний глава вернулся на свое место в 2021 г. в Родниковский район. Таким образом, анализ строится на материалах 77 интервью, взятых как у самих глав, так и у представителей локальной элиты.

Малый российский город Шуя и его глава: возвращение во власть

Три исследовательских этапа, которые лежат в основе выбранного кейса, позволяют проследить, как менялась сама глава и оценки локальных элит ее деятельности на посту главы города.

Первый этап исследования, проведенный в 2011 г., показал, сколь неоднозначным была оценка ее деятельности со стороны, как региональной власти, так и локальных элит. Сама же она была убеждена: она готова сделать для своего города все, чтобы только он развивался.

Противоречивость восприятия личности главы города, или сити-менеджера, как она называлась в то время, местным политическим сообществом, согласно данным интервью, проявлялась в следующих бинарных оценках: целеустремленность, решительность, последовательность, с одной стороны, с другой — отсутствие гибкости, стремление решить проблему любой ценой; компетентность, большой опыт работы с финансами и бюджетом — недостаточный опыт руководства людьми; бескорыстие, ориентация на общественные цели — деление на «своих» и «чужих».

Те, кто склонен был за ее действиями видеть настойчивого и целеустремленного человека, заботящегося о городе и способного многое

сделать для людей, подчеркивали ее сильный характер, который достался ей от отца, бывшего губернатора и депутата Государственной думы: «Она сильная женщина... очень энергичная». Сама сити-менеджер была очень уверена в себе, мотивированной и имела высокую самооценку:

Мне всегда хотелось быть лучшей. Я всегда знала, что в школе лучше меня никто не ответит... Я закончила школу на все пятерки... Я закончила два вуза и тоже с отличием... Я не могу по-другому... Я не могу допустить того, что кто-то может сделать лучше меня.

Целеустремленность и рациональность она считает едва ли не главными достоинствами политика и управленца и требует этого от подчиненных:

Я хочу, чтобы по всем направлениям жизнедеятельности в городе, будь то социальные программы, или программы ЖКХ, чтобы в головах исполнителей и у меня в голове была четкая программа действий... Если этого не будет, хотя бы на пять лет вперед, то ничего изменить будет невозможно.

В подборе команды была весьма категорична, требовала быстрого реагирования. Уверенность в себе отразилась и на ее позиционировании в локальном политическом пространстве: она, бесспорно, была самой влиятельной в городе и могла позволить себе быть не (вполне) лояльной по отношению к областному руководству. При этом она была убеждена, что действует не ради себя, а в интересах города, подчеркивая, что материальное благополучие никогда не было в числе главных мотивов ее деятельности:

Я вышла из достаточно обеспеченной семьи... Основная база моего материального благополучия была создана еще моим отцом... Мне в этом смысле легче. Я знаю, что если завтра я не буду главой, то я не пропаду... Отец никогда не думал о личной выгоде. Я на него похожа. Все идет от корней.

В обладании сильной персональной властью она не видит каких-то проблем и потенциальных опасностей, воспринимая это как норму. На вопрос о том, можно ли считать модель власти в городе моноцентрической, она ответила утвердительно без каких-либо негативных коннотаций.

Оценка нашими респондентами в то время профессиональных качеств сити-менеджера, ее компетентности, знания ситуации, финансового и экономического положения города была весьма высока:

Перед тем как стать главой администрации она возглавляла отдел экономики... Там она действительно специалист... в финансах.

Некоторые наши респонденты (их меньшинство) не отказывают ей и во владении управленческими компетенциями:

Финансовые потоки — это не самое важное из того, что она умеет делать. Самое главное — она умеет распределять управленческие задачи... Она может потребовать их выполнение и проконтролировать этот процесс.

Наконец, далеко не все респонденты полагают, что она не способна осуществлять эффективную коммуникацию:

Основной ресурс главы администрации — это умение выстраивать дружеские отношения с теми, кто ей нужен... Еще компетенции в области финансов и, конечно, личностная харизма... Ну может она с уличкомами поговорить, которые все время кричат: «У нас нет колонок, нет дорог, у нас нет ничего» ... Она начинает с ними разговаривать, и они уходят от нее уже с ее точкой зрения... Она умеет убеждать.

Однако критических оценок личности и поведенческих установок сити-менеджера мы услышали, пожалуй, больше, чем позитивных. Авторитарный стиль управления («Я за авторитаризм. Иначе ничего не добьешься») и стремление самостоятельно полностью контролиро-

вать ситуацию вели, по мнению локальных элит к отсутствию гибкости в управленческих стратегиях и взаимоотношениях с людьми:

Все, кто пытается что-то делать без ее ведома, — враги. Как и те, чья точка зрения не совпадает с ее точкой зрения. Все она воспринимает как провокацию... Это не все. Она обещает преференции и не дает их. Или запрещает что-то, что можно не запрещать. Или не принимает нужных решений для бизнеса, чтобы не позволить ему двигаться вперед, — с горечью говорил тогда известный местный предприниматель.

Жесткость и прямолинейность неизбежно приводили ее к делению всех на «друзей и врагов», что превращалось в конечном итоге в «фаворитизм». «Ей мешает ее характер... деление людей на своих и чужих», — подчеркивает один из экспертов.

Наконец, многие респонденты в то время полагали, что проблемы сити-менеджера были связаны не только с ее характером, но и с отсутствием должного опыта управления людьми.

Однако некоторые респонденты полагали, что со временем она наберется опыта, а резкость в установках и действиях смягчится:

Раньше, если что не по ее, она шапку достает и начинает рубить. Сейчас это не так. В ее характере есть и позитив... Она реальна... Она стоит на земле... Если сегодня выборы, то она безоговорочно победит... Если область позволит ей это сделать, — убежден депутат горсовета, лидер местного отделения партии «Единая Россия».

Таким образом, противоречивость личности и деятельности сити-менеджера почти 15 лет назад прослеживалась достаточно четко. Обилие полярных оценок как личностных, так и деловых качеств, свидетельствовало о неоднозначности ее характера. Элементы харизмы и умение разговаривать с простыми людьми могли бы существенно увеличить срок ее пребывания у власти, но для малого российского города этого, по-видимому, было явно недостаточно. Более значимым, как выяснилось, стал негативный образ главы администрации города

в глазах руководства области и ее не вполне лояльное отношение к губернатору¹. В результате в 2015 г. она была снята с должности и последующие три года работала в церковной епархии управляющей.

Не все фигуры из региональной власти считали оправданным снятие главы в 2015 г., что, видимо, стало одной из причин ее возвращения во власть, как говорили некоторые респонденты в интервью 2018 г.:

Тяжело работать, когда губернатор или люди, которые его окружают, хотят тебя съесть. Система стремится к тому, чтобы купировать инициативу на местах... Правда, она и сама многое спровоцировала — где-то надо помолчать, а она этого не умела... Она не способна к хитрым и изощренным шагам. Она имела поддержку населения и считала, что она настолько контролирует город, что ей никто не страшен... Она перешла некую черту... И поплатилась за это, — убежден пресс-секретарь городской думы областной столицы, историк, эксперт по местной политике.

Вновь пришедший в Ивановскую область губернатор Станислав Воскресенский восстановил главу в должности. Переназначению предшествовало несколько событий, которые предопределили подобное решение со стороны губернатора.

Общественность города в лице двух его ключевых субъектов — депутаты гордумы и местные предприниматели — обратилась к губернатору с письмом, которое подписало 164 человека с настоятельной просьбой не продлять полномочия действующему главе, заменив его кандидатуру на местного человека. По их мнению, варяг не оправдал и не мог оправдать ожидания жителей и общественности города. Де-

¹ Последнее обстоятельство стало причиной ее отстранения от занимаемой должности и фактически завершения ее политической карьеры спустя несколько месяцев после исследования. Еще до ее отстранения свою позицию четко озвучил вице-губернатор: «Я не могу позволить себе такую роскошь — оставить на месте главы администрации человека, который совсем не уважает областную власть. Более того, я не могу это допустить как фактор серьезнейшего риска».

путат городской думы так комментирует причины, по которым возникло желание сменить главу:

Мы не за власть боролись. Мы хотели, чтобы нас услышали. Мы и раньше давали знаки, писали, о том, что мы не довольны. Мы переживали за судьбу города. Мы здесь живем, у нас здесь дети, семья, дом... Мы не в кулуарные игры играли, мы хотели лучшей участи для города. Все хотели снятия главы, а оно все не происходило. Люди уже теряли надежду и веру... Думали, вдруг ему еще срок продлят? Наконец и наверху поняли, что здесь не все так хорошо.

О трудностях, которые возникают при работе с варягом, говорит в своем интервью и действующий председатель городской думы:

Мне, как депутату, работать с местными главами намного легче, чем с пришлыми. Им доказывать ничего не надо. Если звонят и говорят: на улице Дубковской свалили дерево, то они уже знают, о чем идет речь, и оперативно реагируют. Человек местный, если он делает плохо, то ему сигналы от родных, знакомых, друзей все равно придут... А у неместного такой обратной связи просто нет. Зачем ему о жителях думать, и так пройдет.

В ответ на просьбы общественности губернатор принял беспрецедентное решение — вернуть на место главы прежнюю кандидатуру, снятую с должности несколько лет назад, хорошо известную в городе и, самое главное, местного происхождения. Комментируя столь нетривиальный шаг со стороны области, руководитель департамента внутренней политики, заместитель председателя областного правительства убежден в том, что в сделанном назначении риск не столь высок, как это кажется многим:

В данном случае ее назначение обусловлено тем, что она за город грудью ляжет. И она мотивирована на результат... А нам нужен результат. Мне нужен прорыв в городе. Мне не нужна просто нормальная ситуация...

Объясняя возможные психологические ограничения назначенной главы, он убежден: их можно использовать с пользой для города, тем более имея сильные рычаги влияния на главу:

В ее назначении есть минусы... У нее будут ошибки. Конфликт элит может вновь возникнуть. А что было делать? Все объединить против действующего главы... Все, кто представлял из себя наибольшую силу в городе... Она их расколот. Поделит на своих и чужих... Через два года будет конкурс. У нас есть спокойный лаг времени, чтобы посмотреть, что будет происходить. У нас есть способ на нее влиять. У нее появилась некая оцерковленность, а у нас появился инструмент влияния. Комбинация не такая простая. Если бы мы ее не назначили, мы бы совсем потеряли город...

Тем не менее, известный в городе журналист дает по этому поводу весьма язвительную реплику:

Ее назначение говорит о том, что скамейка запасных выжжена. Выбирать становится не из кого... Все карты крапленые и замуsolенные.

Бывший мэр областной столицы и вице-губернатор, курировавший город в то время, когда она была действующей главой, сегодня убежден:

Она достаточно эффективный руководитель... В городе при ее руководстве многое было сделано... Был у нее недострой. Я ей всячески помогал... Прикрывал ее всячески... когда ее хотели выживать... Единственный упрек в ее сторону — она одних приблизила, а других нет... Другие взвыли и понеслось... Какой-то междусобойчик у нее был, это медицинский факт... Она очень эмоциональная женщина... Уже тогда было видно, что помимо эмоциональности, у нее очень категоричный характер... Она переругалась со всеми силовиками. Но я видел, — она человек, который на самом деле хочет что-то делать. Я был против ее снятия. Я привык к ней...

Данное высказывание хорошо иллюстрирует тот факт, что решение губернатора о переназначении было совсем не простым выбором со многими неизвестными. Непростым этот шаг был и для самой главы. Возвратившись в город в 2018 г., она так прокомментировала изменения, предпринятые прежним главой за время ее отсутствия:

Он ликвидировал градостроительный совет... В историческом поселении градостроительный совет не нужен. А у меня были большие планы по восстановлению исторической части города. С общественностью он вообще не работал... Он оторвался от жизни. Едешь из Иванова в Шую в 4 часа, а он уже поехал домой в Иваново... Он людей не видел... И все мои проекты он просто разрушил.

Назначение старого главы на новый срок губернатором, вызвал неоднозначную реакцию со стороны городских элит, но все же большинство из них признало: «Это лучше, чем неместный».

Интервью, проведенные с локальными элитами, позволили убедиться в том, что, несмотря на опасения, «а вдруг корона вернется на место», большинство из них оценило предпринятый шаг как вполне оправданный и дающий надежду на восстановление ситуации в городе. Это признали как сами представители городских элит, так и внешние политические игроки:

Думаю, что губернатор, наверное, прав. Она ведь сильный ситуационный менеджер. Она властная, своеобразная... Она может жесткую линию держать. Тем не менее, она человек настроения, а этого не должно быть... Я надеюсь, что какой-то урок из происходящего, она извлекла. Дай бы бог... Я всегда говорю, не надо заноситься... Когда человек одевает на себя корону, она начинает ему давить на голову, и он теряет ориентиры, — считает депутат областной думы.

Не без сомнения, но все же признает целесообразность сделанного губернатором шага, предприниматель, бывший председатель городского совета:

То, что сейчас поставили снова прежнюю главу, это мне непонятно... Как такое в принципе могло произойти? Хотя она управленец сильнейший. То, что у нее корону поправили, это хорошо. Извлечет она из этого урок, тогда в городе будут изменения к лучшему...

Пытаясь объяснить причину ее снятия и возможные дальнейшие изменения, он замечает:

Ее беда — ее звездило. Изменилась ли она.? Дай бог. Просто не знаю... Здесь только время покажет... Если она поняла свои ошибки, если она не будет делить людей на своих и чужих, а будет действовать исключительно из профессионализма, то у нее все получится. Я уверен, она хочет сделать многое для города. Для руководителя это самая важная мотивация... Самореализоваться через город.

С надеждой на будущие позитивные изменения при определенных условиях говорит о возвратившейся главе ее бессменный оппонент, известный в городе предприниматель, ныне депутат областной думы:

Есть надежда на то, что глава впредь станет умнее... и не будет наступать на старые грабли. Теперь она знает — что такое быть главой. Люди, в которых она была уверена, работая с ними, ее предали. И в этот раз они могут это сделать... Несмотря на то, что они все прибежали к ней назад. Извинились и покаялись. Она понимает, — они могут снова ее предать. Она сейчас врию, и не просто так у нее эта приставка... Аж до выборов, а там посмотрим... Покажи себя... Это психологически трудно.

Делает еще более вероятным прогноз на будущие позитивные изменения личностные качества главы, которые не ограничиваются только отрицательными чертами:

Она характерная женщина, она боец... Ее возвращение показывает, что она может держать удар... И после удара, вновь воз-

вращаться в бой. Это не многие могут... Я знаю, людей, которые после поражения просто уходили и не возвращались. Она — другого плана человек. Для нее это цель жизни... И не исключено, что она действительно хочет сделать для города полезное, — продолжает свои размышления ее последовательный оппонент.

Полностью поддерживает возвращение главы предприниматель, депутат городской думы и активный общественник, работающий с уличными компаниями:

Сегодня пообщался с ней полчаса — она другая. Я думал, что, наверное, когда она вернется, то достанется тем, кто участвовал в ее снятии. Но с учетом церкви она меняется... В любом случае — лучшей главы, чем она, я бы не назвал... Решение губернатора оправдано. И она ему благодарна. Она пойдет с ним до конца. Особенно на фоне прежнего главы... После него осталась выжженная земля... Ее приход воспринимается, как глоток свежего воздуха... Ее корона перестала быть короной. Она стала человеком авторитетным, но не авторитарным.

Столь же позитивно возвращение главы воспринимает и заместитель директора городского телевидения, журналист:

Вернувшись, она будет делать все для города... В том числе доделает старые проекты, которые не успела реализовать... Она многое чего не сделала, хотя хотела сделать... Она не позволила реализовать проект Площади Ленина, и здесь я с ней полностью согласен. Прежний глава хотел устроить танцы на костях... Там же погост, там нельзя было детскую площадку делать. Она сказала: этого не будет... У нас здесь будет часовенка... Она понимает, что надо городу. И самое главное — она родная... Она никогда не будет против горожан... Да, характер у нее тяжелый... Но за два с половиной года мы поняли, что ее характер мы переживем... Только бы не началось: «Вы такая замечательная».

Особенно его радует тот факт, что позитивные перемены в городе уже начались:

Она только вступила в должность, как меня впервые за три года разбудили утром уборочные машины. Мама ругается, а я говорю: радуйся — город ожил.

Важно, что респонденты признают, следует не только ждать от вновь назначенной главы позитивных перемен для города, но и помогать ей их делать:

Сейчас надо помочь нашей главе выбраться из того, что оставил прежний глава. Закредитованность города... Недостроенный детский садик... И много всего остального. Ей надо просто помочь. Я не говорю, что надо за все заплатить. Но помочь надо. Для нее это важно, для города это важно... для жителей важно... Ее поставили и все будут внимательно смотреть, что она делает и как. Все хотят знать, насколько оправдано решение губернатора.

Тем не менее, некоторые из респондентов напоминают, что при возврате к старому опасность остается:

Конечно, не все ожидали этого назначения. И не все ему рады. Многие люди пострадали в те годы, когда она была главой, когда были свои да наши... Это не нравилось, и все пошло в сторону ее снятия... Эта опасность остается....

Известный в городе бессменный депутат городской думы уверен: пока прогнозы делать рано, надо дождаться того момента, когда у главы исчезнет приставка и.о.

Ее можно будет увидеть истинную после реального назначения. Пока она и.о. никаких революций и никаких серьезных движений не будет... Сейчас она исполняет обязанности. Но все понимают, выборы в думе — это фикция... Власть областная должна дозволить дойти до выборов и избраться... У нас игроков почти не осталось. Все вытоптано. Если она удержится, — значит удержится. Будем надеяться.

Сама глава, приступив к работе с приставкой и.о., похоже, верила в то, что произошедшие в ней перемены помогут в будущем сделать

для города еще больше. Первые шаги, предпринятые ею спустя два месяца нахождения на прежней должности, свидетельствуют о том, что делать придется очень много:

За два месяца трудно все сделать. Но процессы запущены. Движение пошло. И работники мои уже поняли, что от них хотят. Мне не нужна формальная работа. Мне не нужен формальный подход ни в чем, в том числе в проведении городских мероприятий. Я не хочу так, как раньше было... Слова меняем в названии, а все остальное идет по одному и тому же сценарию. Мне нужна изюминка в каждом деле. Чтобы устроители обязательно советовались со специалистами. Чтобы каждое городское мероприятие запомнилось.

Размышляя о будущем города, она обращается к теме команды, без усилий которой необходимые изменения не произойдут:

На сегодняшний день у меня есть определенное видение того, что мне необходимо сделать в ближайшие 2 года. Я понимаю, какие люди мне нужны. Первое, что мне нужно сделать — это навести порядок. Вы же видите в каком состоянии город. Мне сейчас в команде нужны люди, которые будут работать и днем, и ночью. Причем абсолютно бескорыстно. Выполняя любую работу... Люди должны быть инициативные и грамотные. Мне надо сначала вернуться на старую ступеньку, а потом сдвинуться надо с мертвой точки... И двигаться вред. Для этого надо работать и днем, и ночью. Иначе мы долго-долго не вернемся к старой отметке. Поэтому команда мне очень нужна.

Но это совсем непростая работа:

Когда я пришла два месяца назад, команде не хватало темпа. Я просто натыкалась на стену непонимания. Сейчас этот маховик раскрутился. Они под меня подстроились. И с заместителями даже было сложно. Хотя казалось бы, что это все люди мои. Сейчас уже понимания больше. И они ускорились значительно. Эта команда

была частично восстановлена. В нее вернулись три человека. Но сейчас задачи изменились по сравнению с более ранним периодом. Сейчас город находится в плохом состоянии. По всем направлениям. И надо работать очень быстро.

Итак, большинство представителей локальных элит в 2018 г. доверяли ей город и надеялись, что ей удастся изменить ситуацию к лучшему, хотя бы потому, что она умеет действовать и «грудью ляжет за город».

Проведение третьего этапа и полученные в ходе него оценки позволили убедиться в том, что ожидание локальными элитами позитивных перемен не было напрасным. В 2023 г. город буквально преобразился, как и многие процессы, происходящие в нем, несмотря на то, что прошедшее пятилетие принесло много проблем для местной власти и бизнеса в период Ковида и санкционного режима в связи с СВО.

Сама глава говорит о том, что за прошедшие годы ей удалось сделать много, но она хочет большего. Комментируя вопрос о том, изменилась ли она за эти годы внутренне, уверенно отвечает:

Я и раньше не позволяла себе делать что-то хуже других. И сейчас я понимаю, я должна выложиться полностью, но сделать все для города. Это во мне не изменилось. Но отношение к жизни и к людям у меня изменилось... Я стала мягче относиться к людям и к их недостаткам. Мне большой опыт дал владыка Никон и владыка Матфей. Работа в епархии много дала. Я стала лучше понимать людей.

На вопрос о том, удалось ли реализовать планы 2018 г., она дает развернутый и аргументированный ответ:

Идеи, которые у меня были пять лет назад, они были реализованы. Одна из основных проблем — это банкротство наших муниципальных предприятий... Никто не верил, но мы вывели предприятия из банкротства, и сегодня это муниципальные предприятия самые успешные в области... Мы не имеем долгов, и нас

всегда ставят в пример по платежной дисциплине, по сетям, в которых мы принимаем участие.

Также успешно были решены проблемы по благоустройству города:

Мы сумели команду поменять, которая занималась в городе благоустройством. Сейчас у нас нет такого, что трава по колено. Я к благоустройству очень трепетно отношусь. Мы ежегодно разрабатываем концепцию озеленения клумб. Если люди из года в год видят одни и те же клумбы, то они перестают замечать красоту. Поэтому, проводя конкурс среди подрядных организаций, мы выставляем требования по разработке новой концепции. В области наши клумбы признаны лучшими. По итогам прошлого года и в этом году.

Обладая высокими компетенциями как финансист, ей удалось привлечь в город дополнительные средства за счет федеральных денег. Это возможно только при хорошем знании правил игры. На сегодня городской бюджет составляет 1 млн 288 тыс. руб., а своих денег в городе 300 млн руб.

Столь же успешно она работает с инвесторами и местным бизнесом, который в последние годы активно развивается:

У нас сейчас есть несколько крупных проектов. У нас есть предприятие «Аквариус»... У них было сначала около 200 человек, сейчас уже 750 человек. Они готовы еще столько же взять... Но где? К нам идет завод «СИЯМ». Это завод по производству тротуарной плитки. Они еще 2 года назад приобрели земельный участок на правах аренды. Разрабатывали проект, не торопились, потому что были проблемы с доставкой оборудования... За эти два года они изучили логистику, по которой можно это оборудование привести. В этом году они уже поработали присоединение воды, газа и др. Весной они начинают строительство завода. К нам идет Нижегородская компания. Там 1000 рабочих мест. Есть совместный проект с УФСИНом. Для граждан, которые находятся в местах лишения свободы, но которым показано ослабление режима. И у них

есть возможность работать. В одном месте будет строиться общежитие, где они будут жить. И все это будет за бором. Под присмотром. «Эгертпродукт» готов следующую очередь построить.

Факт того, что все это происходит за счет усилий главы и ее команды, подтверждает глава аппарата города:

Всем дают понять, что муниципалитет и город заинтересован в инвесторах. Администрация обеспечивает минимизацию бюрократических препонов. И волокиту уменьшает... Плюс личное участие главы и заместителей по направлениям... Фактически сопровождение инвесторов: чем помочь?..

Аргументируя свою работу по привлечению бизнеса в город и создание условий для его развития, в первую очередь она обращает внимание на то, что бизнес фактически берет на себя часть функций власти, а потому следует всячески способствовать его развитию в городе:

Мы приходим во власть работать с одной-единственной целью — улучшить качество жизни населения. Качество жизни тогда улучшается, когда у людей растет доход. Мы заинтересованы в том, чтобы у нас появлялись рабочие места с высокой зарплатой. Чтобы к нам шел достаточно серьезный бизнес, который поднимал уровень жизни людей. Вот на том же Аквариусе много социальных льгот. В «Эгерте» они покупают своим сотрудникам абонементы в спортивные залы. У них есть медицинская страховка, отличная от обшей страховки. Мы заинтересованы в том, чтобы приходили такие компании, которые нашим людям будут создавать условия для жизни благоприятные. Фактически они выполняют часть функций власти... Им надо дать все возможности для работы, которые зависят от власти.

Большую работу за прошедшие пять лет она провела со своей командой, которую ей пришлось формировать в соответствии с из-

менившейся ситуацией. И постоянно требовать от нее движения вперед. Вот как она сама оценивает то, что делает сегодня:

Важно, чтобы постоянно в команде была движуха. Я все время спрашиваю со всех членов команды что-то новое... Предложения, которые они мне должны принести, чтобы появился эффект. Чтобы они на месте не стояли. И сама все время пытаюсь что-то искать. Чтобы они видели, что я постоянно иду вперед. Я должна быть сильнее, чем они... Чтобы у меня был авторитет... Мне важно его не потерять за эти годы.

Члены команды признают ее лидерство, хотя и отмечают, что работать с ней не так легко:

Какими бы крутыми замами мы ни были, перед губернатором за город отвечает глава. Она достойна уважения. Это уважение объективно. Бывает, что приходится что-то доказывать, в чем-то переубеждать... Но она умная женщина... которая слышит. Она не принимает скоропалительных решений. Я ее не хвалю, у меня было много разных руководителей. Я работал с самодурами, идиотами, с алкоголиками, творческими людьми... Она очень жесткий руководитель. Я объективен. И мы не в болоте, потому что у нее всегда есть энергия, желание, динамика... У нее есть свои минусы. Очень тяжело иногда... Она жесткий руководитель. И это нормально. Некоторые говорят, она все хочет очень быстро. Но ты понимаешь, что у нее есть задачи, которые не выполнить невозможно. Она живет своей работой. Она живет этим городом. Мы три года подряд лучший муниципалитет в области. У нас люди собрались и достаточно амбициозные, люди достаточно энергичные... Люди хотят эффективно и активно работать. Но она всегда впереди, — убежден глава аппарата.

О ее умении слышать и слушать говорит и депутат городской думы:

Я с ней работал. Взаимодействовал. Такого нет, чтобы она тебя не слушала. С ней всегда есть диалог. Монолога нет. Мы

можем разговаривать и передать свое видение... В любом случае мы разговариваем. Всегда разговариваем. Говорим о том, что мы видим в этой ситуации. Даем свои советы. Она к ним прислушивается. Я ее помню и в первый период, но тогда не было такой плотной работы, как сейчас.

Более подробную характеристику работы с главой дает председатель городской думы:

В двух словах всего не опишешь... Действительно грудью ляжет за город. Ни дать, ни взять. Отстаивает свою позицию. Дай бог каждому... В те проекты, в которые она заходит и делает их, я бы не справился. Умеет консолидировать, умеет организовывать. Умеет заставлять работать. Это немаловажно. Этот человек на своем месте. Жалуются на авторитаризм? На меня она не давит. А как еще здесь работать, без лидерства. Быть мямлей? Если в ней и есть авторитаризм, то он оправдан. Есть ли у нее любимчики? Не знаю. Я не любимчик. Я прихожу и аргументирую свою позицию, доказываю, и она слышит... Пример: 750 тысяч на наказы избирателей. Было 500 тыс. руб., я загодя пришел и стал убеждать, что этого мало. Не думайте, что это быстро решилось, но решилось.

Представители бизнеса также с большим уважением отзываются о ее коммуникативных способностях, умении быстро принимать нужные решения:

Сотрудничество с главой мне очень нравится. Она грамотная. Она тут же направит к кому надо. Она все делает быстро и оперативно. Если она сказала кому-то, то тут надо делать без проволочек. Я никому другому не хожу. Визит к ней обязательно выстрелит...

Я была и при другом главе директором. Мы к нему не ходили и ничего не спрашивали... Он ничего и не делал. Здесь работа кипит. Мои учредители говорят, давайте все быстрее делать. Будут выборы, может произойти смена руководства во власти. А нынешняя глава, она хотя бы нам поможет. Она отзывчивая.

Директор предприятия «Аквариус», которое за последние годы интенсивно развивается, так описывает свои отношения с главой:

В городе глава самая влиятельная. Она местными процессами рулит. Довольно успешно. Губернатор? Он не лезет везде. К нам приезжали люди достаточно высокого уровня, интересовались, он сказал: разбирайтесь сами. Сейчас нет такого подхода, чтобы все было под контролем губернатора. Давления на меня я не чувствую. Она мне помогает. Мы ничего не хотим взять от города, мы, напротив, хотим ему дать. У нас цель помочь городу.

Учитывая высокий лидерский потенциал главы, можно предположить, что далеко не все губернаторы будут согласны воспринимать такого руководителя. Именно поэтому в ходе исследования интересным для меня был вопрос, изменилось ли к ней отношение губернатора за время ее работы в последние пять лет. Ответ был получен однозначный: «Да, изменилось». И вот как сама она описывает эти изменения:

Наши отношения не стали хуже, это точно. Сначала это были отношения руководителя и подчиненного. С годами нечто изменилось. Теперь если губернатора спросить, кто член Вашей команды, он назовет меня. Появилось ощущение единой работы. Проблемы, которые возникают, серьезные проблемы, мы решаем совместными усилиями.

Сама глава, комментируя изменения, произошедшие с ней за эти годы, замечает:

Суть моя не изменилась... Изменились внешние проявления. Когда ты работаешь во власти, сама видела: никто не хочет принимать решения. Поэтому именно глава должен брать на себя ответственность, и он не должен бояться этой ответственности. Если мы что-то делаем, то неизбежно через что-то переступаем. Законодательство устроено так, что его можно трактовать, как угодно, в зависимости от юриста. И ты должен

определить основную линию — как должно, если разрешить идти на самотек, то можно прийти куда угодно. Но команде надо четко определить — так поступать или так. Они могут принимать сами решения, пока не залетят куда-нибудь. Авторитарна ли я? Скорее да. Но в последнее время я научилась слушать людей, уважать их и двигаться вперед с учетом их позиций. Мне стало легче работать.

Приведенное высказывание подтверждает лидерский потенциал главы, который сохранился и продолжает оставаться ее явным преимуществом.

Казалось бы, у этого кейса вполне счастливый конец, и вывод, который напрашивается — личные перемены могут изменить восприятие лидера в глазах локального сообщества. Однако вывод этот хоть и правилен, но явно недостаточен. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что между первым и третьим этапом исследований прошло 12 лет. За эти годы изменились критерии оценки лидера у самого элитного корпуса. Если раньше исполнительство считалось психологическим достоинством главы, то после всех пережитых кризисов локальным элитам лучшим руководителем представляется только лидер, который способен выходить за границы формальных предписаний. Время сыграло на пользу главе. Есть еще один важный аспект, который нельзя не учитывать. Позиция губернатора. Если на первом этапе исследования глава у прежнего губернатора и его команды, не была в почете, то при новом губернаторе она вошла в состав команды, и похоже, что это сделало ее управленческие стратегии более эффективными и креативными. Ее утверждение «мы с губернатором на одной волне» позволило ей ощутить совместное движение вперед, что придало ей уверенности и понимание того, что она движется в нужном направлении. Этого не могут не чувствовать и локальные элиты, которые убеждены: «Она делает все для развития города, и он в последние годы усиленно развивается». Можно ли войти в одну реку дважды? Ответ предсказуем, если трактовать его философски: нельзя, потому что русло реки меняется, как и тот, кто решил в нее шагнуть снова. Но если отойти от философского толкования, ответ будет иной. Можно. Второй срок пребывания у власти дает даже

больше шансов на успех, чем первый, но при условии, что глава мотивирован на изменения и реально их осуществляет.

**Глава Родниковского района:
профессиональная эмиграция и возвращение во власть**

Кейс, выполненный на примере Родниковского района, отличается от шуйского кейса. Прежде всего тем, что до того, как вернуться в свой район в 2022 г., действующий глава проработал четыре года в Кинешме высшим руководителем муниципальной власти. Его назначение на руководящую должность в этот город произошло почти насильно. Он не мог отказать губернатору. И ему пришлось покинуть место главы Родниковского района. Проработав 8 лет главой Родниковского района с 2008 по 2026 г., он был вполне успешен, и его команда была сформирована. У него был один недостаток, который мешал ему утвердиться в глазах родниковцев, — злоупотребление алкоголем, тем не менее, представители элитного корпуса оценивали его деятельность как вполне удовлетворительную. С переходом в Кинешму ситуация поменялась кардинальным образом. Уровень недовольства элит его управлением городом был настолько высок, что в 2020 г. губернатор снял его с должности, и в 2022 г. он вновь был назначен и.о. главы муниципального района, а через полгода выбран депутатским корпусом на эту должность.

История нахождения главы во главе власти в Кинешме поражает масштабом недовольства, которые местные элиты не скрывали. Интервью, проведенные в 2018 г. в Кинешме с представителями локальных элит, поражали однозначностью выводов относительно персоны главы.

Их недовольство в первую очередь было связано с тем, что глава неместный, а потому не может знать сполна городских проблем, как и не чувствует масштаба города:

Чтобы мне ни говорили, прежний город, где он был главой, это совсем не наш город. Здесь инфраструктура другая... Здесь люди себе цену знают. Поэтому непросто. У него нет той поддержки, которая нужна. Он город не чувствует, у него нет энтузиазма и планомерности... Нет контактов с людьми. Все решают люди... Они бы помогли ему себя почувствовать здесь не чужим. Сегодня

надо о думать о новом главе... Как в любом деле. На 90 % все зависит от того, кто рулит, — не сомневается авторитетный в городе директор и собственник завода.

Одна из причин — отсутствие у главы харизмы и внутреннего процесса, направленного на людей:

У него ничего за душой нет. Бизнес он не может организовать. Нет у него харизмы, внутреннего процесса. В человеке должно быть что-то. Он поздравляет людей с листком, брось этот листок... скажи от себя три слова. эмоционально от души, чтобы люди поняли, что они тебе нужны... У нас нельзя быть не политиком. На его плечах лежит такая ответственность. И главе должны верить. Его должны любить... Если этого нет, то все развалится... Пустота заполнится другим... Заполнится слухами, его обвинят во всех грехах, его уже обвиняют в них. Он сам в этом виноват, — продолжает свои размышления церковный служитель.

Но проблема, по мнению элит, не только в том, что глава не знал и не понимал город и его людей. Похоже, что он и не хотел их понимать:

Это первый глава, который пришел и сказал: «Все, что было до меня, это не мое. И те взаимоотношения, которые выстраивали предыдущие главы, я с этими людьми работать не буду». Особенно в малом городе преемственность должна быть. Если через два года каждый будет приходиться и всех менять, то это никуда не годится, — замечает с своем интервью лидер местного отделения «Опора России».

Второе, не менее серьезное ограничение главы — он не слышит чужого мнения. Именно так считает лидер малого предпринимательства в городе:

Я в процессе общения с ним понял, что он не терпит чужого мнения. Если человек пришел из маленького города в город более крупный, имеющий значимость, здесь надо подстраиваться

под местные стереотипы и местных людей. В процессе работы мы нашли точки соприкосновения. Он кардинально изменил свою позицию, после того как я стал возглавлять «Опору России». Он боится общественного порицания.

Еще одна важная проблема главы заключалась в том, что он все замкнул на себе, испытывая выраженную любовь к властвованию, как считает один из городских предпринимателей:

Проблема в том, что глава все замкнул на себе. Даже разрешение на строительство маленького жилого дома... к нему идут и начинают объяснять... Это абсурдная ситуация... Это скорее любовь к демонстрации своей власти. Это его личные амбиции. В чем — то нереализованные. Он проявляет власть, когда он никому ничего не должен. И у него за плечами ничего не горит. Это модель «У себя я король»... Это советская школа... управления. Когда у себя они авторитеты, а у вышестоящей власти — они мелкие сошки, и они с этим внутренне согласны.

Не совсем получались у главы и взаимоотношения со своими депутатами. Причина очевидна: отказ давать депутатам бюджетные деньги на исполнение наказов избирателей:

Он не выстроил отношения достаточно серьезные с той же думой. После того как он пришел, наказания избирателей депутатам не исполнялись совсем. Это крайне негативно воспринимается депутатами. Им не с чем идти к избирателям. Он должен дать депутатам деньги, а он их не дает, — считает депутат областной думы, бывшая председатель городской думы.

Столь же неудачными были его отношения с общественностью, считает лидер коммунистов:

Причина — слишком выраженная авторитарность, привычка ломать людей через колено. Это очень слабая кандидатура... Его общественность не воспринимает... Он, к сожалению, пытается людей ломать через колено... Чтобы влиять. Он стремится до-

биться любой ценой своих целей. А правильные они или нет, это его не интересует... Он предельно властный. Все делает в приказном порядке... Но, за чтобы он ни взялся, у него, к сожалению, все рушится...

Утверждал, что глава не выстраивает адекватную публичную политику, и оппозиционный журналист:

У главы еще одна катастрофа — публичная. Он взял к себе в пресс-службу неадекватных сотрудников. На радио приблизил к себе не того человека. У него кошмар со СМИ. Глава какие-то свои СМИ создает... И пытается гнобить оппозицию... Его и так нормально не воспринимают, о он ее еще глушит, вместо того чтобы дружить с ними.

Представительница городской интеллигенции, бывшая директор художественного музея уверена: главе не хватило масштабности и любви к городу, и это вряд ли можно изменить:

Глава — человек потерянный. Когда я его впервые услышала, подумала: хозяин, однако... Вот именно хозяин. Не мыслитель... Здесь залатать, там нельзя залатать... А делать глобальное надо. Он в областной центр ездит, там живет. Но так нельзя, горожане не тот народ. Мы исконно костромские, и плюс река. Волга... Она формирует личность и сознание.

По мнению депутата областной думы, лидера коммунистов, причина не только и не столько в личности главы, сколько в отсутствии стратегического мышления и команды, которая могла бы скорректировать его управленческий курс в городе:

Он умел в более послушном муниципальном образовании закручивать гайки... Он умел выстраивать ситуацию так, чтобы она сверху казалась благопристойной. Тихой и спокойной. В этом городе другая ситуация... Представьте, опытный водитель грузовика поставлен капитаном парохода... Совсем другие условия... Другая среда... Другие вызовы для него... Он подтаскивает людей, которые

не пользуются авторитетом... У него есть определенные обязательства перед друзьями. У него мышление ограничено короткой стратегией. Ему не интересен результат, который будет получен не им.

Соглашается с позицией коммуниста бывший заместитель главы администрации города, отправленная в отставку:

Я скажу, опережая события: он ничего не сделал. В город внесена сумятица. Внесена неуверенность в завтрашнем дне... Глава — один. Он никому не доверяет... Он боится подставы.

Наиболее раздраженная часть элиты причины неуспеха главы видели в его нежелании работать в городе на фоне личной нерешительности, что не давало ему достигать нужных результатов.

Это не его город. Он работал в маленьком городке, почти деревне... Может, у него просто не получается, хотя он и хочет что-то сделать... Плюс играет роль его крайняя нерешительность... И любимая фраза — «надо посмотреть»... Вместо того чтобы сделать. Это все копится, недовольство растет. У человека реально нет желания, что-либо делать, — убежден оппозиционный журналист.

Сам глава города, словно отвечая на все претензии элит, в том числе на нежелание жить и работать в городе, поясняет свою позицию:

Первое время я действительно не собирался работать в городе... Я знал, что это за чудо такое... Я прежнему губернатору раз пять отказывал. Мне неудобно. Я не понимал, что дальше произойдет. И согласился. Поработаю, посмотрим, а там будем определяться... Ведь не до смерти, наверное... Я не рассматривал эту территорию как место работы и жизни на постоянной основе.

Но со временем ситуация изменилась, а разговоры о нежелании работать в городе все продолжались, хотя глава резко поменял свои предпочтения:

Создается впечатление, что мне город безразличен. Но это не так. Я как-то втянулся профессионально в работу. Мне стало интересно. Здесь появились у меня местные товарищи. Ко мне на работу пришли товарищи, с кем я работал на прежней территории. Я себе поставил определенные задачи... Я стал заниматься городом. У меня ситуация внутренне изменилась. Меня в прежнее место не тянет. Если бы меня кто-то спросил, хочу ли я здесь работать, то я бы сказал, — хочу. Что с моим будущим? У меня рейтинг невысокий. Были интервью... о недострое, граждане очень переживают, и второе, — я мало общаюсь с населением... И с элитами. Так что не знаю.

Несмотря на все негативные оценки, понимающие защитники главы среди элит все же есть. Они убеждены: главе досталось тяжелое наследство, и, если у него не все получалось, в этом виноват не только он один:

Работать в городе сегодня трудно. У нас нет денежных средств. Мы работаем как пожарная команда. Надо сад построить. Надо мост запустить. Надо лицей доделать аварийный. У нас еще достаточно громкая желтая пресса. Их руководитель — человек продажный. Он талантливый. Но он будет работать на того, кто ему больше заплатит, — убежден секретарь местного отделения партии «Единая Россия».

Размышляет о главе как о человеке, которого поставили не на то место, и глава администрации района, прилегающего к городу:

Многие говорят: у главы не получается. Я помню его своим коллегой по соседнему району... У него все получалось... Это не его вина, что он здесь оказался... Это вина других людей... Системное решение приняли ручным образом. И вот результат. Так кто виноват?

Таким образом, за годы пребывания у власти в Кинешме накопленные проблемы города не только не исчезли, но и углубились и расширились.

Пришедший во власть глава не смог выправить ситуацию... Ему не хватило не только мотивации, гибкости и характера, но и ресурсов, которые нигде нельзя было почерпнуть. При кризисе власти исправить ситуацию мог бы только ярко выраженный лидер, которому доверяет население и элиты. Однако такого человека не нашлось. В 2020 г. по просьбе Общественного совета глава был снят с должности губернатором, который курировал его работу в Кинешме и надеялся, что из него вырастет хороший глава для этого красивого города. Но не получилось. Общественность не хотела мириться с его нахождением у власти и настояла: глава должен уйти в отставку. У губернатора не было выбора.

После этого в течение двух последующих лет бывший глава занимался бизнесом, но, несмотря на большие деньги, признал: это не мое. Вот как его работу в бизнесе комментирует одна из наших респонденток:

Да, он был в бизнесе. Там у него зарплата была в два раза больше. Но это не его. А служба — это его. Проблем море: ты то тамада, то стройка, то отопление, то прорыв... Ему нравится заниматься развитием территории. Есть программа — комфортная среда... Надо что-то придумать... Срочно документы... Давай, давай, быстрее, быстрее... Нельзя пропустить. Вперед, вперед... Это мое, говорит он сам. Мы видим, что это действительно его. Пьет ли он? Сейчас у нас сухой закон. И то, что он рулит эффективно, это точно.

Приступив к работе в 2020 г., он сформировал новую команду, с которой в первый срок не работал. Причина — старые кадры ушли, а новые надо было растить под новые задачи, и он с этим справился:

У меня до моего ухода в 2016 г. была очень сильная команда. Сейчас они ушли на пенсию. Сейчас я создал неплохую команду. Есть люди, которых я сам брал на работу. Некоторые из них являются заместителями или руководят отделами. Меня здесь не было 6 лет. Не такой критический срок, чтобы сменилось поколение. За 6 лет они выросли... Сейчас они в хорошем возрасте

35–40 лет... Их можно нагружать... Они хорошо двигаются. Они нормально работают. У них с головой все в порядке.

Оценки работы вновь созданной команды среди элитного корпуса весьма противоречивы. Одни признают: команда создана, и она вполне рабочая. Другие, в том числе предприниматели, убеждены: сформированная команда не интересна, хотя бы потому, что состоит из исполнителей советского образца, несмотря на возраст.

Мне в администрации, единственно кто нравится, это заместитель по экономике. С ней приятно общаться. Все, с кем я общался раньше, и с главами, и с замами, либо голубые воришки, либо туповаты. Так что я с администрацией не общаюсь... Это пустая трата времени... Главу я давно знаю, когда он был здесь в первый срок... Но мой бизнес и деньги, которые я зарабатываю, позволяют мне общаться с тем, с кем я захочу, и не общаться с теми, с кем я не хочу. Мне с замом по экономике приятно общаться, потому что она грамотная женщина. Такие люди как она, как раз делают экономику и политику такой, которая для людей понятна... Она иногда принижает себя, хотя она очень выделяется на фоне всей администрации. Я общался со всеми из команды, это все равно, что общаться с холодильниками. Смысл какой? — заявляет известный предприниматель, чей бизнес известен не только в Ивановской области, но и по всей России.

Заместитель по экономике вслед за известным предпринимателем также весьма скептически оценивает команду, несмотря на то, что сама является ее членом:

С приходом главы команда изменилась. Он ее коренным образом поменял. У нас сильный финансист. За ней как за каменной стеной, спокойно. По остальным... Главе нравится с ними работать — пусть работает... В целом команды у нас нет. В администрации каждый пинает от себя решение вопросов. Я так не могу. У меня есть блок, и я за него отвечаю. Если вопрос находится в моей компетенции, я его никогда не отдам. В моем понимании команды нет.

Он может и хочет ее сделать, но нет компетентных людей. В плане строительства, в плане ЖКХ. Не хватает инженерных людей, которые могли бы хорошо делать сметы... Стройка — это вообще вопрос сложный.

Сравнивая главу и методы его работы в первом и во втором приходе во власть, локальные элиты признают: он сильно изменился как в личностном, так и профессиональном плане.

Директор школы в Родниках дает достаточно подробную характеристику произошедших в нем изменений:

При его прежнем образе жизни просто нельзя было быть лидером. Социум вокруг маленький. Сейчас я его просто не узнаю. Когда он вернулся, у меня был определенный скепсис. Он был у многих. Сейчас я увидела другого человека. С приятным удивлением. Увидела с других сторон. Он начал говорить: я это применял в Кинешме, это эффективно, давайте делать так. Он иногда предлагает вещи абсурдные, он их делает, и они начинают работать. Не ведет, а иногда тащит нас за собой. И у него получается. У него сейчас иная манера руководства. И другая манера общения. Если он раньше многого не знал, то теперь у него кругозор расширился. Мы видим, что он говорит по делу. Приводит яркие примеры. Ему сейчас все очень нравится. Самому нравится, что получается. Это видно со стороны. Я-то человек уже немолодой.

Прежде всего, эти изменения коснулись его навыков общения с людьми. Теперь он перестал бегать от общественных конфликтов, но научился их разрешать:

У нас были общественные слушания. Народ очень разнообразный. Мы поехали с главой, я еще взял своего главного инженера... Мы переделали систему водоснабжения... Сделали презентацию. Народ собрали. Это их коллективная собственность. Они должны были дать добро. Мы уже деньги заплатили за оборудование... Нормальные люди не ходят на такие встречи. Горлопаны. Труба рвется, никто ничего не делает. Я встал, сказал несколько слов о том, что пред-

принимается на уровне правительства. Такое ощущение, что никому это было не надо. Только крик. Глава говорит: иди покури... Видимо, КИРФ их подогрело. Но глава ситуацию разрулил. Спасибо ему, — вспоминает один из представителей элитного корпуса.

То, что во второй срок на работу к ним приехал другой человек, говорит в своем интервью одна из депутатов:

С возвратом главы мы стали видеть власть. Как он вкладывает усилия. С нами больше стали общаться сотрудники из исполнительной власти... Стала большая открытость, пожалуй, да. С нашим мнением стали считаться. Сам глава изменился, по сравнению с первым сроком Он вырос. Другой человек приехал. После Кинешмы он усвоил жизненные уроки.

Об изменившейся работе главы после второго прихода во власть говорит и главный редактор местной газеты, которая напрямую связывает нынешнюю активность главы с усложнившимися задачами управления городом и пережитым опытом управления:

Динамика у главы есть. В первый период у него все шло по накатанной. Все работают, команда работает, все как часы... Человек успокаивается.... Сейчас у него появились новые силы... Он сравнивает период работы в Кинешме и в Родниках. Ему здесь хочется что-то сделать. Он динамику Кинешмы хочет перенести в Родники, это непросто. Почему так? Время изменилось. Сегодня нельзя жить без усилий. Иначе покатишься вниз... А ему этого совсем не хочется.

Высоко оценивает работу главы и директор индустриального парка. Именно он говорит о том, что эффективность работы главы особенно ярко была видна, на фоне двух неудавшихся глав, которые были на его месте во время кинешемского периода:

Он на своем месте. Два предыдущих руководителя, слава богу, что не мешали... Они были слабы и непоследовательны. Мы с ними

намучились. Сейчас я вполне могу рассчитывать на поддержку главы. Он на самом деле мужик умный. Он многие проблемы предсказал и предлагал сделать дополнительные шаги, несмотря на то что это лишние деньги, затраты. Забота о народе — это его работа.

Его точку зрения поддерживает и председатель районного совета, говоря о том, что работа нынешнего главы на фоне предшественников выглядит вполне достойно:

Когда уходил действующий сегодня глава, это было в 2016 г., мы все плакали. Настолько мы сработались, мы понимали друг друга с полуслова. И вдруг он уходит. После него приходит человек, который вообще никогда не имел отношения к исполнительной власти. Работать с таким человеком было очень сложно. Он ничего не понимал. У него даже не было представления, что это такое — исполнительная и представительная власть. Он не понимал, что если мы не примем бюджет, то это будет ужас... Он в плане власти был совсем не грамотный. Ему было сложно вести планерки, он кричал... Он не отличал Совет депутатов от Общественного совета. Сегодня таких претензий к нынешнему главе у нас нет.

Важно то, что представители элитного корпуса особо подчеркивают: работа во втором сроке не стала легче, но все же глава с ней справляется:

Он возвратился в тот период, когда проблем стало больше, чем раньше... У нас с водой проблемы. Построили новое турецкое предприятие. Там не готова была канализация... И ему приходилось принимать верные решения. У него склад мышления производственный. Ему проще принимать инженерные решения. Настало время, когда они оказались очень востребованы, — продолжает свои размышления председатель районного совета.

Глава, комментируя направления работы с иностранными инвесторами, убежден: это будущее города. За счет них будет развиваться

промышленность, а следовательно, будет меняться население. Но к отбору проектов развития надо подходить осмысленно:

У нас есть понимание, кого надо сюда брать инвесторами... Надо брать предприятия энергоемкие... Это машины... механизмы, квалификация... Это другой штат, другое население, которое здесь будет работать. Нужны предприятия, связанные с электроникой... Это аййтишники, они не могут быть пьяницами... Они умные, у них такие жены и дети... Это средний класс, который не даст населению люмпенизироваться.

Одновременно представители элитного корпуса отмечают: глава не политик, а хозяйственник, что в условиях малого города, может быть даже хорошо:

Во власти в городе глава заметен. Причем в его второе пришествие. В первом приходе были проблемы. Сегодня у него куча идей. Причем идеи интересные. Может быть, нереальные в воплощении. У него есть определенная жесткость в характере. Добиваться своего он умеет. Но он больше хозяйственник, чем политик. На уровне маленькой территории это, несомненно, хорошо. Какая здесь политика? С кем здесь спорить? С коммунистами? Смешно. Депутат от коммунистов ничего для города не сделал, — замечает депутат районной и городской дум.

О его нелюбви к работе с партиями говорит председатель районного совета:

Раньше он очень не любил заниматься партиями... А потом я смотрю: он начал заниматься этими вопросами. Может быть, ему и не очень хочется... Потому что он больше практик. Он пытается научиться, но он не политик.

Отсутствие навыков политической работы было характерно для него и в Кинешме, что, похоже, привело его к отставке, но сам глава считает, что в последние годы ему удалось нарастить опыт по-

литической работы с населением города, хотя бы потому, что это важная функция, которая должна выполняться именно главой:

Нас часто оценивают по политической ситуации. Ты можешь ничего не делать, но если народ у тебя не буянит, то главой ты померишь. Политическая стабильность территории — это одна из важных функций, руководителя этой территории. Страна не должна уйти в хаос. Народ должен быть в состоянии покоя, а не революции. Я это хорошо понимаю, в этом смысле я политик.

Комментируя не сложившуюся работу в Кинешме, опрошенные представители элитного корпуса дают этому весьма разнообразные объяснения:

Мне кажется, что Кинешма была не для него. Это специфический город. Кинешма купеческая — это о многом говорит. Родники — это мое, глава сам так говорит. Это его хозяйство, это его дом, в котором ему интересно. Выхожу в Кинешме на улицу — там город, город, а здесь выйду — здесь другие просторы. Менталитет у жителей другой. Мы добрее. Мы не такие прагматичные. Там люди более своенравные. Он в Родниках сразу вошел во власть. Ему хотелось сюда вернуться, — делится своими размышлениями заместитель главы по социальным вопросам.

Недобровольность назначения, по мнению председателя районного совета, привела к последующей отставке главы:

Глава был не готов к работе в Кинешме. Ему прежний губернатор предложил, он отказался. Потом согласился. Сам он говорит, меня прижали, приезжай обязательно. Он не смог отказаться. Для нас это был шок.

Для некоторых провал работы в Кинешме стал хорошей школой главы. В результате те проекты, которые он не смог реализовать в Кинешме, он пытается сделать в Родниках:

Кинешма выше уровнем Он там просто не потянул, а Родники — это другой уровень, и у него получается. Что там не полу-

чилоь, он здесь откатал и осмыслил, — отмечает директор школы, депутат районного совета.

Никто из опрошенных представителей элитного корпуса не упоминает об авторитаризме, который так раздражал кинешемские элиты. Возможно, он пропал? Такой вывод был бы преждевременным. Скорее члены команды привыкли к такому стилю управления, и не считают его неприемлемым.

Причина, по которой делается такое предположение, — оценки, данные работе главы его заместителем по экономике:

Глава в сравнении с первым разом коренным образом поменялся. Как у руководителя, у него есть чему поучиться. У него большой опыт. Но иногда это не помогает, а мешает. У нас достаточно большой провал в возрасте, я не всегда согласна с ним. Особенно с его авторитарным режимом. И я никогда не молчу. Я всегда говорю свое мнение. Я его не боюсь. Мне с ним в определенных моментах сложно. Его иногда качает в разные стороны, у него нет прямой... Мне приходится иногда много доказывать, на это уходит время, и это замедляет процессы.

Столь же негативно она оценивает работу главы с бизнесом, которая и раньше у него не получалась, но сегодня, после прихода иностранных инвесторов, это стало особенно заметно:

Пока я не позволю бизнесменам, придите, ради бога, к главе на встречу, они на его призывы не реагируют. Они просто не придут. Им нужна четкость.

Сам глава излагает свои принципы работы с бизнесом достаточно своеобразно, и из его слов ясно — взаимодействие с бизнесом у него не очень получается:

Некоторые представители бизнеса считают, что я им помогаю тем, что не мешаю. Не надо трогать бизнес, если они что-то не засоряют... Бандеровцев не растят... Пусть они скажут, что им надо. Если это мне по силам — помогу. Бизнес — это тонкая

история, не у всех с ним получится выстроить взаимодействие. И работать в нем трудно. Не каждый бизнесмен станет чиновником, и не каждый чиновник бизнесменом... Это разные истории. Разные психотипы людей.

Однако формально раз в три месяца он с бизнесом общается, поставив цель ознакомления с работой предприятий:

Мы с бизнесом встречаемся. Раз в квартал. Что-то им рассказываем. Какие появились новые вещи... Мы с друг другом общаемся. Ходим в гости на предприятия. Ведь это зачастую разные миры. И они в других мирах зачастую не бывают.

Данное пояснение главы насчет проводимых мероприятий еще раз убеждает в том, что глубоко в работу бизнеса он не погружается. И это существенное ограничение, которое снимается за счет усилий его заместителя по экономике.

Согласно полученным оценкам, нынешние успехи главы обусловлены не только его действиями. Рядом с ним находится куратор города — вице-губернатор, доверенное лицо губернатора, который родом из Родников. Он контролирует работу главы и выработывает вместе с ним необходимые управленческие шаги.

Локальные элиты высоко оценивают участие вице-губернатора в развитии городских проектов, связанных, прежде всего, со строительством, и убеждены: это помогает главе управлять городом более эффективно:

Вице-губернатора хорошо знаю, он наш, родниковский. На проводимых встречах с жителями он многие вопросы решает. Конечно, у него есть административный ресурс. Но у него есть и желание что-то сделать... Он был хорошим бизнесменом, у него хороший учитель... У него хорошая поддержка семьи. Человек вырос, и в другом статусе он может делать реальные дела для города, — считает одна из депутатов.

Столь же высоко вице-губернатора оценивает заместитель главы по экономике:

Он замечательный. Он прошел очень много и во многих структурах работал, в бизнесе побывал. Он дипломат. Он умеет рисковать.

Сам глава высоко оценивает профессиональные и личностные качества вице-губернатора:

Это новый и очень удачный человек в команде губернатора. Именно такими должны быть чиновники. У него есть все. У него есть мотивация. И это не деньги. У него есть интеллект, и есть энергетика. Вообще у человека должны быть во власти организационные способности, они у него есть. Потом он рискованный. Мы сошлись. Мы будем делать все, только если не посадят. А все остальное — штрафы, выговоры, все можно пережить.

Анализируя достоинства сильной фигуры рядом, глава замечает:

Когда у меня вице-губернатор куратор, это дает мне возможность получить повышенное внимание... Если бы у меня куратором был человек, который занимает должность, при которой он ничего не решает, которого не слушают, это бесполезная история. Он может приехать, выступить, всех с праздником поздравить... Но нас, малых районов и городов 27, а 27 зампредов нет. Руководители департаментов разные. Не дай бог попасться какому-нибудь отгребалу. Мне не поручали... Здесь совсем другой вариант, и я этому рад. Есть куда расти.

Характеризуя вице-губернатора как человека, глава обращает внимание на следующие его личностные качества:

Он недавно во власти, и я ему желаю, чтобы он не испортился. Чтобы профессия не превратила его в высокомерного человека — не подходи, бумаг не надо и др. Он очень нам помогает. Мы с ним вместе. Это очень хороший пример взаимодействия региона и местной власти. Это пример классический. Это основано на личности. Он не забронзовел. Звезду не схватил. Власть — это боль-

шое искушение. Вопрос, поддашься ты этому искушению или нет. Начнут тебя хвалить... Поверишь ты, что ты такой, пиши пропало. Искушений много.

Важно, что глава признает — наличие сильного управленца рядом позволяет ему расти и чувствовать себя более уверенно.

Не менее важной фигурой для подражания является для главы губернатор. Именно он формирует новые стандарты управления городом, что делает работу главы более эффективной:

Губернатор — человек нового поколения. В какой-то степени прагматик. Человек умный, талантливый. Просто одаренный. Он в Родниках рулит... Он сам предлагает инфраструктурные проекты. Например, у нас сделали, хороший парк. Губернатор взял Архитектурное бюро из Москвы... Взял на себя расходы. Он сам занимается оценкой того, какой проект пройдет, а какой нет. Он делает новые пространства. Власти он у меня не отнимает. У него это лучше получается. У него такой взгляд, — мы должны перестроиться.

Призыв губернатора перестроиться воспринимается главой как вполне оправданный:

Квадратно-гнездовой способ, который был раньше, не проходит. Приведу пример. Вот Кинеима. Построили пятиэтажный дом. Вокруг него сделали круг, поставили фонарики, красиво... Он посмотрел на это и подключил Архитектурное бюро. Это другие пространства. Не те, к каким мы привыкли и которые мы никогда не видели... Это другой взгляд на вещи, к которому мы не привыкли... Это дорого, но это классно... Это другой мир, это будущее. Он заставляет нас работать лучше. Взялся дороги строить и у него получилось. У него есть свой план в голове. Он его реализует. Многие главы действуют также на своем уровне. Может быть, подражают, но не у всех получается.

Итак, проведенный анализ на примере второго кейса позволяет убедиться в том, что второй приход во власть оказывается успешнее

первого. Однако далеко не все ограничения, которые были замечены при работе в Кинешме и на первом этапе работы в Родниках, главе удалось преодолеть. Прежде всего, это касается двух моментов. Первое — неумение работать с бизнесом и вызывать у него авторитет. Второе — отсутствие политических навыков работы с местной элитой. Несмотря на то, что локальные элиты признают: с горсоветом он общается адекватно, но все же «политиком его назвать сложно». Если первое ограничение достаточно серьезно, то второе ограничение для малого города, на первый взгляд, кажется второстепенным. Однако приход в город иностранных инвесторов с неизбежностью требует грамотного исполнения политических функций, умения договариваться с представителями крупного бизнеса. Пока эту функцию выполняет губернатор и его заместитель, однако эта ситуация не будет продолжаться вечно. Ресурсов заместителя главы по экономике для урегулирования проблем на местном уровне может не хватить, несмотря на высокие оценки ее профессионализма, и тогда серьезно встанет вопрос о соответствии главы для территории, где хотят работать иностранные инвесторы. Разочарование местной бизнес-элиты работой главы весьма показательно, и это явные сигналы неблагополучия, которые нельзя игнорировать.

Если говорить о том, какие изменения повысили управленческий потенциал главы, то тут нельзя не отметить мотивационные ресурсы. Если в Кинешме, как и на первом сроке пребывания у власти в Родниках, у него все шло «по накатанной», то сегодня сложность властных решений возросла многократно, а привычные, рутинные методы работы уже не работают. Может быть, именно поэтому сегодня глава нуждается в партнерах, которые умеют больше, чем он, и он с благодарностью и пониманием оценивает их помощь. Их присутствие на поле городской политики действительно позволяет расширить масштаб городских преобразований, и прибавляет уважение к главе со стороны жителей и элит. На примере Родников во второй властный срок его качества тактического лидера проявились более ярко, чем в первый срок пребывания во власти.

Однако в данном случае важен не просто баланс отрицательных и позитивных переменных, главное в другом — у главы нет будущего в этом городе. Советский опыт хоть и остается востребованным,

но он не делает из тактика стратега. Сегодня тактические лидеры не могут продержаться во власти долго, даже в том случае, если за них стратегическую функцию реализует губернатор и его команда.

В момент подготовки статьи к печати из Родников пришла важная новость. Глава района с 19 сентября 2024 г. подал в отставку по собственному желанию. Районный совет поддержал его решение. Исполняющей обязанности главы муниципального района назначена заместитель главы по экономике. Причины не ясны. Некоторые ссылаются на прокуратуру. Но что случилось на самом деле покажет время.

Заключение: с главами надо работать...

Анализ двух кейсов на примере главы малого города и главы района в Ивановской области вскрыл важные закономерности. Во-первых, он показал важность участия губернатора в муниципальном управлении. Главное, чтобы губернатор и его команда в данном случае выполняла бы не только и не столько контрольную функцию, сколько функцию содействия и финансовой помощи. В том случае, если это происходит, меняется мотивация глав, и они начинают работать, используя не только формальные предписания, но и выходя за их границы ради общественного блага. Они начинают «жить для города».

Вторая важная закономерность — сдвиги в позитивную сторону при управлении территориями во второй срок пребывания у власти происходили не только за счет личностных изменений глав. Важную роль играла общая атмосфера, восприятие элитами предпринимаемых главами шагов. В том случае, если в городе или районе было сформировано стойкое недоверие со стороны элит к главе, любые проекты развития осуществлялись медленнее. Это свидетельствует о том, что не один глава и его команда управляют городом. Соучастие локальных элит необходимо хотя бы для того, чтобы они понимали происходящее и могли оценить уровень главы по предпринятым шагам.

Кейс Шуи показал умение главы города выстроить отношения с бизнесом и губернатором, позволившие ей дать толчок развитию города и сформировать позитивное отношение элит, которые еще 12 лет назад обвиняли ее во всех городских проблемах. Сегодня ее лидерский потенциал получил еще большее развитие, и он уже не вызывает раздражения у элит. Поддержка губернатора придала силы главе, и сегод-

ня город Шуя занимает первые места в рейтинге среди 27 городов Ивановской области.

Полученные результаты дают основание предположить, что контроль над ситуацией со стороны региональной власти не всегда тотальное зло. Если этот контроль осуществляется с целью не наказать, а помочь, он дает позитивные результаты. Главы и сегодня нуждаются во взаимодействии с серьезными игроками во власти, так как ситуация управления в малых городах требует от них совершенствования управленческих технологий, которые наращиваются именно в процессе взаимодействия с более сильными субъектами.

Как показал кейс Родников, глава района изменился ко второму сроку пребывания во власти, но эти изменения не коснулись поля взаимодействия с бизнесом. Несмотря на то, что часть локальных элит высоко оценивают его работу на посту главы, все же нельзя не отметить, что бизнес становится с каждым годом все более значимым экономическим и даже политическим игроком в пространстве малого города. Несмотря на то, что глава района за прошедшие годы нарастил свой потенциал как политического руководителя, он научился общаться с населением и региональной властью, но не стал политиком. В условиях прихода иностранных инвесторов это ощутимое ограничение, которое при определенных условиях могло стать фатальным. Так и оказалось: глава ушел со своего поста, не справившись с нарастающими задачами.

На вопрос о том, можно ли войти в одну реку дважды, исследование дало не философский, а эмпирический ответ — можно, а иногда нужно. Более того, второй период работы во власти главой, как правило, более эффективен, чем первый. Во второй период можно уйти от ошибок, которые были сделаны ранее. При этом руководитель города может меняться при возникновении новых задач. Однако масштаб личностных и профессиональных изменений может быть различен. Чем выше мотивация, тем большая вероятность позитивных изменений. Однако здесь не было вскрыто однозначных закономерностей. Многое зависит от социально-экономической ситуации, отношения губернатора и желания самих глав меняться, чтобы быть максимально эффективными. Важно, что позиция элит относительно деятельности глав в сильной степени зависит от того, кто возглавлял этот город

(район) ранее. В том случае, если предшествующий глава был слабый, возрастает вероятность того, что оценки деятельности вернувшегося главы будут выше.

Сделанные выводы базируются на небольшой эмпирической базе. Тем не менее, проведенное исследование позволяет понять, в какую сторону движутся тренды развития как самих глав, так и их территорий. В перспективе нужны более масштабные эмпирические исследования, которые бы подтвердили или опровергли вскрытые закономерности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирикова Алла Евгеньевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник. Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 127-59-57. **Электронная почта:** chirikova_a@mail.ru.

Research Article

ALLA E. CHIRIKOVA

Institute of Sociology of FCTAS RAS

5, korpus 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russia.

HEADS OF SMALL RUSSIAN TOWNS: IS IT POSSIBLE TO STEP INTO THE SAME RIVER TWICE?

Abstract. This article is based on the materials of an empirical study conducted in two different cities of Shuya and Kineshma in the Ivanovo region and one district in the same region. The study was conducted in 2011, 2018 and 2023 in the city of Shuya, in the city of Kineshma in 2018, and in the Rodniki district in 2023. The purpose of the study: to describe changes in management strategies, personal characteristics and team building of heads during the second coming to power in the same city in different periods. The study was conducted using the interview method. A total of 17 interviews were conducted in the city of Shuya in 2011, 12 in 2018 and 17 interviews in 2023. The Rodniki case included 16 interviews in 2018, conducted during the tenure of the former head of Rodniki as the head of the city of Kineshma, and 15 interviews in 2023, when the previous head returned to his place in 2021 in the Rodnikovsky district. Thus, the analysis is based on the materials of 77 interviews taken from the heads themselves, members of their teams, and representatives of the local elite. The results obtained give reason to assume that control over the situation by the regional authorities is not always a total evil. If this control is carried out not with the aim of punishing, but helping, it gives positive results. Heads today still need to interact with strong players in power,

since the situation of governance in small towns today requires them to improve management technologies, which are built up precisely in the process of interaction with such entities. The analysis also showed that it is possible to enter power twice. Moreover, the second period of work in power as a head is usually more effective than the first. In the second period, it is possible to avoid the mistakes that were made earlier. At the same time, the city leader can change when new tasks arise. However, the scale of personal and professional changes can be different. The higher the motivation, the greater the likelihood of positive changes. However, no clear patterns were revealed here. Much depends on the socio-economic situation, the attitude of the governor and the desire of the heads themselves to change in order to be as effective as possible. It is important that the position of the elites regarding the activities of the heads largely depends on who headed this city (district) before. If the previous head was weak, the more positive will be the assessments of the heads who returned to work in the city (district) for the second term.

Keywords: city head, district head, team, personal changes, local elites' perception of changes, governor, curator.

For citation: Chirikova A.E. Heads of small Russian towns: is it possible to step into the same river twice? *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 105–154. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.4>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla E. Chirikova — Doctor of Sociology, main research fellow. Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 127-59-57. **E-mail:** chirikova_a@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Витковская Т.Б., Рябова О.А.* Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УРО РАН, 2011. — 259 с.
Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. *Monogoroda Srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy*. [Single-industry towns of the Middle Urals: local elites and political processes.] Ekaterinburg: RIO URO RAN publ., 2011. 259 p. (In Russ.)
2. *Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991–2001. СПб.: Летний сад, 2002. — 380 с.
Geľman V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. *Avtonomiya ili kontrol'?* *Reforma mestnoi vlasti v gorodakh Rossii, 1991–2001*. [Autonomy or control?]

- Reform of local government in Russian cities, 1991–2001.] St Petersburg: Letnii sad publ., 2002. 380 p. (In Russ.)
3. Гельман В., Рыженков С, Белокурова Е, Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. — 368 с.
Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. *Reforma mestnoi vlasti v gorodakh Rossii, 1991–2006*. [Reform of local government in Russian cities, 1991–2006]. St Petersburg: Norma publ., 2008. 368 p. (In Russ.)
 4. Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 4. С. 130–151. EDN: NTWCIP
Gel'man V.Ya. Local regimes, urban governance and the “vertical of power” in modern Russia. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2010. No. 4. P. 130–151. (In Russ.)
 5. Дахин А.В., Солонченко Е.И. Городская политика: критический анализ теоретических подходов // Власть. 2019. № 6. С. 216–224. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6855> EDN: CPUPEW
Dakhin A.V., Solonchenko E.I. City policy: a critical analysis of theoretical approaches. *Vlast'*. 2019. No. 6. P. 216–224. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6855> (In Russ.)
 6. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН РАН, 1999. — 192 с.
Lapina N.Yu., Chirikova A.E. *Regional'nye elity v RF: modeli povedeniya i politicheskie orientatsii*. [Regional elites in the Russian Federation: behavioral patterns and political orientations.] Moscow: INION RAN publ., 1999. 192 p. (In Russ.)
 7. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. — 384 с.
Ledyayev V.G. *Vlast': kontseptual'nyi analiz*. [Power: a conceptual analysis.] Moscow: ROSSPEN publ., 2001. 384 p. (In Russ.)
 8. Ледяев В.Г. Социология власти. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. — 472 с.
Ledyayev V.G. *Sotsiologiya vlasti*. [Sociology of power.] Moscow: Izd. dom VShE publ., 2012. 472 p. (In Russ.)
 9. Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН. 2019. — 545 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019> EDN: YCUHFD
Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii. [Small towns in the social space of Russia.] Ed. by V.V. Markin, M.F. Chernysh. Moscow: FNISTS RAN, 2019. 545 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019> (In Russ.)

10. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы / Отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — 598 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021> EDN: АОХВJP
Malye goroda Rossii: novye vyzovy, sotsial'nye problemy i perspektivy. [Small towns of Russia: new challenges, social problems and prospects.] Ed. by M.F. Chernysh, V.V. Markin. Moscow: FNISTS RAN, 2021. 598 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021> (In Russ.)
11. Моляренко О.А. Местное самоуправление в России, или Хроники крайней власти // Мир России. 2021. № 1. С. 8–28. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28> EDN: XBVIYE
Molyarenko O.A. Local self-government in contemporary Russia. *Mir Rossii*. 2021. No. 1. P. 8–28. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28> (In Russ.)
12. Туровский Р.Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1. С. 82–98. EDN: VHWOAF
Turovsky R.F. Local government in Russia and evolution of political regime. *Pro nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*. 2015. No. 1. P. 82–98. (In Russ.)
13. Туровский Р.Ф. Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. 2019. № 2. С. 13–30. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.01> EDN: WXXSAC
Turovsky R.F. Settlement as a subject of local politics: theoretical background of research. *Politicheskaya nauka*. 2019. No. 2. P. 13–30. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.01> (In Russ.)
14. Туровский Р.Ф., Васеленко О.С. Актуальное состояние и перспективы развития внутригородского местного самоуправления в больших городах // Регионология. 2019. Т. 27. № 1. С. 100–121. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.100-121> EDN: YZUBNR
Turovsky R.F., Vaselenko O.S. Current state and prospects of development of municipal self-government in big cities. *Regionologiya*. 2019. Vol. 27. No. 1. P. 100–121. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.100-121> (In Russ.)
15. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256. EDN: UMAZMP
Tykanova E.V., Khokhlova A.M. The urban political regime in St. Petersburg: the role of real and imagined “growth machines” in the struggle for urban space. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2015. No. 2. P. 241–256. (In Russ.)

16. Чирикова А.Е. Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов // Вестник Института социологии. 2024. № 1. С. 165–183. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.9> EDN: KXGAVF
Chirikova A.E. Power in small Russian cities: managerial problems and motivation of actors. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2024. No. 1. P. 165–183. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.9> (In Russ.)
17. Чирикова А.Е. Команды глав малых российских городов: векторы перемен // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 72–112. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.4> EDN: EIDQSY
Chirikova A.E. Teams of heads of small Russian cities: vectors of change. *Vlast' i elity*. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 72–112. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.4> (In Russ.)
18. Чирикова А.Е. Корпорация и муниципальная власть: как достигается партнерская модель взаимодействия // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 1. С. 190–230. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.7> EDN: RZTDTW
Chirikova A.E. Corporation and municipal authorities: how a partnership model of interaction is achieved. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 190–230. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.7> (In Russ.)
19. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. — 271 с. EDN: RAZOXF
Chirikova A.E. *Regional'nye elity Rossii*. [Russia's regional elites.] Moscow: Aspekt Press publ., 2010. 271 p. (In Russ.)
20. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. — 414 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1579-2> EDN: XTHYDB
Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossiiskom gorode*. [Power in small Russian town.] Moscow: Izd. dom VShE publ., 2017. 414 p. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1579-2> (In Russ.)
21. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Главы малых российских городов: лидерство и эффективность управления // Мир России. 2021. № 1. С. 29–48. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48> EDN: ARGXCN
Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Leadership and power in a small Russian town. *Mir Rossii*. 2021. No. 1. P. 29–48. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48> (In Russ.)
22. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Лидерство в локальных сообществах: в ком сегодня нуждается муниципальная власть в России // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 157–170. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.11> EDN: GZRIQE

- Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Leadership in local communities: who is needed in the municipal government in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2021. No. 2. P. 157–170. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.11> (In Russ.)
23. Dahl R. *Who Governs? Democracy and Power in American City*. New Haven: Yale University Press, 1961. 355 p.
 24. Harding A. The History of Community Power. *Theories of Urban Politics*. Ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 27–39.
 25. Hunter F. *Community Power Structure. A Study of Decision-makers*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1953. 297 p.
 26. Stone C. Political Leadership in Urban Politics. *Theories of Urban Politics*. Ed. by D. Judge, G. Stoker, H. Wolman. London: Sage, 1995. P. 96–116.
 27. Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. 314 p.
 28. Stone C. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View. *Urban Affairs Review*. 2017. Vol. 53 No 1. P. 3–39. <https://doi.org/10.1177/1078087416674328>

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: А.В. Дука
Научные редакторы: А.С. Быстрова, Д.Б. Тев
Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Журнал «Власть и элиты» включен в базу РИНЦ

Права на материалы, опубликованные журналом «Власть и элиты», принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются. Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.powerelites.ru>
- на сайте издателя: <https://socinst.ru/publications/powerelites/>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=59624

Издатель: Социологический институт РАН – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Сайт издателя: <https://socinst.ru/>
Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru
Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2024. Том 11. № 1. Дата выхода в свет 27.12.2024.